

Р. МИХАЙЛОВ

**КОМИССАРЫ
ИДУТ
ВПЕРЕДИ**

с Воскоп

Когда говорит Лелюцкий военный
Комиссар - то это определение
напоминает приходе вась Сметова
Тепловина Воскова

Камбриг *Abdullah*

Р. Михайлов

**КОМИССАРЫ
ИДУТ
ВПЕРЕДИ**

Документально-художественная
повесть о Семене Воскове

ЛЕНИЗДАТ · 1981

Михайлов Р.

М69 Комиссары идут впереди: Документально-художественная повесть о Семене Воскове. — Л.: Лениздат, 1981. — 288 с., ил.

В четырнадцать лет — член боевой рабочей дружины, в пятнадцать — подпольщик, политзаключенный, в восемнадцать — эмигрант, позднее — активный участник политической и экономической борьбы рабочего класса Америки, друг Джона Рида, в двадцать восемь, в грозные Октябрьские дни, — руководитель рабочих отрядов, затем член ВЦИКа, руководитель Петроградского губисполкома, комиссар продовольствия Союза коммун Северной области, член РВС армии... Эти яркие страницы короткой, до предела насыщенной борьбой жизни Семена Петровича Воскова воскрешены в книге ленинградского прозаика и публициста Р. Михайлова. Написанная динамично и увлекательно, книга рассчитана на широкий круг читателей.

М $\frac{10202\ 0902030000-274}{M171(03)-81}$ 64-81

66.61(2)

Рафаэль Михайлович
Михайлов

**КОМИССАРЫ
ИДУТ
ВПЕРЕДИ**

Редактор В. Ф. Лепетюхин. Художник А. В. Тимофеев. Художественные редакторы В. И. Боконья, И. З. Семенов. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор Л. В. Берендюкова

ИБ № 1820

Сдано в набор 24.06.81. Подписано к печати 19.11.81. М-14213. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 13,08. Тираж 100 000 экз. Заказ № 196. Цена 50 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

© Лениздат. 1981

Семен Петрович Восков... Кем он был в жизни? Столяром, паркетчиком — говорили, руки у него золотые. Руководителем рабочих профсоюзов — массы ему безраздельно доверяли. Подпольщиком, профессиональным революционером — это была его стихия. И был он любящим семьянином, отцом четверых детей...

Да, детей он любил самозабвенно.

В своем походном блокнотике вечно набрасывал эскизы удобной мебели для малышей, трехстворчатых рам для приютов. Высмотрев на дорогах войны посиневших от холода и голода ребят, согревал их шершавой ладонью и веселой шуткой, отправлял в политотделы или к приютским сестрам с лаконичной запиской: «Накормить и дать ночлег. Политвоенком». Питер восемнадцатого года задыхался от голода, когда он потребовал изъятия у имущих мяса, масла, яиц в пользу сирот, детей рабочих и созыва конференции по детскому питанию.

Он особо любил молодежь и заботился о ней.

«Тысячи судеб юнцов, повстречавшихся ему на дорогах гражданской, — вспоминал генерал бронетанковых войск И. Н. Шевченко, — он передал как драгоценный дар Революции и научил всех нас видеть ослепительные дали». «Когда Временное правительство спохватилось, что теряет свой арсенал — Сестрорецкий завод, — рассказывал большевик-оружейник А. А. Андре-

ев,— этот человек уже расставил всех нас, молодых, на ключевых постах руководства шеститысячным коллективом».

Он ценил и уважал стариков.

Собирал вокруг них у походных костров молодых бойцов и говорил: «Вся человеческая мудрость в их памяти и в их слове».

Он любил людей — всех, кто пашет, столярничает, строит, учит, кто воюет за счастье народа... И свою жизнь посвятил он этой борьбе.

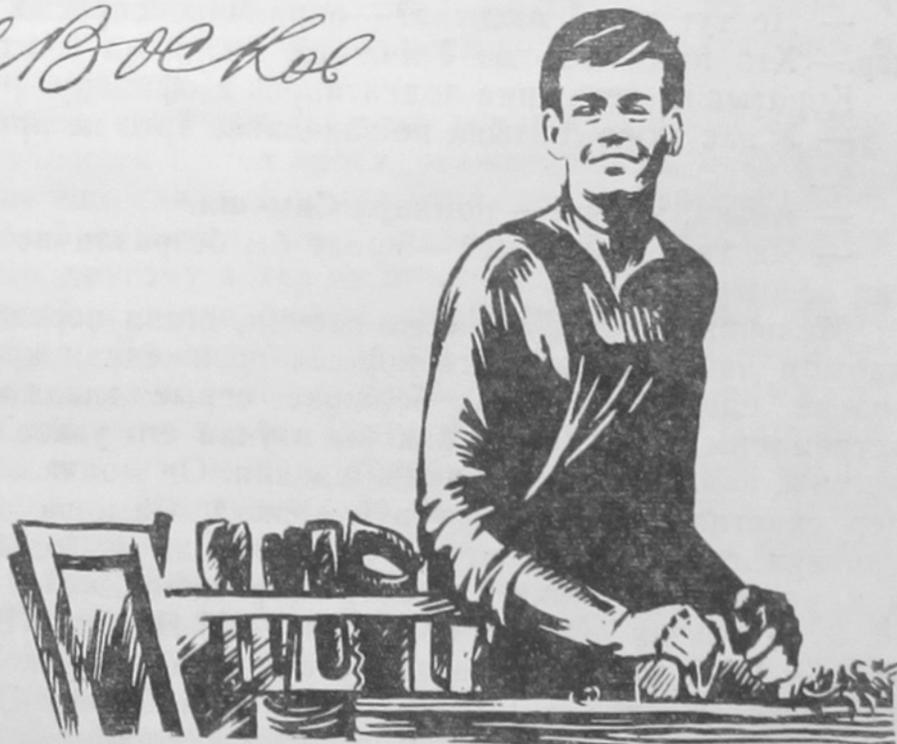
Он не был обделен ни любовью друзей, ни всенародной признательностью. Имя Семена Воскова мы находим на самых драматических страницах летописи нашей партии, в ряду имен пламенных большевиков: «В историю героической борьбы трудящихся Советской республики против интервентов и белогвардейцев навсегда вошли имена военных комиссаров: В. А. Барышникова, П. С. Батурина, П. В. Бахтурова, С. П. Воскова, Я. Б. Гамарника, В. В. Куйбышева, Н. Г. Маркина, И. Д. Полухина, Г. Н. Пылаева, И. Д. Сладкова, Н. Г. Толмачева, Д. А. Фурманова».

Кем же он был прежде всего и больше всего — Семен Петрович Восков?

„Но день настанет !..”

Нора, нора Пралега
рлату жинтэ жузуню не талко
своего сели, города, стурален.
Жинтэ нуджеко нунсе, жузуню
смирной.

С. В. Сков

ГЛОБИНСКИЙ МУЖИЧОНКА ПРЕРЫВАЕТ БАЛ

летявую речушку Омельничку мороз прихватил крепко, и глобинская детвора не преминула этим воспользоваться. Из всех дворов на покатый берег были притащены самодельные санки. Началась потеха, как вдруг сверху, с дороги, раздался зычный голос:

— Гей, хлопци! Повертай сюды, до мене!

На дороге — офицер в черной шинели, за его спиной двое солдат зябко поводят плечами. Ребятня поднялась наверх.

— Де тут чужа людына? — вкрадчиво спросил офицер. — Хто призжав до Глобина? Вчора чи сьогодни?

Коротышка-девчушка подкатилась к офицеру.

— У нас чужа людына не захована. Тато не прийняв його...

— Анька, молчи! — крикнул Самоша.

— Як твое призвище? — вроде бы безразлично спросил офицер.

Мальчик, на вид лет семи-восьми, стоял перед жандармом нахмуренный. Его хорошо посаженная круглая голова словно застыла, большие серые глаза были устремлены на офицера, как бы изучая его узкое лицо, погоны, надраенные пуговицы шинели. Он молчал. Офицер схватил мальчика за руку, сжал. Самоша охнул, пригнул голову, будто приготовился, как молодой бычок, ударить обидчика в живот, выпрямился.

— А мне ни чуточки не больно. — И гордо: — Восковы мы. Меня Самошей звать, батечку — Петром.

Восковы жили в маленькой хате на берегу Омельнички. Семья была дружная, веселая, и глобинцы никак

не могли взять в толк, как Петр и его жена Хильда, народившие пятерых детей, умудряются постоянно сохранять хорошее расположение духа, несмотря на превратности судьбы, неурожай и долги, как сводят концы с концами.

Местечко Глобино лежало на полпути между Кременчугом и знаменитым своими ярмарками Хоролом и в последних десятилетиях XIX века стало крупным перевалочным пунктом по отгрузке зерна. А когда в Глобине утвердились две постоянно действующие ярмарки, местные жители приобшились к торговле, скупке и перепродаже зерна, к ремеслам, ловле стерляди— подарку здешних водоемов. Петр Восков, перебрав не одну профессию, к 1889 году, к появлению в семье первенца Семена, тоже стал мелким скупщиком хлеба.

Семену было семь лет, когда отец, в котором дети души не чаяли, заболел, стал жаловаться на боли в желудке и надолго слег в постель. Мать окунулась в поденную работу.

Самоша стал для Хильды помощником. Даже букварь забросил. Колол дрова, разжигал печь, пока младшенькие еще спали. Кормил отца, потом мелюзгу. Вечером детей намывал, кому надо— пуговицу пришивал к рубашке, другому латку на штаны ставил.

Случай с жандармами произошел в самый канун 1896 года. За два дня до этого в местечке появился крестьянин из-под Золотоноши. Попросился заночевать в один дом— не взяли. Ткнулся к Восковым. Петр расспросил его, что и как, узнал, что тот подбил группу односельчан, доведенных до нищеты и отчаянья, захватить помещичью землю под выпас. Из Полтавы нагнали к ним войск. Петр повздыхал, потом сказал:

— Пятеро малых у меня, золотоношец. Бачишь? Уси тут. Должен я их пожалите? А ты пройды моим огородом и заховайся в старой баньке. Ничья вона. Поисты тоби мий Самоша принесе.

Наутро заявили жандармы. Ворвались они в дом Восковых, все перерыли, больного, отощавшего отца сбросили с лежанки на пол, офицер ткнул его сапогом в лицо и в ту же секунду увидел, как с ухватом в руке вышел из-за печи Семен и долгим ненавидящим взглядом уперся в обидчика. Может, офицер и проучил бы мальчишку, но в это время с улицы жандарм закричал, что беглеца нашли.

...После обеда Петру стало совсем плохо, хватался за живот, хрипел, губы посинели. Пришел фельдшер, посчитал пульс, ухом по груди больного поелозил. Смотри в сторону, сказал Хильде:

— На месте помочь не можем. В Полтаву его везти надо. В губернскую больницу.

— Мамо Хильда,— вдруг заговорил Самоша.— Позвольте, мамо Хильда, я отвезу тато.

Так впервые в жизни семилетний Семен Восков выехал из местечка, где родился и рос.

Мороз к ночи крепчал, у мальчика, сидевшего на облучке саней, стянуло скулы, сводило ноги.

...В Полтаву попали к полуночи. В домах на центральных улицах ярко светились окна — полтавчане готовились к встрече 1896 года.

У массивных ворот земской больницы выстроилась длинная вереница телег, саней, на охапках сена лежали люди.

Самоша выпрыгнул из саней, подбежал к воротам и начал отчаянно колотить руками и ногами по гулкому металлу. Распахнулась калитка, и вышел фельдшер в тулупе, из-под которого выпрастывался белый халат.

— Господа, напрасно стучитесь,— устало сказал фельдшер.— Поймите, двести с небольшим коек на целую губернию, это же тьфу, если подумать... Разве всех поместишь?

Люди зашумели. Семен шагнул вперед, сказал:

— Дядя, у батечки Петруши нас пятеро. Кто нам поможет? Я батечку из Глобина еле довез...

— Из Глобина? — Фельдшер с удивлением осмотрел фигурку мальчика в сбившейся набок кубанке, рваненькой шубейке, порылся за пазухой, достал измятый блокнотик, нацарапал несколько слов на листке, выдрал его, протянул мальчику: — Свернешь на третью улицу, отыщешь розовый дом с ангелочками. Вызови с бала главного нашего доктора Герлаха или его помощника — Шануренко. Разрешат положить батю — твое счастье.

Самоша бегал по улицам, искал розовый дом, но розовых было много. Он всхлипывал и продолжал кружить.

...Графиня Мария Евлампиевна Елагина, попечительница дамского благотворительного общества, устраивала в зале, арендованном у домовладельца Таращенко, пышный новогодний бал. В просторном зале с обилием зеркал уже чествовали своих попечителей приютские дети. Сейчас им на смену Елагина выпустила в центр зала некую госпожу Русанову, которая на днях шокировала полтавское общество, ворвавшись на съезд учителей и ученых и заявив с трибуны, что все их речи — бред, а истинное просвещение состоит в организации в деревнях театров. И может быть, не удалось бы маленькому Воскову попасть на этот странный бал, если бы графиня не надумала дополнить аудиторию «юным мужичком».

На сверкающий паркетный пол ступил мальчик в старой шубейке и валенках, с которых растекались по глянцу мутные лужицы.

— Господа, — очень довольная, объявила Елагина, — представляю вам подлинного сына нашего уездного крестьянства.

А он не слушал. Он жадно выскивал в этой разряженной многоликой толпе человека в белом халате. Но

белого халата не видел и тоскливо комкал в руках записку.

Русанова уже вошла в азарт, она что-то быстро и лихорадочно говорила. Елагина осторожно взяла из рук мальчика записку, передала ее лакею, а Самоша насто-роженно следил, как тот несет ее на подносе к малино-вому диванчику, на котором полулежал худощавый че-ловек в черном костюме.

— Итак, юный житель Глобина,— пела над его ухом женщина в зеленом платье,— балаган не на ярмарке, а у тебя дома...

Мальчик угрюмо сказал:

— У нас дома жутко тесно. Мама Хильда не велит раскидывать игрушки.— И вдруг вскрикнул: — Да чего вы все прыгаете, батечка у меня на морозе, боль его съедает, а утром жандарм его по полу таскал!

На малиновом диване раздался оглушительный хохот.

— Неплохо обложил вас глобинский мужичок, гос-пода! Взял да и обложил! У них теснота, болезни, спят вповалку, жандармы к ним наведываются, а вы к ним с фарсом, с балаганом!

— Вы напились, доктор Шануренко,— брезгливо сказала Елагина.

Спектакль сорвался, графиня подала знак лакею вы-проводить мальчика, но Самоша подбежал к Шану-ренко.

— Доктор! — закричал он.— Я шестьдесят верст проехал, полночи ищу вас. Помогите бате Петруше, ху-до ему, худо!

— Полночи, половина новогодней ночи — песчинка в истории мироздания.— Шануренко начал трезветь, пере-чел записку.— Пятеро вас и ты старший? Сколько тебе годков, старший?

— Уже семь, доктор.

— Уже семь,— значительно повторил Шануренко,

поднялся и обратился к гостям.— Запомните, господа, ему уже семь лет. Простите, что он прервал ваш бал, но у него погибает на улице отец. Может быть, еще через семь лет он сумеет оценить вашу филантропию, господа, но сегодня, простите, нет.

И доктор, отвесив шутовской поклон графине, направился к выходу.

ТАЙНЫ ЮНОГО КНИЖНИКА

орскла была куда шире узенькой, игривой Омельнички, и дно в ней пологое, песчаное, а вот манила его Омельничка. И крышка деревянного колодца в своем дворике, на которую отец, любитель всяких чудачеств, насадил деревянную голову коня, не выходила из памяти.

Восковы теперь жили в Полтаве. Нежданно вышло. Отец из больницы не вернулся. Гибель мужа надломилась мать. Трудилась остервенело, в имение Шапошниковых нанялась, возвращалась домой при звездах, а с зарей ее уже не было. Заявились кредиторы,— отец не сделал расчет по последней ярмарочной операции. Огляделись— хлев пустой, в комнатах — рухлядь. Описывать нечего. В Хильде жила гордость, с вызовом сказала: «Восковы должниками не будут. Забирайте хату — устроимся». Приехал из губернского города брат отца, Ефим. Узнав, что дом пойдет с торгов, решительно предложил невестке перебраться в Полтаву: там и заработать легче, и детям будет где учиться. Так они оказались в губернском городе. Сняли полфлигелька за Старым базаром. Тут было куда теснее, чем в своей хате: обе комнатки — крохотные, в кухоньке и двух шагов не

сделаешь. Зато Семен кладовочку присмотрел — между сенцами и кухней, упросил мать утварью ее не забивать.

Хильда нанялась к мельнику чинить мешки. Мешки завалили весь их дом. Мать тащилась с тяжелой ношей, путь до мельницы был не близкий. Ноги у Хильды начали опухать, глаза слезились от усталости, пальцы рук были исколоты иглою. Мальчик подался к соседям, в одной семье склеил развалившийся венский стул, в другой поставил на ноги хромавшую этажерку.

— Хватит, Самоша, — жестко сказала мать. — Я договорилась с господином Рубиновым, он согласен взять тебя в бесплатную школу. Книжки на свету читай.

Его маленькая тайна была разгадана: когда семья засыпала, он пробирался со свечкой в руке в свой чуланчик и уходил в мир сказочных героев братьев Гримм, восторгался веселыми похождениями Макса и Морица.

Полтавская ребятня знала, что Рубинов скор на расправу, и побаивалась его. Семен хорошо запомнил их первую встречу. Рубинов спросил, знает ли новичок буквы, и, получив утвердительный ответ, положил перед ним табличку с крупно выведенными заповедями, велел к середине урока выучить их наизусть. Две-три фразы Семен произнес, на четвертой запнулся.

— «Если ты много сделал, — подсказал Рубинов, — то тебе награда будет большая, ибо хозяин исправен в платеже».

— Учитель, — фыркнул Семен, — кто хозяев не знает. Жулики они все! Хвост дохлого осла у них не выпросишь!

Он не успел договорить. Рубинов подбежал к Семену, пригнул его голову и трижды стукнул лбом о парту.

Но вскоре учитель оценил сметку и память новичка и потому прощал Семена, если находил у него под тол-

стой молитвенной книгой сказки про Соловья-разбойника или Хитрого Лиса.

...Всю неделю Хильда ходила хмурая, молчаливая, с детьми разговаривала сурово. Попросила Семена помочь ей отнести залатанные мешки. Владелец мельницы был коротышка с выпученными глазами, и Семена позабавило, что он поднимался на цыпочки, чтобы проследить, сколько мешков укладывает на полку очень высокая, сухопарая Хильда, и не сбиться со счета.

— Семьдесят два,— прошепелявил он и подал Хильде ассигнацию.

Она взглянула на бумажку, но руки не протянула.

— Не по уговору, Фрол Саввич. Эта партия — не мешковина, а труха. Шесть ночей не спала, а у вас и по две копейки за мешок не выходит. Побойтесь бога... Я пятерых тащу.

Мельник визгливо закричал:

— Вы бы еще дюжину привезли из Глобина!

И вдруг увидел перед собой разъяренного мальчика. Мельник сделал шаг назад, оступился и плюхнулся на пол.

— Таких удавов циркачи в мешках держат! — крикнул мальчик. — А как мы снесем это шумутье на другую мельницу? Мешки-то немеченные!

Коротышка вскочил на ноги, с минуту молчал, боязливо поглядывая то на мальчишку, то на очередь.

— Ух проказник! — Заторопился: — Ты, Хильда, агитацию здесь с семейкой не разводи. Я и сам собирался вам всем по копейке надбавить.

...Они остановились на крутом берегу Ворсклы, Хильда обхватила Семена, закружила его, засмеялась. А он-то думал, что мама уже разучилась смеяться.

На другое утро в класс заявила целая делегация. Впереди шагал Рубинов, за ним семенил коротышка-мельник, и заключал это шествие один из членов попе-

чительского совета — богатый купчина, который давно уже обещал пожертвовать школе сто пятьдесят целковых. Учитель коротко пересказал случай на мельнице, резко заключил:

— Мы огорчили попечительский совет. Мы огорчили истинных друзей порядка и покоя. Ученик Восков, на колени!

Семен встал из-за парты, глянул исподлобья, улыбнулся:

— А мы и так одного роста с господином мельником. Не надо и на колени, господин учитель.

Рубинов побледнел.

— Воистину, если тебя называют ослом, ступай и возложи на себя седло!

Купчина широко улыбнулся, направился к Семену.

— Не уважаете общество, — назидательно произнес он, медленно шествуя по проходу между партами. — И наставника своего не уважаете-с. А что дальше будет? Смута, беззаконие, анархия. Надо бы выдрать и выгнать. Дозвольте помочь на правах, — сощурился, — доброхотного благодетеля.

Ох как невзлюбил Семен этих благодетелей еще с новогоднего бала у Елагиной! И когда купец снял с себя пояс и подступил совсем близко, Семен мотнул головой, сверкнул белозубой улыбкой и вдруг извлек из кармана стамеску.

— Благодетель! — на весь класс крикнул он. — Меня ребята за Ворсклой Соловьем-разбойником прозвали. Чуешь?

Купец побагровел, резко повернулся, пошел к выходу. И мельника будто ветром сдуло. Класс хохотал. Рубинов бегал между скамьями, раздавая затрещины. Остановился возле Воскова.

— Нет, ты все же осел! — с грустью сказал он. — На сто пятьдесят целковых мы могли весь год давать вам горячие завтраки.

...Хильда перестала узнавать сына. Всегда нежно привязанный к дому, спешивший исполнить самую пустячную просьбу матери, он вдруг стал исчезать на полдня, не говоря ни слова.

— Восковы всегда были очень самостоятельны,— с иронией сказала ему как-то мать.— Но все они, молодой человек, очень уважали своих родителей.

Он нежно прижался к матери, вздохнул.

— Не серчайте, мамо... Ребята меня устроили в ремесленное, по столярному делу. Утром — у Рубинова, днем — у них.

...Читал он уже не сказки. Раздумывая о мельниках, благодетелях и обо всем том, что так тревожит и ранит юную душу, он зашел как-то на Подоле в Зал народных чтений, где ежевечерне перед публикой выступали молодые люди со святочными рассказами, стихами или изложением своих взглядов на то, как жить и для чего жить. Сидевшая рядом девушка с толстой русой косой недоуменно спросила, не ошибся ли он дверью, на что Семен фыркнул и сообщил, что ему уже тринадцать и он слушал речи и похлеще. Очередной оратор — его соседка — бросила в зал несколько фраз о том, как «отцы города» надувают рабочих при расчете и, чтоб унять шум, увлекают их в винные лавки, подстрекают к погромам. По залу уже шел полицейский... Семен догнал эту русую ораторшу на улице и молча зашагал с ней рядом. Она спросила:

— Теперь скажи, сколько тебе на самом деле.

— Двенадцать,— вздохнул он.— Через четыре месяца.

Она привела мальчика к своим товарищам-кружковцам. Его живой ум, пылливость привлекли к нему внимание. Семен получил первое поручение: встретить пассажира, прибывающего с киевским поездом, представиться племянником Оксаны, взять у приезжего чемодан и отнести на Сретенскую, 12: его будут ждать в комнате,

окна которой задернуты голубыми шторами. Мальчик все сделал, как было сказано, и свел очень приятное знакомство на Сретенской. Мать и дочь, жившие здесь, понравились ему своей прямоотой и мужеством. Пока мать выходила в соседнюю комнату, девочка — ее звали Лизой — шепотом успела сообщить, что их папа сейчас в тюрьме. Кто из них знал, что девочке предстоит стать его спутницей в скитаниях!

Семен уже отлично владел рубанком, стамеской, ножовкой, знал, на что может пойти сосна или береза и на что пустить кусочки палисандрового или розового дерева. Об искусстве изобретательного столяра прослышали хозяева ближних магазинов.

— В доме завелись деньги, — с грустью заметила мать, — но зато исчез мой маленький мужчина.

Как-то на улице его встретил Рубинов, потерял бороду.

— Ты пропустил шестнадцать уроков, а шел у меня первым.

— Я даже запах книги люблю, — вздохнул Семен. — Простите, господин учитель, но теперь моим братьям и сестренкам тоже надо учиться...

Кружковцы стали доверять ему больше. Девушка с тяжелой косой вручила ему переписанные от руки листовки, просила расклеить у магазинов. Он вытащил из стопки одну, в глаза бросились первые строки: «1902, март. Крестьяне села Карловское напали на имение герцогов Мекленбург-Стрелицких! Черная сотня изгнана из Павленки — что теперь делать выпустившей ее полтавской полиции? Это только начало, кровопийцы Романовы!»

На двери табачной лавки Сарафа он приклепнул эту листовку мигом, но потом долго ходил по Мало-Петровской и Протопоповской, не зная, как скрыться от старика в чесучовом костюме и котелке, не отстававшего от него ни на шаг. И вдруг старик его окликнул:

— Молодой человек, я вас высмотрел. Мне для примерочной нужен красивый манекенщик... Куда же вы?

За первыми поручениями— новые. Вместе с группой молодых людей Семен гнал хулиганов и погромщиков из районов Павленки и Подола, снова получал задания как «племянник Оксаны». Домой приходил, когда все уже спали. А возвращаясь в один теплый весенний вечер и мечтая положить в рот хотя бы кусок остывшего пирога, встретил у калитки дядю Ефима.

— Что случилось? — тревожно спросил Семен.— Заболел кто?

— Точно! У кого-то с мозгой непорядок,— закивал дядя Ефим.— Пристав сегодня наведался. Ты, племяха, на учете в полиции. Ишь ты — враг монархии!

КОРЗИНА НА КРЕМЕНЧУГСКОМ ВОКЗАЛЕ

Он испытывал неуверенность, недоумение, злость. Воскова привели в растерянность несколько странных поступков его новых друзей. Когда о них заходила речь в столовке, рабочие морщились: «Мышиная возня националистов». В своих прокламациях они стали обращаться к узкому кругу людей, отвергли предложение железнодорожников под общими лозунгами выйти на майскую демонстрацию, посчитали, что предстоящее открытие памятника замечательному украинскому писателю-свободолюбцу Котляревскому к их борьбе прямого отношения не имеет. От беспокойных вопросов Семена «русская коса» и ее единомышленники отмахивались: «Ты еще мал, Восков, чтобы понимать большую политику».

Но окончательно убедился он в том, что попал не по адресу, после истории в драматическом театре. Очутил-

ся он там случайно, Лизина мать пригласила его пойти с ними.

Подходил к концу третий акт, и занавес мягко пополз книзу. В этот момент в театре произошло событие, довольно точно изложенное в предписании исполняющего должность начальника Полтавского жандармского управления подполковника Александрова полицмейстеру города: «Секретно. Февраля 6, 1903... По полученным мною сведениям, 6 сего февраля в театре несколько человек, сидевшие в верхнем ярусе, выслушав заключительные места драмы, по-видимому демонстративно закричали, каждый по нескольку раз: «Свободы, свободы!»... Имею честь просить Вас не отказать уведомить меня — кто именно из лиц, бывших на верхней галерее театра, кричал: „Свободы, свободы!“»

Семен не помнил, как это произошло: он тоже закричал «Свободы!». Сконфуженно извинился перед спутницами и выскочил из зала. Он высматривал спускавшегося по боковой лесенке высокого юношу, который минуту назад, уже при зажженных огнях, склонившись над балюстрадой, декламировал взбудоражившие Россию горьковские строки: «Пусть сильнее грянет буря!»

Ему повезло. Он настиг декламатора у самого выхода, прикоснулся к рукаву костюма, тихо сказал:

— До чего же здорово было! Дякую!

Семен вернулся в свой кружок, сообщил о происшествии в театре и предложил рассказать об этом в листовке.

— Юный пролетарий,— насмешливо отбрил его пожилой остролицый мужчина, считавшийся у кружковцев теоретиком.— Наша борьба — локальная. На кого обрушиваются погромы, кто более всего угнетен царизмом? Мы несем идеи счастья не всему человечеству...

Он не договорил. Семен уже был у дверей.

— Хватит! — сказал он откровенно зло.— Разводить кур для одного двора не хочу. Дёповские ребята вам не

братья. Памятник Котляревскому пусть открывают другие. Свобода, к которой призывали в театре, вам не годится, раз не вы про нее кричали. А я столяр, понимаете? Они все мне братья: и деповские, и Котляревский, и хлопцы с галерки... Больше меня не ждите. Привет с кисточкой!

...Юноша, читавший в театре «Буревестника», появился в их флигельке неожиданно. Спросил у Семена, сохраняет ли он связи с прежней организацией. Через день зашел снова — показал газету с названием «Искра», развернул:

— Хорошо бы твоим кружковцам услышать, как должен думать и поступать настоящий революционер. Вот, читай: «...необходимо, чтобы движение было действительно революционным, т. е. поднимало к новой жизни все более и более широкие слои действительно революционного класса...»

О том, что это — слова Ленина, Семен узнает позднее. А сейчас юноша пригласил Воскова посещать собрания кружка социал-демократов.

Полтава была одним из центров, куда нелегально доставлялась из-за границы ленинская «Искра» и откуда она расходилась по бурлящей России. «19-го приехала девица с чемоданом», — сообщали агенты газеты в редакцию «Искры», Ленину о доставке очередного номера. Соратники Ильича, Крупская тормозили полтавчан: «...для первого раза рискнули только около полутора пудами», «Какой адрес для явки? Адрес для багажа?.. Отвечайте... немедленно». В тридцать шестом номере газеты была напечатана заметка полтавского корреспондента о беззакониях местной жандармерии в отношении политзаключенных. Молодые члены кружка полночи от руки размножали эту информацию, чтобы широко распространить среди рабочих.

Семен выводил буквы крупно, разборчиво, вздыхал: «Читаю быстро, а пишу на тормозах. Видать, писатель

из меня не выйдет...» Домой он явился с пением петухов. Мать печально сообщила, что опять был пристав, грозился, сказал: мол, по выродку вашему тюрьма плачет. Позвала деверя — совет держать. Ефим предложил устроить племянника в Кременчуге. Семен буркнул: «Що, у мене своей койки нема? Чи мени через того дурня-пристава за море ухаты?» А сам стоял бледный, даже землистый.

На другой день Семен отправился к руководителю кружка и все без утайки рассказал ему. Пожилой человек внимательно слушал его, присматривался, раздумывал.

— Нет худа без добра.— И предложил:— Между прочим, кременчужане давно у нас просили прокламации и кое-что из боеприпасов. Доставишь? Дадим тебе пароль, снабдим явкой, но это на всякий случай. Главное же — доставь гостинцы до Кременчуга и поставь их под скамью на вокзале. Никого не дожидайся и сматывай удочки. Те, кто будут встречать, узнают тебя по приметам. Они багаж и заберут.

Он, конечно, согласился. Мать и радовалась, и досадовала, что удалось уговорить сына уехать. Полночи собирала ему огромную кошелку из рогожи. В самый низ новые ботинки про запас положила, пальтишко отцовское серенькое. Семен полез в чулан, достал лозовую корзинку.

— Куда тебе столько багажа? — спросил дядька.

— Сюда — снедь, туда — одеяло,— туманно объяснил он.

Провожать его собрались все Восковы —большие и малые. Но он попрощался в кухоньке, схватил обе корзины, сказал, что к учителю хочет перед дорогой забегать.

...Загудел паровозик. Растворилось в утренней дымке мрачное вокзальное здание.

Устроился Семен в середине вагона. Вещи глубоко

задвинул под сиденье. Соседом оказался высокий паренек в очках. Стрижка наголо придавала его лицу несколько задорный вид, карие глаза смотрели из-под стекол внимательно и смешливо. Он был погружен в книгу, только час спустя отложил ее, представился:

— Макаренко Антоша. Живу в Кременчуге. Тебя там не встречал ни разу. Полтавчанин?

— Глобинский я,— отозвался Семен.— Восков, Семен или Самоша, зови как получится.

Разговорились. Выяснилось, что Антон на год с небольшим старше, неделю назад ему исполнилось шестнадцать, кончает четвертый класс начального училища, мечтает об учительской семинарии. Узнав, что его попутчик столярничает и будет жить на Херсонской, у дядькиного знакомца, Макаренко обрадовался.

— А мой отец в депо малярит. Хочешь — устроит тебя? Городок у нас, Семен, красивый, зеленый. Много славных людей в нем перебивало. Суворов, Кутузов, Пушкин, а сколько декабристов у нас жило — самые горячие головы! — Пригнулся к уху Семена:— Ты не из них?

Семена словно кипятком ошпарили.

— Ты чего это — в полиции служишь?

— Я-то нет,— шепотом продолжал Антон.— А вон лещ в макинтоше, что у дверей уселся, с тебя глаз не спускает.

И точно, «лещ», которого Семен заметил еще на перроне полтавского вокзала, явно за ним следил. Он, делая вид, что читает газету, бросал беспокойные взгляды то на юных спутников, то на часы, то за окно... А до Кременчуга оставалась только одна остановка...

— Слушай, Антон,— Восков решился.— Помоги, если не струсил. Багаж мой под лавкой, и он опасный. Шпика я уведу на этой станции.— Достал из корзины конверт, сунул за пазуху.— Кошелки вынесешь в Кременчуге и поставишь у извозничьей стоянки. Идет?

Как только машинист затормозил, Семен ринулся по проходу между скамейками, пронесся в тамбур, оттуда — в другой, соскочил на землю, пролез под вагонами, слыша за собой тяжелое дыхание, пустился бежать к хвосту состава. Шпик путался в полах своего длинного плаща, но старался не отстать. Семен поравнялся с предпоследним вагоном, услышал паровозный гудок, снова полез под состав, моля, чтобы машинист дал ему хотя бы еще одну секунду до того, как сдвинет с места тяжелую махину. Он получил эту секунду и, зная, что шпик не рискнет жизнью, а обежит последний вагон, ринулся навстречу преследователю, сбил его с ног и, пока тот поднимался с земли, отчаянными прыжками догнал состав, уцепился за поручни и наконец сильным движением перенес свое тело, ставшее вдруг невероятно тяжелым, на подножку.

...Свои корзины он нашел возле извозчичьих экипажей. Антон приглядывал за ними, стоя у кустов акации. Семен убедился, что хвоста нет, дотащил багаж до вокзального буфета.

Поглубже задвинул корзину под угловую скамью. Огляделся. Нарочито громко спросил у буфетчика, скоро ли будет поезд на Полтаву. Побродил меж сидевших на лавках пассажиров, искоса поглядывая на оставленный багаж. Время шло, пора было уходить, а корзиной его так никто и не заинтересовался. Кляня кременчужан за неточность, но помня приказ, Семен вышел из вокзала и вернулся к стоянке извозчиков. Издали помахал рукой стоявшему все там же Антону. Упавшие на город сумерки их разлучили.

Семен направлялся к Херсонской, испытывая тревожное недоумение. Он не предполагал, что вот-вот за ним начнется охота, что через несколько дней из кременчугской жандармерии поступит спешное донесение о случившемся в губернское жандармское управление:

«Секретно. Докладывает помощник начальника Гу-

бернского жандармского управления по Кременчугскому уезду.

12 марта 1904 г. № 243. Гор. Кременчуг. Начальнику Полтавского ГЖУ...

...8-го марта, после отхода со станции Кременчуг вечернего пассажирского поезда на Харьков, то е[сть] после 8-ми часов вечера, швейцаром станции мещанином Моисеем обнаружена в зале III класса, под скамьей, оставленная неизвестными лицами рогожная ручная кошелка и лозовая корзина с привязанным к ней ремнями одеялом, при сем в кошелке тогда же были усмотрены боевые ручные патроны. Тотчас же по обнаружении было учреждено наблюдение со стороны жандармской полиции за появлением владельца этих вещей или лица, ими интересующегося. Но такового в течение суток не последовало, почему вещи эти были вскрыты и при осмотре оказалось в кошелке 395 боевых... патронов, а в корзине 484 таких же патронов. Дознанием установлено, что корзинку вносил в зал прибывший из г. Кременчуга тотчас после отхода поезда на Харьков... мальчик лет 15-ти и говорил, что он направляется ехать в Полтаву, но вскоре неизвестно куда скрылся... Произведенное по этому делу дознание, вместе с патронами и прочими вещами... передано для дальнейшего расследования и направления Кременчугскому полицмейстеру... Ротмистр Якобсон».

...Семена Воскова подмывало на другое же утро помчаться на явку. Но осторожность взяла верх, и он попросил доставить конверт с прокламациями по названному ему адресу игравших во дворе мальчишек, обещав им сделать гигантского бумажного змея. Они вернулись с запиской, в которой стояло только одно слово: «Схоронись».

Печально бродил Семен по зеленым улочкам уютного приднепровского городка, постоял у поймы могучей реки, вглядываясь в Дынкин остров, сплошь поросший

лесом, в острую косу, которая разрезала наискосок Днепр и дымила мальчишескими кострами... На другое утро он пошел устраиваться в столярку. Потекли рабочие дни.

Но прошла неделя, и Семен не утерпел... Возле ворот табачной фабрики Зарицкого, где полицейские пикеты сменяли друг друга, его и схватили. Приметы его уже были разосланы полицией. Поручик, посадивший подростка в пролетку, лично доставил его к ротмистру Якобсону.

— Вот вы какой?— криво усмехнулся ротмистр.— Совсем мальчик... Так где же ваши корзиночки, Восков?

— Все, что я привез, у меня с собой, господин ротмистр.

Ротмистр хлопнул в ладоши, и жандармы внесли кошельки.

— Как вы могли их донести, Восков? — небрежно спросил Якобсон.— Или вам помогали?

Чуть было не сорвалось с языка: «Сам донес». Догадался: его ловят.

— В жисти мне такого не стащить.

Якобсон снова хлопнул в ладоши, и в кабинет ввалился Макинтош, метнул в мальчишку недобрый взгляд, склонил голову в сторону жандарма.

— Говорит, в жизни ему такого не стащить,— лениво произнес Якобсон.

Макинтош подошел поближе и неожиданно ударил Семена в живот ногой. Подросток свалился с тихим стоном. Макинтош занес над ним ногу, чтобы ударить вторично, но резким движением Семен потянул ее на себя, филер грохнулся, и Семен с наслаждением двинул его по скуле.

— Если теперь я напущу его на вас, Восков,— фальшиво-предупредительно произнес ротмистр,— от вас останется кровавый бифштекс. Скажите, к кому вас направляли, голубчик, и уезжайте на все четыре стороны.

Истязания продолжались несколько часов. В камеру унесли едва дышащее тело.

Наутро его снова привели к ротмистру. Якобсон мельком взглянул на опухшее, в кровоподтеках, лицо подростка.

— Ваш земляк переусердствовал, Восков. Но вы тоже его загоняли у вагонов. Будьте благоразумны...

...Избиение шло в том же порядке. Макинтош все целил ему в голову, жандарм бил по спине. Жестокую память о первом аресте в виде крошечных плешин на голове Семен сохранил на всю жизнь. Когда много лет спустя Воскова спросят, как он все это перенес, он ответит: «Понимаешь, первый удар обычно так парализует нервы, что они уже не реагируют на последующие».

Семен не знал, что семья хватилась его, дядька написал прошение полтавскому губернатору. Начальство донимало Якобсона вопросами, только ли с детьми он воюет. Во время очередного допроса, шедшего почему-то без расправы, ротмистр вдруг пододвинул к Семену какую-то бумажку, небрежно сказал:

— Ты высылаешься под надзор полтавской полиции.— И присовокупил: — Не одумаешься—мы тебя в тюрьмах сгноим.

И ведь не солгал— попытались сгноить...

ОСАДА ТЮРЕМНОГО ЗАМКА

Две недели он отлеживался дома. Потом исчез на день. А однажды не появлялся все десять дней. Хильда послала Шику искать старшего сына по столярам, на вокзалах. И вдруг на перроне над ухом мальчика раздалось:

— З чого це вас, Петровичу, прозвали у симьи Шикой? Мабуть, вы любылы ховатыся по закуткам, а тому, хто находыв вас, тыхо говорылы: «ш-ши»?

Только сейчас Семен заметил, как вырос мальчик — плечам его стало тесно в старенькой курточке. И еще заметил, что красивое лицо Шики, так похожего на отца, стало прозрачным.

— Живый я, Шика. Вернусь через три дня. А кто спросит — скажи: Семен, мол, ходит по людям и столярничает.

По людям он ходил, и принимали его замечательно. Уже весной 1904-го, когда он вернулся в Полтаву после первого ареста, в Зале народных чтений, где Семен впервые услышал слова «безжалостная эксплуатация», «прогнившая монархия», он сам обратился к пришедшим сюда жителям рабочей окраины:

— Мальчишки и те понимают, что в одиночку мастеровым людям не выжить. Когда человек темен, его обобрать царским холоуям ничего не стоит.

В канун первой русской революции поднялись на борьбу и рабочие Полтавы — с кирпичного завода, из железнодорожного депо, механических и столярных мастерских. Полиция и жандармерия сбились с ног в поисках рабочих вожakov. Но и юного Воскова, который в донесениях филеров именовался то «выкормышем глобинской голытьбы», то «рыбешкой помельче и поядовитее», жандармы не оставляли своим вниманием.

Семена бросали в тюрьму по всякому поводу.

«Вреднейший в околотке человек», — говорил о Воскове полицейский пристав. «Воскову полезнее снимать угол в тюрьме, чем ходить из нее домой и назад», — цинично изрек начальник полтавского жандармского управления генерал Васильев. Сохранилась запись о том, что жандармы «к нему во время арестов никогда не допускали передачи, стремясь заморить его голодом».

Казалось, преследования и лишения могли сломить подростка. Но он оказался крепким орешком и имел впоследствии все основания обратиться со страниц социалистической газеты к передовым рабочим, гордо подписавшись «Рабочий-социалист В[осков]»: «Тюрьмы, крепости, ссылки, избиения, нелегальное положение, все переносилось со сладостным сознанием исполненного долга...»

Руководители социал-демократического кружка, испытав молодого работника, все чаще посылали его выступать в дальних углах губернии. Полтавчане много лет спустя рассказывали Михаилу Воскову о том, как приезжий агитатор—его старший брат, используя написанную Лениным листовку ЦК РСДРП «К русскому пролетариату», разоблачал подлинные цели русско-японской войны.

В воспоминаниях земляков Воскова сохранилась и такая история. Будто помещик Остроградский, владелец имения Пустовойтово и завода рысаков, где побывал Семен, подслушал его разговор с объездчиками лошадей, встрял в беседу и попытался поднять престиж затеявшего войну русского правительства.

— Народ развернет на новых землях торговлю,— вещал Остроградский.— Затянем временно пояса...

— Мне говорили,— не оставался в долгу Восков,— владелец местного завода затянул подруги на двух сотнях рысаков и с конюхами в придачу выгодно сбыв их армии. Кто-нибудь потом видел этих ребят в живых?

Дни его пребывания на Полтавщине были сочтены.

После очередного ареста Семена под конвоем привели в окружной суд и дали подписать бумагу, в которой было сказано, что по политическим мотивам мещанин Восков С. П. высылается из Полтавы под надзор ялтинской полиции.

...Солдат-конвоир ждал его во дворике. Мать долго не могла отпустить от себя Семена, ерошила его жест-

кие, слегка курчавые волосы, нащупывала под ними шрамы от побоев, несколько раз погладила по упрямым, торчком стоявшим ушам.

— Слышат они хорошо,— шепнула она.— Пусть хранят мою молитву.

— Не учите братишек смирению,— тоже шепотом попросил Семен мать.— Не то время.— Нежно прикоснулся губами к сухой, морщинистой коже ее щеки.— Я вас буду вспоминать каждый день. Лишнюю копейку всегда перешлю. И скоро вернусь, ждите.

Пристав ялтинской полицейской части Гвоздевич оказался низкорослым человеком, густо обросшим бородой, с мечтательными голубыми глазами.

— Что намерены у нас делать?

— Столярничать,— беспечно ответил Семен.— И в море никогда не купался — от грязи тюремной отмоюсь.

Мечтательность с пристава будто ветром сдуло, он встал из-за стола, пронзительно закричал:

— Я тебе покажу шуточки! Здесь тебе не курорт, арестантская морда! Жить — в бараке для солдат инвалидной команды! Ежевечерне, в семнадцать тридцать, являться для отметки! Речуг — никаких! Компании не собирать! Замечу более двух, включая тебя,— дух вышибу! — И затряс пышной бородой.— Па-ав-та-рить!

— Барак, отметки,— быстро перечислял Семен,— никаких речуг, а ежели второй подойдет — дух из него вышибать!

Семен недоумевал, почему жандармерия выбрала для него Ялту. Приписывал это то суровому режиму, который царский сатрап вводил в Крыму, то отдаленности поселка от крупных предприятий. Приютил Воскова нагорный район, усеянный мастерскими и лавчонками. Люди здесь жили по-разному, но все дорожили насиженным местом, и Семен отлично понимал, что поднять на борьбу ремесленников, дорожащих своими маленькими профессиональными секретами, мелких тор-

говцев и виноделов будет куда труднее, чем полтавских путейцев или пустовойтовских объездчиков.

Новый подъем революции, которым были ознаменованы весна и лето 1905 года, грозные классовые бои, политические стачки, буквально потрясшие Российскую империю, охватили и Крым. Ялта отозвалась революционными выступлениями ремонтников дорог, рабочих виноградных и табачных плантаций, рыбаков.

— Слушай, товарищ Восков,— сказал Семену руководитель ялтинской группы социал-демократов,— сейчас важен каждый удар по самодержавию. Раскачай жителей нагорного района. А чтоб твоим словам больше доверяли, вскрой аферу галантерейщиков.

Он вскрыл. Для этого ему пришлось раздобыть приличный костюм, который он надел впервые в жизни, и нанести визит в губернаторскую канцелярию, где словоохотливые чинуши, уверенные, что имеют дело с представителем симферопольской фирмы, выболтали кое-что о проекте сноса мелких мастерских. И вот Восков в толпе часовщиков, фурнитурщиков, замочников, резчиков по дереву, камню.

Собравшиеся во дворе люди осторожны, они привыкли обдумывать каждый свой шаг. Старый часовщик деликатно спросил:

— Скажите, молодой человек, что толку в ваших стачках, например, лично для меня. Я имею, чтобы вы знали, постоянную клиентуру, много заказов и до конца жизни смогу намазывать масло на французскую булочку, и мои дети, чтобы вы знали, тоже.

Семену стало тревожно, он уже хотел пронять их вестью о предстоящем сносе мастерских и все же решил про себя: «Идея важнее желудка».

— Насчет масла и французской булочки,— как мог спокойнее сказал он,— еще поговорим. Давайте о главном. Если каждый скажет себе: «Сыт — и сиди помалкивай», человечество откатится назад, к пещерам. У ме-

ня тоже руки не кривые, и говорили, что столяров таких в Полтаве не избыток. Мог бы прокормить четверых сестренек и братишек. А вместо этого мотаюсь по тюрьмам. Для чего? А чтобы тысячи детей выпрячь из колесницы толстосумов.— Он глубоко вздохнул.— Не всем по нраву скитальческая жизнь, но благородным можно оставаться и в своем доме.

На толпу слушателей нашло молчание. А Семен боялся поверить, что слова доходят. Покрутил головой, усмехнулся:

— Теперь о булочке. И она не вечная... А хотите знать: две торговые компании, галантерейщиков и часовщиков, уже сунули взятку местным властям, и, может, завтра вас лишат аренды лавок и вообще разнесут ваши хибары. Бьют слабых и разобщенных. Народная буря, господин часовых дел мастер, несет вам союз с пролетариями против сделок буржуазии, а руки ваши оценит.

Люди зашептались.

— Завтра мы вам ответим,— резюмировал мнения тот же часовщик.— Лично я склоняюсь пойти с вами.

...В эти дни «Потемкин» под красным флагом прибыл в Одессу, охваченную всеобщей забастовкой. Вокруг «непобежденной территории революции», как образно назвал Ленин восставший броненосец, подобно кругам на воде, стали возникать новые очаги народных выступлений. И когда басовито загудели пароходы, возвещая, что Крым присоединяется к «Потемкину», на дверях мастерских и лавок Ялты были навешаны замки и начертаны выразительные надписи: «Пусть сильнее грянет буря!», «Заказы буржуев — по боку!».

Приставу Гвоздевичу доложили, что высланный в Ялту бунтарь ведет среди ремесленников опаснейшую агитацию. Но его хватились поздно. Восков был уже в Одессе.

На протяжении пяти месяцев 1905 года жандарм-

ское управление города вело «Дело о производстве дознания о типографии Одесского комитета РСДРП».

...Одесситы, острые на язык, пустили шутку, что чем больше филеров сгоняет жандармерия к дому двенадцать по Большой Арнаутской улице, тем больше прокламаций из него разлетается по Одессе. А секрет состоял в том, что дом этот социал-демократы использовали как «отвлекающий» маневр, типография же чуть ли не еженедельно кочевала из квартала в квартал. Много лет спустя Восков поведал своим сестрорецким друзьям, как по поручению Одесского комитета возглавил нелегальную типографию, как конструировал складную наборную кассу, доставал шрифты, перевозил эту «технику» с места на место, как изучал наборное дело, печатал, а иногда и сам писал прокламации-обращения к новобранцам и пролетариям. Однажды большевик С. И. Гусев, носивший партийную кличку «Нация» и возглавлявший Одесский комитет РСДРП, распорядился за два часа отпечатать воззвание к рабочим. Семен уже через час положил перед ним листок с не просохшей еще типографской краской и на вопрос, как это ему удалось, фыркнул:

— Сергей Иванович, еще через полчаса мы уж ничего не смогли бы сделать, полиция готовила на типографию налет.

А вскоре после этого он получил предостережение: «Побыстрее исчезни из города. Полиция взяла тебя на мушку. Нация».

Восков перебирается в Екатеринослав. О приезде опытного оратора и конспиратора с партийной кличкой «Семен Петрович» екатеринославские подпольщики были предупреждены. Правда, они ожидали, что прибудет зрелый человек в годах, а не подвижный шестнадцатилетний юноша с широким открытым лицом и смеющимися глазами. Но когда они познакомились поближе, Семен быстро расположил к себе членов организации.

Сопоставляя мемуарные источники, можно прийти к выводу, что Восков прибыл в этот город, кипевший страстями, в канун или несколько ранее Всероссийской октябрьской политической стачки, которая, как указал Ленин, «охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской». В Екатеринославе бастовало свыше десяти тысяч рабочих, происходили столкновения демонстрантов с полицией и войсками.

Такая обстановка отвечала революционным устремлениям молодого Воскова. К тому же железнодорожникам, — а именно к ним направил его работать Екатеринославский комитет, — предстояло, как подчеркнуто в истории КПСС *, сыграть особенно важную роль в нараставшей стачке, «парализовать экономическую жизнь страны и втянуть в движение огромные массы людей».

Представившись рабочим депо, Восков рассказал о себе, закончил словами, которые потом не раз повторит своим друзьям по военным походам: «Мы избрали с вами путь борьбы, а не покоя. Дадим друг другу слово — не терять присутствия духа, боеспособности, веры в свои идеалы».

Большевистские листовки, призывавшие к свержению самодержавия, печатались с грифом: «Типография Екат. Комитета». Полиция пообещала крупную награду за указание адреса этой таинственной типографии. Очень немногим совершенно надежным людям, и среди них Семену Воскову, доверяли получать для распространения листовки и прокламации на большевистских явках, в магазинах и даже в открытом поле. И он мчался с пухлым пакетом, перетянутым для отвода глаз голубыми лентами, к своим путейцам.

* Здесь и далее в повести соответствующие цитаты приводятся по шеститомному изданию «История Коммунистической партии Советского Союза».

— Петербургские рабочие уже провозгласили в знаменитый день девятого января: свобода или смерть!— Восков, вскочив в депо на подножку вагона, читал призывные ленинские строки из листовки: — Рабочие всей России, мы повторим этот великий боевой клич... мы пойдем через восстание к свободе, через свободу к социализму!

Под сводами депо загрело подхваченное сотнями голосов: «Время за дело приняться, в бой поспешим мы скорей...»

Управляющий мастерскими и сопровождавшие его жандармы, семеня вдоль стены, устремились к выходу, а вслед им неслись мощное звучание хора и насмешки рабочих.

Семен угодил и на этот раз за решетку — его выследили провокаторы. Но пробыл в заточении недолго.

Известно, что группу политических заключенных, перевезенных из тюрьмы в полицейский участок на Стародворянской улице, допрашивал жандармский полковник, прибывший из Петербурга, и ему во что бы то ни стало нужно было сфабриковать письменные признания арестованных в том, что их «вполне устраивают прежние порядки, а подбивали их на смуту и разбой большевистские агитаторы, нанятые заграничными шпионскими центрами». Дольше всего он провозился с Семеном, делал вид, что принимает его за зеленого юнца, а когда понял, что все уловки бесполезны, бесстрастно произнес: «Мой метод прост. В шесть часов поутру... вас, «Семен Петрович», расстреляют».

...Перестуки начались ночью. Соседи извещали, что Чечелевка, Фабрика, Амур бурлят, в городе идут баррикадные бои, «предварилровка» осаждена восставшими рабочими. «Продержись час! — отстукивал тюремный телеграф. — Продержись час!» Он забаррикадировал дверь койкой, парашей, расковырял стену — вырвал железный крюк, к которому раньше, очевидно, привинчи-

вался стол, решил, что оружие для самообороны неплохое. Но первыми к нему ворвались не жандармы, а восставшие рабочие, вынесли Семена из тюрьмы на руках. «Круши лыходив! Ричь давай!» — раздалось в толпе. Рядом с ним находился посланец Екатеринославского комитета большинства Михаил Лещинский, которого знали как «товарища Сергея». Высокий, мускулистый, он легонько подтолкнул Семена к дереву:

— А чем не трибуна?

Восков обхватил ствол орешни, взобрался на сук, чтобы его было видно и чтобы ему видеть лица людей, горевших ожиданием.

— Братья... Друзья... Товарищи... — Он чувствовал, что глаза ему застилают слезы. — Может, увидеть своими глазами такую рабочую стойкость мечтали все защитники свободы! Мы многое вынесли, многих из нас подстерегает у материнского крова засада. А что поделать, когда все наши попытки подняться к свету, к счастью разбиваются о жадность власть имущих. Враги увидели вчера мощь пролетарского единства в Петербурге, Москве, Одессе, а сегодня в Екатеринославе. И это прекрасно!

Раздалось могучее «ура!». Уже спокойнее Семен завершил:

— Некогда сейчас ликовать. Дадим палачам урок рабочей солидарности. На Острожную площадь! Освободим товарищей! Они должны быть с нами, в нашей революции!

Комбриг молодой Красной Армии П. Н. Александров писал: «В революционном 1905 году он [Восков] распространял листовки, участвовал в разгроме политических тюрем — екатеринославской, полтавской». Да, это он, Семен Восков, повел за собой поющую, бурлящую, революционную толпу на штурм екатеринославского Тюремного замка. Вместе с ним шли испытанные рабочие активисты. Скорее подросток, чем юноша, ско-

рее порывистый мечтатель, чем стратег, мастеровой, не искушенный в военных операциях, Семен шел во главе огромной, полутора-двухтысячной колонны екатеринославцев, отдавал распоряжения, высылал к площади патрульные группы, сумел провести окружение тюрьмы и заставить охранников разбежаться.

Потом его отозвали в сторону и передали распоряжение Комитета: «Немедленно в поезд и подальше отсюда. Иначе жандармы с тобой расправятся. Уезжай, дорогой Семен Петрович».

БЕЗДЕЙСТВИЕ — НЕ ДЛЯ НЕГО

ухой восточный ветер налетел на Харьков и загнал ртуть в термометре на фасаде земской управы вниз, далеко за нулевую отметку. Мороз крепчал. Начи-
нало смеркаться. По Екатеринославской прогарцевал эскадрон казаков, немногочисленные прохожие прижа-
лись к стенам домов, на минуту все стихло, потом по главной улице прогремела конка... Остановилась она напротив банка. С подножки соскочил ладно скроенный пассажир, широкий в плечах, одетый в довольно легкое для такой погоды пальто. Он спросил у первого же прохожего, как выйти на Гончаровский бульвар.

Двери ему открыла девушка в белом халате:

— Доктор уже не принимает. Может быть, завтра...

— До завтра в сосульку обращусь,— заразительно улыбнулся посетитель. — Передайте доктору, что к нему Семен Петрович просится...

Сообщение о визите Семена Петровича вызвало в комнатке, где сидел десяток людей, минутное недоумение.

— Мне называли это имя,—пробормотал руководитель местных социал-демократов, которого профессия медика наградила партийной кличкой «Доктор», — да, называли... Ну пусть немного подождет. Мы еще должны договориться о защите арестованных товарищей.

Здесь находились рабочие вожаки завода «Гельферих-Саде», руководители дружин самообороны. Шел к исходу девятьсот пятый год. Революция героически оборонялась, усилился натиск реакции, обернувшийся для восставших с «Гельферих-Саде» особо жестокой трагедией: рабочие дружины, готовившиеся выступить на захват власти в городе, были преданы провокатором, а завод окружен казаками и подвергнут артобстрелу. Тщетно пробивались на помощь восставшим паровозостроители во главе с большевиком Артемом — революционная вспышка харьковских пролетариев была потоплена в крови.

— Одну минутку!— Доктора вдруг осенило.— Да ведь Семена Петровича рекомендовали нам екатеринославцы. — Сестра, просите...

Семен вошел крепким шагом, назвал себя, пожал всем по очереди руку, широко улыбнулся:

— А я ведь к вам напросился...

Уже в ходе гражданской войны комбриг П. Н. Александров запишет в дневнике: «Восков говорил, что Харьков в его, Семена, молодые годы кипел и бурлил политической жизнью и он не смог не ринуться в Харьков».

...Собравшиеся забросали приезжего вопросами. Он отвечал немногословно, не торопясь, обдумывая. Вдруг усмехнулся:

— Только не пытайте меня по теории—мне пока шестнадцать.

— Выходит, ваш однолетка.—Доктор представил Семену юношу с черной кудлатой головой:—Михаил—еще молодой социал-демократ, но сколачивал рабочую

дружины. Поможет вам пообвыкнуть, войти в курс харьковской жизни.

Новый знакомец Семена позже напишет: «Как только к нам... вошел товарищ Семен, стало легче и веселее. Его простая беседа, его рассказы дышали всегда какой-то особой верой в дело революции. Его улыбка сразу полюбилась всем нам. Я с ним особенно подружился...»

Михаил квартировал у скромного чиновника, жившего на Екатеринославской улице. Показав свою комнату, он сразу повел Воскова в подвал. Семен даже присел от удивления — здесь был сосредоточен целый арсенал: револьверы, патроны, охотничьи ружья, шомпола, даже пачки с динамитом.

Говорил Михаил о себе не таясь, смешливо:

— Я типичный харьковский гамен. Гонял по крышам голубей. А в пятнадцать взял и ушел от отца. — Помрачнел. — Отец мой — типичный мелкий эксплуататор. Пока сдает в нашем доме четыре комнаты, но хочет приобрести небольшое предприятие. У меня рука не дрогнет поджечь его контору и этим вернуть папашу назад в класс малоимущих мещан.

— Эка хватил! — расхохотался Семен. — Я в теории не шибко силен, но и ты, Михаил, — не Гегель.

Харьков лихорадило. Жандармерия бесчинствовала, полиция выпустила из тюрем уголовников. Молодежь с заводов, студенты вступали в отряды самообороны, пожалуй, самые сильные комплектовались на заводе «Гельферих-Саде», и очень скоро Семен стал для этих дружин незаменимым человеком. «Восков — по натуре человек дела, революционер и не может сидеть сложа руки» — так впоследствии писал о Семене его новый приятель.

Восков формально пока не входил в РСДРП, но идеи ее разделял и считал себя обязанным работать по заданиям стачечного комитета. Обводить вокруг пальцев карателей ему было не привыкать. Рабочие «Гельфе-

рих-Саде» вспоминали такое происшествие: напустив на рабочий квартал налетчиков, только что выпущенных для этой цели из тюрьмы, жандармский отряд поджидал неподалеку их сигнала, чтобы под предлогом беспорядков ворваться в дома и увезти в охранку неугодных им лиц. Притаились жандармы возле того места, где вечно пересыхающая речушка Харьков впадала в еще более заплесневелую Лопань, в негустом кустарнике, за тридцать шагов от деревянного мосточка. Восков разведдал все заранее и приказал своей дружинной «десятке» незаметно разобрать прогнивший настил, а чтобы блюстители порядка не полезли на другой бережок вброд,—воткнуть в дно речушки длинный шест с дощечкой и крупно на ней вывести: «Стой! Динамитные шашки!»

Он все рассчитал правильно. Страх заставил жандармов бежать вдоль русла Лопани в поисках безопасного перехода. А дружина в это время успела выгнать из рабочего квартала провокаторов.

— Эх,—посетовал однажды Доктор.— Юзовка просит у нас винтовки. А где их взять? И финансы поюг романсы...

Уже дома, забравшись на койку, Михаил спросил:

— Ты эксом был когда-нибудь? Ну... экспроприатором?

— Не доводилось,—засмеялся.— Мама учила: чужое — ни-ни!

— Ну а если во имя рабочего долга? Без оружия ребятам против карателей не устоять.

Наутро они достали справочники-путеводители по Харькову и начали выписывать адреса и фамилии крупных лавочников. Михаил где-то выпросил новенький студенческий мундир, в который Семен с трудом влез.

— Вид у тебя генеральский,—восхищенно отметил приятель.

Сам он нацепил на шею «бабочку».

Начали с мануфактурного магазина Фаденчева по Шляпному переулку. Представились видными функционерами дружин самообороны и предложили свои услуги по охране его торговли, — разумеется, за соответствующее вознаграждение. Фаденчев, низкорослый, все время шумно втягивающий носом воздух, подозрительно рассматривал список мануфактурщиков, извлеченный из желтого портфеля Семена.

— Почему шесть лавок? А Гутман всю сумму дал?

— По нашим сведениям, господин Фаденчев, — невозмутимо ответил «студент», — готовятся налеты именно на эти шесть магазинов. Предъявляю расписки ваших компаньонов Левчука и Гутмана.

Фаденчев схватил перо, нервно вписал свое имя.

— Только уговор, господа! Пост круглосуточный.

— Спи спокойно, — сказал Михаил. — Вы под надежной охраной людей, преданных царю, отечеству и частной собственности на мануфактуру.

Когда они оказались на улице, Семен отчитал спутника:

— Сообрази он, что ты наплел, — позвал бы городского. И вообще... Я тебе в этом деле больше не партнер — «малиной» попахивает.

— Рабочим нужно оружие! — завопил Михаил.

— Его надо добывать не приемами класса, которому мы объявили войну, — отрезал Семен.

Пути их на время разошлись, а полученные деньги, не объясняя их происхождения, Восков на другой же день сдал в комитет.

Семен не очень приглядывал за Михаилом, занятый поручением стачечного комитета. Предстояло уговорить группу известных харьковских юристов взять на себя защиту арестованных рабочих. Встречали его по-разному, но чаще сочувствовали. Семену назвали имя видного присяжного поверенного, участие которого в деле вызвало бы большой общественный резонанс. Но предуп-

редили, что этот человек, увы, не бесребреник. И тогда Восков нанес визит владельцу маленького ресторана на Сумской, без утайки выложил затруднения рабочей организации. Ресторатор выслушал Семена с любопытством, поинтересовался:

— Я не сказал ни «да», ни «нет». Но почему платить должен я?

— Ваш сын сидит за решеткой,— прямо сказал Семен.— Он тоже участвовал в нашей борьбе.

Владелец кивнул:

— У вас будет лучший защитник.

В комитете его работой остались довольны, Доктор сказал:

— Может, мы и не добьемся свободы для наших товарищей, но уж во всяком случае судилища не принесут царизму лавров!

Семен был счастлив, но через день отношение к нему старших товарищей резко изменилось. Его с Михаилом вызвал Доктор, не здороваясь, грустно сказал:

— Возьмите деньги назад. И один и другой. Деньги, добытые таким образом, партия не примет, как бы мы ни нуждались в вооружении для народа и в защите наших товарищей.

— Последней суммой меня как раз и ссудил отец нашего товарища по борьбе,— пытался оправдаться Семен: он понял, что Михаил продолжал свои «эксы».

Доктор выговаривал Михаилу:

— А ты хорош... Порвать со стяжателем-отцом, чтоб встать с ним в один ряд? — Перевел взгляд на Семена.— Ладно, деньги, полученные вами, Семен Петрович, от ресторатора, примем. Но на этом поставим точку. Пока вы оба не надобны комитету. Понадобитесь — вызовем.

Приятели потеряли сон, покой, аппетит, маялись оба без дела. В комитете о них не вспоминали.

Они почувствовали себя ненужными.

ПОЕДИНОК С КАРАТЕЛЯМИ

одполковник Зубов, помощник начальника харьковской жандармерии, «опекавший» железнодорожный узел, выслушал рослого вежливого просителя, рванул из его рук бумагу, посмотрел на просвет, приказал жандарму:

— В депо его допусти, но глаз не спускай. Не то время, Галушко, чтоб голытьбе верить...

Время и впрямь не сулило царской охранке покоя. Весна 1906 года, несмотря на зверские репрессии властей, ознаменовалась новым революционным всплеском, ростом стачечной борьбы. Жандармерия еще глубже запустила свои щупальца в рабочие районы, взяла под контроль и Харьковский железнодорожный узел. Пришедший устраиваться в депо Семен сохранял спокойствие. Его вид на жительство был липовый, однако Мишка клялся, что никогда еще так виртуозно не заменял одну фамилию на другую. Итак, Восков под чужим именем поступил в депо. Он узнавал о погрузках военных припасов, доставлял комитету сведения о войсках, стягиваемых генерал-губернатором в город для удушения революции. Доктор вместе с членами комитета внимательно выслушал очередное сообщение Воскова. Минуту помолчав, спросил:

— Обход коммерсантов закончил, Семен Петрович?

— Так уж получилось. Пока волна революции нарастала — все казалось простым и ясным: гони жандармов, штурмуй тюрьмы. А как она пошла на убыль, — Семен развел руками, — свое место находить труднее.

Ему поверили и поручили серьезные задания. Не без участия Семена стены железнодорожного депо оказались оклеенными листовками РСДРП: «Кровавый

царь», «О выборах в Государственную думу», «К товарищам крестьянам».

В харьковский Федеративный совет, объединявший комитеты РСДРП и ставший для харьковского пролетариата, по оценке министра внутренних дел, своим «правительством», обращались рабочие из предместий, крестьяне из глубинки. И всем требовалось оружие. Доктор однажды задержал у себя Семена:

— Поищи способ... но без налетов на частных лиц.

...К начальнику товарной станции, что находилась в ста верстах к северу от Харькова, явился рослый артиллерийский прапорщик. Представился посланцем оружейных складов, строго спросил, почему задерживаются военные эшелоны.

— Это ошибка, — смешался начальник, хорошо знавший приказ генерал-губернатора о «зеленой улице» для составов с оружием. — Клянусь честью, такого не было. Извольте взглянуть... Поджидаем завтра вагоны с винтовками — соседние станции извещены... полупауком.

...Приятели лежали за насыпью, скрытые кустами: дожидались «своего» состава. Прислушивались к далеким шумам, к пению степного ковыля, протяжному посвисту сухого ветра.

— Идет, — услышав гудок, встрепенулся Семен. — Оружие в предпоследнем вагоне.

Они не раз репетировали операцию. Но запрыгнуть во дворе дома на тележку, которую разогнал твой товарищ, — это одно. Попасть в вагон мчащегося мимо тебя состава — совсем другое.

Сначала прыгнул Семен. Михаил вскочил на подножку последнего вагона и полез на крышу, чтобы перебраться к приятелю.

Позднее он так описал эти головокружительные пируэты: «Для налета на поезд мы выбирали закругление железнодорожного пути... Поезд замедлял здесь ход.

Восков с насыпи бросался на вагон (№ вагона нам заранее был известен), одной рукой хватался за перекладину двери, другой — клещами перекусывал проволоку и пломбу, открывал дверь и выбрасывал намеченный груз на железнодорожное полотно. Восков действовал быстро, решительно. И только при его высокой фигуре и большой физической силе можно было с таким успехом проделывать все эти „номера”».

Первое их вторжение в арсенал карателей было на редкость удачным. В вагоне лежали продолговатые ящики — в три этажа. Семен сорвал одну доску: винтовки, русские трехлинейки! Приближалась станция Основа, медлить было нельзя. Приятели начали перетаскивать ящики к двери, потом сбрасывать их под откос — через несколько минут их подберут посланцы комитета. Дождались очередного поворота — и сами покатались под откос.

В комитете трофеям обрадовались. Доктор задержал Воскова, замялся.

— Опять что-нибудь не так? — резко спросил Семен.

— Все так.— Доктор протирал очки замшевым лоскутком.— Видишь ли, вчера у нас был товарищ из Екатеринослава... В общем, на тебя охранка завела дело. Расплата — каторга.

— У мамы Хильды, Доктор, есть присказка: хiba ж можно померти пид час цвiтиння каштанив?

...Опасности подстерегали их на каждом шагу. Однажды Михаил, как всегда, пробирался по крышам к вагону, в котором уже орудовал Семен, как вдруг сквозь щель увидел Воскова, сидевшего между двумя солдатами. Михаил решил, что все пропало. Но и на этот раз Семена выручила находчивость. Откатив дверь вагона и оказавшись лицом к лицу с солдатами, он, не дожидаясь вопросов, назвал братом кондуктора, который, дескать, велел ему разыскать охранников и попросить перебраться по крышам поближе к паровозу. У со-

лдат даже глаза от страха округлились: «Пусть твой брат сам лягает. Чай, мы ему не вороны!»

— Повезло,— смеялся потом Семен.— Видать, каштаны цветут!

ДОРОГА В СВОЙ ДОМ ПЕРЕКРЫТА

маленькую комнатку, выходившую окнами на Гончаровский бульвар, набилось три десятка «пациентов». Доктор предупредил, что подходы к дому охраняют свои люди, но жандармы зашевелились, у комитета на все дела — не более получаса.

— Общее положение,— объяснил он,— обрисует представитель Федеративного совета харьковских комитетов РСДРП.

Муранов произвел на Воскова большое впечатление немногословием, четкостью позиции.

— Ленин призывает,— заключил Муранов,— не форсировать события, не увлекаться боевыми крайностями, а упорно собирать силы для серьезных революционных боев.

В комнату вползло глухое молчание. Глубокая осень 1906 года ознаменовалась для харьковчан новой волной репрессий. В газетах публиковались списки арестованных рабочих вожаков, казачьи наряды хватали людей по любому поводу, откровенно бесчинствовали. Все партии были загнаны в подполье, жандармерия разрешала выпуск лишь бульварных и черносотенных газетенок.

— Эх, нам бы полицейскую прессу задушить своим печатным словом,— высказался кто-то.

Доктор досадливо отозвался:

— Эх да ох! Будто ты не знаешь... Провалены наши типографии, охранка изъяла все наши наборные кассы...

Поднялся Восков:

— Я, пожалуй, возьмусь за это дело.

...Восков вышел двором, вместе с Мурановым.

— Товарищ,— нерешительно спросил он,— а все же почему мы не отвечаем на террор террором?

— Разве мы не говорили об этом? — удивился его спутник.— Я дам вам свежий номер «Пролетария», в нем помещена превосходная статья о партизанской войне, прочитайте. Владимир Ильич охлаждает горячие головы: в эпоху всенародных политических стачек восстание не сможет вылиться в старую форму единичных актов, а принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны. Мы должны готовить народ,— подчеркнул посланец совета,— к более трудной задаче, чем месть озверелому жандарму или даже самодержцу российскому.

— Выходит, и за типографией я охочусь зря?

— Типография — другое дело,— возразил собеседник.— Печатное слово решает многие задачи, которые не под силу динамитной шашке. Только,— предупредил он Семена,— не вздумайте появляться в Екатеринославе или Полтаве. Вас ждут там суд, заготовленный приговор и каторга.

А Семену предстояла дорога как раз в Полтаву, и он отлично это знал. Собственно, его надежды добыть типографию связывались с полтавским однокашником Яковом Федченко, который в пятом году причислял себя к социалистам-революционерам, ведал их тайниками с оружием на Полтавщине, а как только революция пошла на спад, отрекся от своих прошлых взглядов, удрал в Харьков, начал ухаживать за дочерью помощника полицмейстера и упорно втирался в ее семью. Семен попросил Михаила подобрать кое-что из предметов до-

машнего «арсенала» и подежурить на лестнице во время его визита к Яшке.

Однокашник жил в центре. Семен постучался, вошел в его квартиру и сразу сообразил, что Яшка ждет гостей. Богато был сервирован стол на шесть человек, из кашпо выглядывали тронутые рыжей осенью листья. Яков представил высокую девушку с черной тугой короной волос как свою невесту и поспешил увести Семена в спальню.

— Рад старому товарищу,— отрывисто проговорил Яков, беспокойно оглядываясь.— Чему обязан? Нам есть что вспомнить...

— Прислан для сведения счетов с местными самодержцами,— с нарочитой ленцой протянул Семен и удовлетворенно заметил, как руки Яшки беспокойно задвигались, а лицо исказила легкая судорога.— Мне сказали, что мы вправе рассчитывать на тебя.

Нагнулся, распахнул чемоданчик, поиграл с оружием, подметил расширившиеся зрачки собеседника. Яшка зло процедил:

— Ты не имел права... без предупреждения. За тобой может быть хвост...

Семен вскочил, разыграл замешательство:

— Извини, не подумал... Посмотри, нет ли посторонних на лестнице, постараюсь выскочить.

Яков вернулся в спальню без кровинки в лице.

— Так и знал... Там стоит тип в черном котелке... Типичный филер...

Да, котелок, который они с Мишкой отыскивали в рухляди своего квартирного хозяина, пригодился.

— На правах старой дружбы,— засуетился Яков,— прошу тебя — уйди. Спасут ли тебя деньги, связи? Прости что хочешь.

Семен сделал вид, что задумался.

— Вот что,— медленно проговорил он, перебирая для убедительности динамитные шашки.— Уйти я могу,

но должен иметь страховку на случай ареста. Короче — выложить какую-нибудь штукину полиции. Где у вас зарыта типография? Помню, я для тебя специальные ящики на пазах делал...

Яшка вдруг принял высокомерный вид.

— Это тайна моей партии, Семен.

...Только через час Семен вышел на лестницу, утомленный, но явно довольный.

— Этот хлыщ трижды давал мне вральские адреса, — сообщил он Михаилу. — Все-таки: Полтава, Ново-Кременчугская, девять. Закопано в саду.

В Полтаву Воскова сопровождали Михаил и двое молодых рабочих с «Гельферих-Саде». Доктор приказал им ни на минуту Семена Петровича не оставлять. До отъезда Семен успел сделать несколько ящичков с многочисленными отделениями для шрифтов, искусно придал им форму дорожных чемоданчиков.

Семену сладостно и тревожно — едет домой, на родину, увидит мать, братьев. В Кочубеевке в вагончик вошла статная румяная девушка в пуховом платке, села рядом. Держалась независимо, смотрела строго, потом вдруг засмеялась, тихонько сказала Семену:

— Голубая занавесь на Сретенской — запомнили?

— Лиза! — ахнул он. — Лизанька! Ну и разиня же я... Как отец, мама?

— Отец на высылке... — И прервала себя: — Ах, дело сейчас не в нас, Семен Петрович. Меня ведь прислали — как это говорится у военных? — наперехват. У вашего дома крутятся филеры...

Вот когда стало по-настоящему одиноко. Ему не дано увидеть родных.

Вечер в Полтаве Восков и его спутники провели порознь. Встретились в полночь у высокой садовой ограды. Земля уже остыла, затвердела, первые заморозки давали себя знать. Сад не торопился раскрывать свои тайны.

— Это что же — весь сад перепашем? — съязвил Михаил.

— Дорогой харьковчанин, — Семен сбросил с себя куртку, смахнул со лба бисеринки пота, — если у тебя нет терпения на один сад, как же ты всю Россию перепашать собираешься?

Довод сразил. Михаил копал молча, но через час его прорвало:

— А если Яшка тебе снова набрехал?

Семен не ответил — только размахисто заработал лопатой.

Наборные кассы и станочек нашли в четвертом часу утра, когда уже бледнели в низком небе крупные звезды и где-то на горизонте бархатный шатер полтавской ночи начал расползаться, обнажая розовато-желтые снопы света.

— Ура кладоискателям революции! — заплясал Мишка.

— Несите этот клад на вокзал, — распорядился Семен, — я следом, хоть в щелочку на мать взгляну...

— А на тебя, Семен Петрович, — сказал один из рабочих, — в щелочку шпик глянет, и считай — приехали!

Дышать стало трудно, сорвал с себя шарф, глотнул холодного воздуха. Яростно начал укладывать шрифты в ящички, потом забрасывать яму землей — иступленно, молча.

...Узнав о благополучной доставке шрифта и станочка, комитет ликовал. Начались поиски удобного, надежно законспирированного помещения. Михаил навел как-то Воскова на светлую идею. Оказалось, он встретил младшего брата и узнал от него, что отец приобрел прачечную.

— Папаша — фабрикант, сынок — подпольщик, — иронизировал Михаил. — Борьба классов внутри одной семьи.

— Слушай-ка. — Они говорили уже в темноте, Восков поднялся и зажег лампу, чтобы видеть Мишкино лицо. — А не вернуться ли тебе к отцу в качестве блудного сына, немножко пожить и... приютить нашу типографию в его прачечной?

— Слушай сюда. — Михаил был не на шутку разозлен. — Революционер никогда не унижится, чтобы просить милости у классового врага!

Он выключил лампу и демонстративно захрапел.

— Храпи сюда! — передразнил его Восков, раздумывая, как бы переубедить приятеля. — Да пойми же, что правильно поняты личные интересы пролетария совпадают с его классовыми...

— У меня не совпадают! — зашипел Михаил.

Но наутро тщательно оделся, причесался и потопал к отцу. Вернулся к ночи, был мрачен, неразговорчив, на Семена старался не смотреть, начал укладывать свои пожитки в чемодан. И вдруг запустил щеткой в приятеля.

— Долой свару. Да здравствует классовый интерес! Прикрою тебя. Но с прачками говори сам — у тебя это лучше выйдет.

А у Семена и впрямь выходило неплохо. Михаил не мог взять в толк, как это он умудряется за несколько минут собрать вокруг себя группу незнакомых женщин, и не только молодых, а и в летах, годящихся ему в матери, завести с ними горячую беседу, найти верный тон, шутить, смеяться, в чем-то разубеждать их, в чем-то соглашаться, и все это по-свойски, легко, спокойно...

Через неделю из маленького подвальчика две молодые прачки начали выносить корзины с бельем, под которым лежали листовки. Они доставляли свой багаж по адресам, которые давал им Семен.

Прокламации писали члены комитета, писали на злобу дня: о борьбе за восьмичасовой рабочий день, о за-

рвавшемся губернаторе, о палачах из харьковской охранки, о крестьянском движении... Однажды предложили и Воскову попробовать свои силы, поручили подготовить обращение к новобранцам. Семен промучился полночи, писал и рвал листки. Утром принес в комитет, думал — разнесут.

— Ты схватил главное, — резюмировал Доктор. — Чувствовать души людей тебе дано, писать научишься.

Листовка начиналась словами: «Монархия прогнила, царь — недоумок, его сатрапы — кровожадны, как пиявки, и трусливы, как шакалы, его судьи безжалостны, генералы бездарны, министры прожорливы, назначен вороваты... Охранять самодержавие — занятие никчемное. Ни одного солдата царскому правительству!»

Типографское дело организовали четко. В Харькове появился бежавший из ссылки печатник Арсеньев, приютили его у Семена. Приезжий занял койку Михаила и вместе с друзьями набирал и печатал прокламации. Работали они втроем по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки. Опасаясь провала, Доктор распорядился, чтобы ни один из троих «типографщиков» у него не появлялся. Новые задания Семен получал у старика сапожника, который ютился в подвальчике в Торговом переулке.

И вдруг накатилась тревога. Когда Семен в очередной раз появился в депо с пачкой свежих листовок, слесари сообщили ему, что приходил начальник с каким-то типом, тот расспрашивал, нет ли тут земляков Бажковенко — Семен в депо устроился под этим именем. По дороге домой, переходя пути, Восков почувствовал слежку. Фонарь отбросил на землю две длинные тени — его и другого человека, который бесшумно шел сзади. Семен свернул в сторону, быстро пролез под товарняком — раз и другой. Долго кружил, от преследователя избавился, но ни в прачечную, ни к сапожнику уже не

пошел. Дождлся Арсеньева дома, просил срочно связаться с Доктором.

...Доктор появился ночью. Вошел усталый, небритый, с набрякшими веками. Сел напротив Семена, сочувственно сказал:

— Тебя засекали, Семен Петрович. Не иначе харьковские ищейки с екатеринославскими снюхались. Федеративный совет приказал тебе выехать за границу. Без промедления, товарищ!

Семену только пошел восемнадцатый год...

В СПИСКЕ „ОСОБО ОПАСНЫХ“

пал он всегда крепко и просыпался точно в тот час, какой определил себе с вечера. Годы подполья внесли лишь небольшую поправку в этот «механизм» природы: любой посторонний звук сразу возвращал его к бодрствованию. Звук, который возник с полминуты назад, напоминал пение пилы. Лиловый рассвет уже вползал в маленькую комнатку, где его поместили австрийские товарищи.

Далеко ты, Россия, и близко... Доктор говорил с ним непреклонно, на все возражения Семена отвечал: «Не нравится эмиграция — зашагаешь на каторгу». Предложил ему маршрут через земли Белоруссии, Польши — в Австро-Венгрию.

В Витебске Семен застрял, узнал о провале харьковской типографии, о побеге Михаила в Ялту, успел переслать ему письмо, сообщил, что вступил в ряды РСДРП, что партией здесь — на западе страны — развернута большая и интересная работа, но, оговаривался Семен, «с каким трудом приходится преодолевать националь-

ный предрассудок еврейских и литовских рабочих...». Сколь это характерно для натуры Воскова! Разлученный с товарищами, с семьей, измученный преследованиями полиции и жандармов, он именно в это трудное время нерасторжимо связывает себя с партией рабочего класса!

Однако пришло время покинуть и Витебск. Товарищи жалели, что теряют толкового агитатора, но честно предупредили: «Ты, Семен Петрович, попал в список особо опасных. Исчезни!»

..Россия осталась позади. Паспорт на имя Семенова был сфабрикован безупречно, но, может быть, бравый вид Семена — ну не иначе новобранец, сбегающий от службы! — а может быть, приметы мастерового, его шершавые крепкие руки привлекали внимание пограничной стражи. Осточертели назойливые, испытующие вопросы жандармских офицеров: «Что побудило вас, господин Семенов, без большого капитала пуститься в это недешевое путешествие?»

...Маленький австрийский городок Фронлейтен встретил Воскова ароматом хвои, свежих стружек и пряным запахом клея. Кружили, то взбегая на холм, то вплетаясь в лесные просеки, уютные улочки. В этот предзакатный час откуда-то приплыла мелодия губной гармоники.

К дверям крошечного домика был прибит фанерный щиток с надписью: «Хольцбейтерунинион». Семен постучался, но в помещении союза деревообделочников, как видно, никого уже не было. Сел на крылечко, задумался. Из полумрака выступила фигура невысокого, сутуловатого человека, он заговорил с приезжим по-немецки, по-английски и неожиданно — по-украински.

— Та розмовляю, розмовляю! — радостно отозвался Семен.

Фердинанд Тейх оказался механиком пилорамы и членом правления союза. Он задал несколько вопросов,

устроил приезжего на ночь. Наутро с эмигрантом из России познакомились члены правления. В заключение секретарь, тонколицый седеющий человек, смахивающий на преуспевающего адвоката, сказал, что они постараются определить приезжего на лесопилку.

— Но учтите,— добавил он,— у нас столяры, пиломатериалщики зарабатывают недурно, и правление союза заинтересовано в сохранении за работающими их мест.

Через неделю Семен уже понял, что столяры высокой квалификации действительно зарабатывают недурно. Зато хозяева отыгрываются на подсобных рабочих и на эмигрантах. Его пригласили на первое же заседание правления и попросили рассказать о делах в России, о «Потемкине». Он посвятил десять минут революционным морякам броненосца и столько же — уловкам местных предпринимателей.

— Какая связь, коллега Семен, между этими вещами? — после долгого молчания спросил секретарь правления.

— Самая прямая, — не задумываясь, ответил Восков. — Сочувствовать революционным событиям в России и не замечать, что бежавших из нее людей обсчитывают, надувают, унижают, — это мало благородно.

В соседнем городке он разыскал активистов, объединивших русских эмигрантов — членов РСДРП. Седой морщинистый человек выслушал его, улыбнулся:

— Местные условия — не русские. И помни, что, просвещая рабочих, эмигранты должны опираться на местное население и считаться прежде всего с его волей. А своими наблюдениями поделись с товарищем Хуго Вагнером: он уроженец Фронлейтена, неплохо говорит по-русски, и у него истинно рабочие принципы.

Хуго оказался человеком дела. Через два дня на огромном листе фанеры, прислоненном к калитке лесо-

пилки, были начертаны углем расценки, введенные хозяином для австрийских столяров и для эмигрантов. И в виде итога — слово, как выстрел: «Герехтихкейт?» («Справедливость?»). Хозяин вызвал полицию, она пришла в тот момент, когда Хуго обращался к собравшимся у пилорамы столярам, механикам, грузчикам. Потом дал слово Семену:

— Не зная языка и местных условий, мы, эмигранты, представляем из себя баснословно дешевый материал для фабрикантов. Пора его удорожить, товарищи!

Полицейский комиссар очень вежливо осведомился, кто начал митинг и будет ли цела пилорама. Хуго Вагнер с охотой разъяснил, что пригласили рабочих на беседу он и его друзья, которых уже коснулась хозяйская «Герехтихкейт», а пилорама будет целехонька. Комиссар распустил своих людей. Но зато вечером пожаловал на квартиру к Семену, произвел тщательный обыск и, ничего криминального не найдя, с легкой зевотой посочувствовал рабочему:

— Вы избрали, господин Семенов, не легкий кусок хлеба... Митинги, конфликты, стачки... У вас же бравая фигура и типичный уличный голос — идите лучше к нам в полицию.

— Арбуз на льду не вырастишь, — отшутился Восков.

А наутро узнал, что Хуго и он уволены из столярки и правление союза смолчало. Теих чувствовал себя неловко.

— Не судите нас строго, коллега, — примирительно сказал он. — У всех у нас дети.

— Коллега, — парировал Семен, — я услышал у вас поговорку: «Без хорошей занозы и рука не инструмент». Кто побайвается — пусть поостережется руководить рабочим союзом.

Смолчало правление, но не Фронлейтен. В городке появились листовки: «Ни одного лишнего пфеннига экс-

плуататорам!», «Правление Хольцбейтерунions в сговоре с заводчиками!».

Терпение полиции истощилось. Жандармский унтер-офицер приставил к Воскову двух конвойных и сообщил, что господина Семенова выпроводят обратно в Россию. Семен мечтал о родине, но не о каторге. Сбежав от конвоиров при первой же возможности, Восков перебрался на юг. Некоторое время работал здесь, вступил в очередной конфликт с предпринимателями и, уходя от ареста, подался в Хорватию, совершив утомительнейший переход, вышел к Адриатике.

Биографы Воскова считали, что он воспользовался первым же попутным судном и перебрался за океан. Но много позднее, уже в революционном Петрограде, Восков рассказывал Альберту Вильямсу, что «он сидел во многих тюрьмах разных городов. В Константинополе, например, его так били и пытали, что он в кровь кусал губы». Может быть, Турцию Семен выбрал лишь как временное пристанище, откуда мог проще при малейшем изменении условий перебраться в Россию.

Но судьба распорядилась иначе. За Восковым следила не только австрийская полиция. Появление среди рабочих этого плечистого, громкоголосого человека с неизменной улыбкой на лице, ясные слова, которые он обращал к слушателям, производили электризирующее действие. Турецкая охранка выслала Воскова из страны, путь в Россию был для него закрыт. Семен нанялся матросом на пароход, уходивший в Америку.

Группа земляков, как и он, нашедших пристанище в Константинополе, преподнесла Семену на память о России желтого дерева рубанок. Он прижал его к себе, словно ребенка, глухо сказал:

— Встретимся в России, и увидите — он будет со мной. И все, что будет в России в эти месяцы или годы, — тоже будет со мною.

аленький зал, снятый в Нью-Йорке эмигрантами из России, был набит людьми. Очередной оратор, с вкрадчивой манерой речи, кратко коснулся разгула реакции в России, небрежно, как само собой разумеющееся, он объяснил, что нелегальное существование партии себя изжило и пора переходить к «спокойным» конституционным дебатам.

— Чушь! Трусость! Крысы, бегущие с корабля! — загремел голос сменившего его оратора, человека с ярко-рыжей, почти красной копной волос.— Нам, сыновьям Бакунина, тоже не по дороге с твердокаменными социал-демократами. Но и с легальщиками не по дороге! Только тайный террор! Ликвидация царских сатрапов!

— Послушайте, джентльмены,— раздался голос в дверях.— Вам не кажется, что мы тащим рыбу мимо рта рабочего?

В зале раздался хохот. Человек выше среднего роста, со слегка приподнятыми плечами пробрался вперед, легко взбежал по ступенькам на просцениум, поставил у своих ног желтый, повидавший виды чемоданчик и обратил к залу свое широкое смеющееся лицо.

— Вам не кажется,— громко и внятно произнес он, обводя зал плавным движением руки,— что мы только что присутствовали при похоронах русской революции? Одни нам предлагают заниматься только парламентскими играми, другие призывают: стреляй по воробьям, вдруг и коршуна свалишь...

Выждав, пока в зале утихнут возгласы и смешки, он

смахнул с лица улыбку и, усилив нажим в голосе, сказал:

— Настоящие революционеры гордятся тем, что проявляют твердость в борьбе с царизмом. Читали, что пишет Ленин? — достал записную книжечку. — «Нас недавно прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами».

Задорно улыбнулся и, посчитав вопрос закрытым, быстро сбежал вниз.

Прибыв в Америку на рубеже 1906—1907 годов, Восков, как и другие попавшие сюда русские социал-демократы, остро почувствовал несхожесть местной политической жизни с тем, что происходило в России. В рабочее движение проникло немало провокаторов, подсланных фирмами. Многие профсоюзные боссы выступали в роли слуги двух господ: и рабочим старались угодить, и корпорации «не обидеть». В борьбе за теплые места, за личный авторитет они не раз вступали в грязные сделки с предпринимателями, предавали интересы рабочих, не раз круто меняли свои позиции... До политических партий Америки, как иронически отмечал один из левых лидеров, уроки русской революции докатились, потеряв по пути, в океанской пучине, часть своих красок и запахов. Социалистическое движение было расколото; оно образовало две партии, а в каждой — свои «крылья». Однако в этой, в целом пестрой картине политической жизни появились определенные прогрессивные тенденции. В борьбе трудящихся наметилось «усиление движения против трестов», на которое в 1908 году прозорливо указал В. И. Ленин как на предвестие более суровых классовых битв. Левые социалисты наносили первые поражения реформистам из тред-юнионов.

Нелегко было Воскову разобраться в этом калейдоскопе, да еще владея, как он подшучивал, «пригорш-

ней слов» из английского. Но у него было прирожденное чутье к языкам, и, попав в Америку, он энергично взялся за словари, жадно прислушивался на улицах к разговорам прохожих, к крикам мальчишек — продавцов газет.

Поначалу организационно не примкнув ни к одному из местных социалистических течений, Семен внимательно присматривался к их характеру, запоминал речи их лидеров и пытался сам во всем разобраться. В новых политических условиях, когда на родине его свирепствовала столыпинская реакция, а здесь, в Америке, он не нашел еще своего места, Восков, этот революционер по натуре, поначалу интуитивно, но все более неудержимо тянулся к позициям большевиков. Уже много лет спустя он признался Юджину Дебсу*: «На этой земле я примкнул к социалистам — вы были здесь самыми левыми. Но все эти годы, особенно в разгар мировой бойни, я чувствовал себя, как сказали бы вы, американцы, человеком Ленина».

Да, на второй или третий год пребывания в Америке Семен примкнул к левому крылу Социалистической партии — он жаждал конкретного партийного дела, жаждал борьбы. Его решение созрело, когда однажды на митинге он услышал, как Юджин Дебс и Уильям Хейвуд под орех разделали правых социалистов, допускавших возможность объединения в одной партии и рабочих и фабрикантов. «Это по-нашему!» — решил для себя Восков и с головой бросился в борьбу. Его товарищам казалось, что он никогда не спит. «Восков был во всех начинаниях: в избирательных кампаниях, на уличных митингах, партийных и союзных собраниях, во время

* Юджин Дебс — выдающийся интернационалист, один из основателей Социалистической партии Америки и многолетний руководитель ее левого крыла, ставшего основой для создания Коммунистической партии США.

стачек. Он писал статьи для газеты, ораторствовал. Заканчивал партийную работу после 2—3 часов ночи, недосыпал, часто забирался на работе в уголки, чтобы вздремнуть. Он квалифицированный рабочий, но... ходил голодный...»

Его зажигательные речи перед эмигрантами захватывали людей. Вот как описывали выступление Семена Петровича в русском клубе его слушатели: «...Открытое, со смеющимися глазами лицо. Такие лица бывают у искренних, правдивых и знающих, чего они хотят, людей. Заговорил, и тотчас же все насторожились. Стройная, плавная, без заминок речь, красивые в своей простоте и доступности слова. Настроение бодро-пролетарское, уверенное, боевое... полное отсутствие фразерства и убедительные, как удары молота, доводы»

...В Нью-Йорке Воскова приняла артель бруклинских паркетчиков, и этим славным ребятам, которые перебивались от одной полочки до другой и которые могли предложить ему только дружбу и тяжкий труд, он был благодарен до конца своей жизни.

Паркетчики нередко работали в библиотеках, салонах, конторах, в квартирах состоятельных нью-йоркцев, и Семен, завидев шкафы, набитые толстыми фолиантами или журналами, рискуя нарваться на бесцеремонный отказ владельца, отваживался просить почитать дома приглянувшуюся ему книгу. «Для него не было большего счастья, — со слов самого Воскова писала впоследствии С. И. Каляева *, — чем возвращаться после изнурительного рабочего дня с книжкой за пазухой, предвкушать полночи за сладостным занятием. Восков говорил, что твердой системы у него тогда не было, но он «открыл» для себя многих классиков, штудировал «Капитал» Маркса (к слову говоря, он выступал и в Америке,

* С. И. Каляева — ветеран Коммунистической партии, друг и соратник Воскова по гражданской войне.

а потом и перед нами, политотдельцами, с очень интересными политэкономическими и философскими беседами), следил за работами Ленина. На первом плане всегда были вести из России».

Работа у паркетчиков была изнурительной. Компания незаметно снижала расценки, практиковала систему штрафов. Люди нервничали, но до поры до времени терпели. На Америку надвинулся «золотой кризис», и предприниматели использовали пустячные поводы для объявления локаута, для притеснения и увольнения прежде всего эмигрантов. В. И. Ленин так характеризовал их положение: «В Соединенных Штатах иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места...»

— Не понимаю,— недоумевал Восков,— почему молчат руководители тред-юнионов? Им что — не видать, как русских, украинцев, негров, евреев, литовцев душил вся эта эксплуататорская сволочь! Кого избирали в правления юнионов?

В рабочем районе Бронзвилл, на углу улицы Осборн и Блэк-авеню, в вечерний час, когда вспыхивали первые газовые рекламы и люди после дневных забот выходили на прогулку, рассаживались за столиками у пивных баров, Восков с группой социалистов устроил короткий митинг, обрисовал печальную судьбу эмигрантов, бросил в толпу свой решительный и оптимистический призыв:

— Мы, дети русской революции, всегда и всюду, у себя на родине, или вдали от нее, на чужой стороне, должны делать свое дело, как бы незначительно оно нам ни казалось... Начнем же планомерную работу среди широких масс русских эмигрантов.

Воскова неожиданно пригласили в правление фирмы «Тэйбол и К°», директор-распорядитель предложил ему недурно оплачиваемое место в соседнем городке. Стараясь сдержать смех, Семен ответил, что рад бы, да

высмотрел невесту в районе Бронкса и как-то неудобно будет ему сейчас сбежать из Нью-Йорка.

— Имейте в виду, — предупредил собеседник, — бывают черные дни, когда и свадьбу не на что сыграть.

Директорат давно уже ждал случая «прищемить паркетчикам нос», сбить с них «спесь артистов дерева», каковыми они себя, мастера на все руки, не без резона считали. Артель заканчивала ремонт паркета в огромном зале и рассчитывала на солидный куш, когда просочился слух, что фирма снижает расценки и на всякий случай уже наняла штрейкбрехеров, или скэбов, как их здесь называли.

Грузовики со скэбами подкатили к зданию в полночь. Паркетчики начали отгонять прибывших от подъезда, поливая из шланга водой, забрасывая камнями. В этот момент произошло непредвиденное: к месту сражения подъехали наряды полиции и потребовали впустить их в дом «для наведения спокойствия в ночной час». Сержант, командовавший полисменами, широко распахнул двери подъезда, послав своего помощника в зал вызвать артельщиков. Этой минуты оказалось достаточно, чтобы в дом проникли и скэбы, причем полиция тут же исчезла.

Стычка продолжалась теперь в самом зале. Артельщики забрасывали скэбов остатками паркета, башмаками, даже своими инструментами. Восков тоже открыл свой старенький чемоданчик. В ход пошли стамески и гвозди, вот только рубанок пожалел — дар земляков. С улицы подоспели на помощь пикетчики, и скэбов удалось выдворить. Но когда артель покидала здание, из-за угла вылетели три полицейские машины, и паркетчиков как «нарушителей спокойствия Бруклина» начали затаскивать в фургоны.

История эта стала достоянием газетчиков, и судья вынужден был спустя двое суток освободить «артистов

дерева» под символический денежный залог. Прощаясь, он с любопытством спросил Воскова:

— Мистер Восков, а что вы ответите, если скэбы обвинят вас в нанесении увечий?

— Помилуйте, ваша честь,— засмеялся Семен,— эти гастролеры прибыли без своих стамесок. Считайте, что я им передал по воздуху столярный инструмент.

...А были сражения и потруднее. Николай Романов и его охранка пригнали из России за океан и, как свору гончих, натравили на русских в Америке восемнадцатитысячную армию церковников. Большевики неоднократно разоблачали эту «усмирительную» операцию царского самодержавия, направленную на раскол рабочего движения. И вот ряд ударов воинствующего мракобесия, облаченного в рясу, принял на себя вместе с группой русских социал-демократов Семен Восков.

В Америке Воскову доводилось выступать по соседству с поповскими «салунами»: один из них находился близ полюбившегося ему перекрестка городских магистралей Осборн и Блэк-авеню. Однажды его импровизированной трибуной стала бочка. Взобравшись на нее, он только начал спокойную беседу с людьми, как из «салуна» выскочил проповедник и истошно закричал:

— Братья, не цареубийцы поведут вас в рай...

— А церковные мародеры и жандармы Николая Кровавого! — прервал его Восков под смех толпы и твердо решил не упускать момента для боя.— Ваше преподобие, с чего это прикатили сюда из России архиереи Рождественский, Нимоловский, Анвини, а также сто пять священников, а также взводы архимандритов, протоиереев, игуменов и иеромонахов?..

— Это подвиг, заблудший сын мой,— нараспев начал поп.— Жертвенность и бескорыстие служителей господа бога нашего...

— Оглашаю цифры бескорыстия!— раскатисто прервал его Восков.— Двадцать три процента всего зара-

ботка девяноста миллионов жителей Соединенных Штатов уплывают в руки слугителей господ и прочих чудодеев. Теперь понятно, зачем понаехали из-за океана господ ряженные?

Толпа заулюлюкала, проповедник спешно ретировался. Однако не всегда дело заканчивалось только словесной дуэлью. «...Публичные диспуты с попами,— писали очевидцы,— митинги под открытым небом, и всюду — правдивое слово Воскова о новом мире. Его, бывало, избивают ханжи и черносотенные элементы, а к следующей воскресной службе Восков опять там...»

Семен был частым гостем русских эмигрантов в Филадельфии, выступал обычно на Пятой авеню, рассказывал о русской революции, о ее политических уроках. «Мы должны помнить,— любил он повторять,— что палили по царизму совместными усилиями рабочих, крестьян и солдат, но если бы эти силы были слиты напрочно — реакция не подняла бы головы. И когда мы призываем эмигрантов действовать сообща, думайте не только о своем кармане, думайте о величии идей, о том, как будут жить ваши дети и внуки».

Во время одной его речи из русской православной церквушки, обосновавшейся по соседству, на Браун-стрит, повалила толпа прихожан, а за ними поспешал, придерживая длиннополый стихарь, батюшка и размахивал крестом, как дубинкой.

«Социалисты, мерзавцы, подлецы!» — так и сыпал святой отец. Он осатанел из-за вопроса прихожанина, поощряет ли господь ругань в проповеди, и начал раздавать налево и направо тычки, выгонять паству. Войдя в раж, поп подбежал к толпе, взобрался на помост, закричал, брызгая слюной:

— Не в аду, пауки вонючие, а на земле грешной поджарит вас всех господь наш всевидящий. Убейте еретиков, гады окаянные!

— Ай да здорово! — Семен махнул рукой, прося ти-

шины.— Филадельфийцы любят говорить, что тут появился первый в Америке пароход, первый паровой автомобиль, первая публичная библиотека. Так радуйтесь: теперь у вас появился первый поп, который предал своего бога и через резню рабочих друг с другом зовет в рай. Хорош рай — только всех сшибай!

Митинг ответил хохотом. Поп опять завопил:

— Кому вручаете души свои? Змию-искусителю?

— Ладно, разберемся со змиями,— принял вызов Восков.— Не ваш ли, батюшка, предшественник удрал, прихватив с собой церковную кассу?

— Кары господней не избегнет,— пробормотал поп.

— А кто последние гроши вам на блюдо бросал,— продолжал атаку Восков,— к нему что — назад они воротятся?

В толпе нарастал ропот. Поп полез с помоста вниз, подтолкнул одного из крутившихся в толпе дьячков, тот начал вещать:

— Братья и сестры, я вошел во врата святой церкви из глубинки русской революции...

— А не из охраны? — вдруг осенило Семена, и, подметив, как забегали глаза дьякона, он обратился к землякам.— Выходи сюда, Киев, Харьков, Екатеринослав! А ну-ка, ребята, приглядитесь к новоявленному революционеру. Может, признаете...

К помосту начали пробираться люди... Дьякон стремительно юркнул вниз и затерялся в толпе.

— Видите,— Восков помрачнел,— кого сюда засылает охранка. А вывод, вывод, товарищи?— На лицо его снова набежала широкая улыбка.— Это значит, что царизм боится нас и здесь, за океаном.

— Алло, мистер! — крикнули снизу, и Восков увидел круглолицего человека с блокнотом в руке.— Мое имя — Джон Рид, работаю в левой прессе. Скажите два слова для читателей.

— Двумя словами про нашу борьбу не скажешь,

мистер Рид,— засмеялся Восков.— Да ладно... Пусть ваши читатели не верят тем, кто тащит рыбу мимо рта рабочего. Годится?

— О'кэй, мистер. До встречи в Нью-Йорке.

Толпа растекалась ручейками. Восков, спускаясь по лестнице, вдруг почувствовал сильный удар по голове, успел обернуться и, падая, заметил метнувшуюся тень попа. Как по команде, на Семена набросилось несколько человек и стали молотить его руками и ногами. Он уже не слышал крика Рида: «Прочь, шакалы!», не видел, как его товарищи разогнали громил.

Очнулся Семен в нью-йоркской больничке. Над ним склонилось удивительно знакомое лицо: черные, как маслины, глаза, упрямая линия рта.

— Вы тоже с митинга? Филадельфия-то с нами...— Почувствовал неуместность сказанного. Да это же Лиза! Полтавская Лиза! — Как вы очутились здесь?

— Врач велел вам молчать,— спокойно сказала она.— А мы... Уезжали с отцом, ему снова грозила тюрьма. Филеры его выследили, в порту схватили. А теперь спокойно лежите, мама велела вас перевезти к нам.

— Пусть так,— устало сказал он.— Только передайте ребятам, что пятнадцатого нужно быть вместо меня на Ист-Бродвее.

— Не чудите,— засмеялась она,— сегодня уже семнадцатое.

Семен даже застонал от огорчения.

— На Ист-Бродвей социалисты пригласили самых что ни на есть неквалифицированных рабочих... Подносчиков, мусорщиков, мойщиков окон... Русские, украинцы, литовцы... Они и читать-то не могут, а знать, чем дышит Россия, хотят. И мы должны, Ленин это выразил точно, развивать их политическое сознание, разоблачая и обличая самодержавие. Каждая гнусность на российской почве — повод для выступления... Глото' воды, Лиза.

..Только через две недели он сумел переехать от гостеприимных женщин в восточную часть города, в свою новую квартиру, которая стала штабом рабочего актива столяров. В рабочих газетах довольно часто замелькали объявления: «Рус. членам соц. партии в Бронксе. В пятницу, 11 окт., в кварт. С. Воскова 533 Ист 139-ая ул. 4-й этаж состоится собрание Бронкского отдела. Приходите все».

В двух крошечных комнатках набивалось вечерами по пятнадцать, двадцать, а то и по тридцать человек. Вести из России, сообщения, услышанные от приезжих, волновали собиравшихся здесь не меньше, чем житейские дела. У многих были семьи, дети, а недельная получка, как кто-то метко определил, больше походила на чаевые. До хрипоты спорили о методах борьбы за права эмигрантов здесь, в Америке, и еще яростнее — о перспективах революции на родине, в России. Восков не раз напоминал товарищам ленинскую оценку положения: «Самодержавие *уже не* в силах более управлять народом, народ *еще не* в силах действительно свергнуть с себя правительство погромщиков».

А сколько упреков Воскову адресовали меньшевики по поводу его заявления о том, что нельзя неграмотных эмигрантов отдавать «на съедение тред-юнионам». Пройдет время, и Восков положит перед своими оппонентами ленинскую статью «Заседание Международного социалистического бюро» с прямой рекомендацией использовать тред-юнионы для терпеливой, выдержанной работы с пролетариатом, «не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности *в гущу* пролетарских масс». А пока он отвечал скептикам как практик:

— Вы биографию Карла Маркса знаете? Почитайте, не помешает. Он был связан с рабочими течениями самых разных оттенков. Вот так-то, братья по классу.

Своим человеком в тесной квартире Воскова стала

Лиза, и гости быстро привыкли к тому, что тихая, легко и бесшумно двигавшаяся по квартире женщина предлагает одному чашечку чая, другому, только что сдавшему смену, — крошечный сэндвич. Увы, большего им предложить она не могла. К Воскову в полной мере можно отнести характеристику, данную им же своему боевому соратнику В. Володарскому: «Как и все идейные работники, эмигранты в Америке, он не знал сытого беспечного существования. Он голодал, нуждался и жертвовал оплачиваемой работой для идейного дела, когда этого требовал партийно-классовый долг».

Всегда у Воскова кто-нибудь ночевал, всегда он «кормил большую семью безработных товарищей». Здесь, в «восковской коммуне», получили первую рабочую закалку юные Сергей Зорин — в будущем первый председатель Петроградского ревтрибунала, Иван Кулик — впоследствии дипломат Советской России.

В этой квартире начались и «тихие семейные радости», как со смешком говаривал Семен. Однажды вернувшись домой, он застал у себя братьев — Шику и Михаила, вытянувшихся, повзрослевших, не по летам серьезных, и сестренку Анну, вымахавшую ростом с него, Семена. Восков был растроган, хлопотал, раздобыл где-то денег, устроил родне вкусный ужин. Конечно, разместил всех у себя. Лизу представил как свою жену.

Братья привезли и грустную весть — ушла из жизни Хильда. Перед смертью мать наказала старшему сыну жить спокойнее и лучше, чем прожила она с Петром.

— Лучше пока не выйдет, — Семен смахнул со щеки предательскую слезу, — разве что носиться по свету больше буду. А уж спокойнее — простите, где вы слышали, чтоб рабочий-эмигрант и социалист имел покой?

Воскова уже слушали столяры не одного Бронкса и не одного Нью-Йорка. Его звали к себе эмигранты, осевшие в Бостоне, Чикаго, Пибоди, Портсмуте... Он

разъезжал по городам восточных штатов Америки, как полпред рабочей чести и совести. «Безукоризненная честность, преданность рабочему классу создали ему авторитет», — писали о Воскове деятели социалистической прессы.

Всегда пронизательный, реалист, твердо стоявший на земле, он не сразу почувствовал, что вокруг него плетутся нити заговора.

ПОЛПРЕД СТОЛЯРНОГО БРАТСТВА

Адвокат Майкл Ричардсон весьма искусно умел вести дела рабочих. Он умудрялся завершать их таким образом, что не выражали неудовольствия ни клиенты, ни предприниматели. И конечно, сам Ричардсон тоже не оставался в накладе. Однако на этот раз, получив щекотливое поручение от правления нью-йоркской стронтовой корпорации, этот ловкий и пронизательный человек, снискавший в деловом мире прозвище «лисы, меняющей окраску», решил сначала навести справки у видного социалиста и популярного в рабочих кругах юриста «Большого Билла». Пригласив Уильяма Хейвуда на ленч, он под конец разговора небрежно обронил:

— Говорят, сэр, ваша социалистическая партия обогатилась новым трибуном. Чей это человек, Сэм Восков?

Хейвуд не спеша допил кофе, улыбнулся:

— Почему бы вам не спросить об этом у него, Майкл? Лично я полагаю — он назовет вам себя человеком русской революции.

Ричардсон пожал плечами.

— У него скверное положение, Уильям, не лучше ли вам сгладить его прямолинейность?

Хейвуд встал, похлопал собеседника по плечу.

— Вы кожу этого столяра не перекрасите.

Но Ричардсон не отступился. Узнав адрес Воскова, он выбрал день, когда столяр был в отъезде, навестил его жену, представился. Обдумывая тактику поведения, оглядел тесную, заставленную кроватями восковскую «коммуну». Начал с комплимента:

— Простите меня, миссис Воскова, но ваша совершенно необыкновенная красота повергла меня в смущение.

Она неслышно засмеялась, нагнулась над колыбелью:

— Маленькому Даниэлю Воскову еще рано слушать такие вещи.

Ричардсон видел, что женщина зарделась, решил, что на первый раз патоки достаточно, внушительно сказал:

— Миссис Элизабет Воскова, мне хотелось бы кое о чем предупредить вашего мужа. Он слишком много времени уделяет делам чужих людей и очень мало своим собственным. Вы уже не дитя и отлично понимаете, что значит остаться в Америке без постоянной работы. Не говорю уже о том, что его вечные разъезды по штатам обрекают, по-видимому, вас на одиночество.

Лиза задумалась, тряхнула головой:

— Значит, он не должен разъезжать? Вы хотите, мистер Ричардсон, чтобы я это передала мужу?

— На первый случай посоветуйте ему не баллотироваться в правление юниона. Полагаю, такая акция с его стороны будет благожелательно оценена патронами корпорации.

Восков приехал на другой день, узнал о визите адвоката.

— Спустила ты его с лестницы, полтавчанка?

— Его не за что было выгонять, — тихо отозвалась Лиза. — Не забудь, у тебя растет сын...

Он резко отодвинул от себя тарелку с картофельным пюре, встал.

Ричардсон сделал свое черное дело — он внес к Восковым обеспокоенность, тревогу...

Прошло уже немало времени со дня вступления Семена на американскую землю. Он не накопил за эти годы ни вещей, ни долларов, хотя столяры, ценившие его мастерство, пустили шутку, что у мистера Самуэля руки хоть куда и если на митинге понадобится сыграть на скрипке, а ее не окажется, то Восков сыграет любую мелодию на рубанке.

Когда «золотой кризис» выбросил с заводов и фабрик на мостовую не тысячи, а сотни тысяч эмигрантов с евро-азиатского континента, Восков вместе с группой русских социал-демократов, с американскими социалистами героически бросился им на помощь. Его товарищи по борьбе писали, что в исключительно тяжелых условиях «Восков не поддается унынию, организует кассы взаимопомощи, клуб и столовую с дешевыми обедами для безработных...».

Г. Мельничанский и Е. Зорина *, помогавшие Воскову в устройстве эмигрантского клуба, по их словам, попали под тройной обстрел. Большевики заявляли, что эмигранты нуждаются в «тихой пристани», «салоне размышлений», а не в «политическом форуме», за который ратовал Восков. Церковники вопили, что «богоотступники отвращают паству от святой обители». Царские дипломаты с тревогой доносили в Петербург, что эмигранты, выправив в посольстве нужные бумаги, тотчас же вступают в различные рабочие союзы и политические ассоциации и что лояльный благотворительный «Русский иммиграционный дом» теряет популярность.

* Г. Н. Мельничанский — известный профсоюзный деятель, член ВРК г. Москвы в дни Октября 1917 г. Е. Я. Волгина (Зорина) — ветеран КПСС, активная участница Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

— Странно,— говорил Восков меньшевикам.— Вроде бы из каждой вашей фразы фонтаном бьет любовь к обездоленным эмигрантам. А клуб их вы хотите видеть таким, каким его видят церковные крысы и сатрапы Николашки... Что, о каналах Венеции будем рассказывать обездоленным?

— Воскову нужен не клуб, а баррикада! — кричали недруги всех мастей

Безусловно, баррикада была ему милее тихой заводи. Но сейчас он создавал открытый форум политической борьбы, и именно поэтому его усилия поддержала группа большевиков, живших в Бруклине. Столяры помогли подыскать подходящее помещение, клуб открылся и был любим эмигрантами.

Но главной заботой Воскова, главным делом его стало создание Русских отделов при американских профсоюзах. Формально эмигрантам был открыт доступ в существовавшие юнионы с их территориальными отделами. Однако, во-первых, формально, а во-вторых, далеко не во все. Лидеры крупнейшего профобъединения — АФТ, подыгрывая настроениям «рабочей аристократии», державшейся за свои места, препятствовали «перенасыщению» юнионов новыми эмигрантами. Для бедняков из Европы и Азии слишком высок был и вступительный взнос в профсоюзы. Но даже и попав в союз, как говорил Семен, сидели они на собраниях «безъязычные, беспомощные, мало что знающие о порядках на чужбине и внутри юниона». И чем большей дискриминации подвергали эмигрантов предприниматели и профбоссы, тем ожесточеннее сражался за Русские отделы социалист Восков — «сын русской революции», крепкий, голосистый, имеющий всегда в запасе убедительный довод, острое словцо, сочную шутку.

В Чикаго ему удалось убедить самого Коди, владельца крупнейшего цирка-буффало, что если взамен каждодневного представления «Нападение индейцев на по-

шту переселенцев» он сдаст на один вечер свое помещение эмигрантам, то доход его не пострадает, а популярность возрастет. И действительно, толпа народа, вспоминал редактор русской газеты в Соединенных Штатах Н. Н. Накоряков*, штурмом брала кассы. Выступая перед полуторатысячной аудиторией своих земляков, Восков начал с шутки:

— Вместо «нападения на почту», товарищи, я произведу нападение на нытиков и анархистов.

По цирку прокатились смешки и одобрительный пошви́ст.

С сарказмом Семен разрушал позиции ликвидаторов, анархо-синдикалистов и просто не искушенных в политике скептиков, которых, как подчеркивал Восков, объединяет неверие в силы рабочего класса.

— Покороче!— раздалось с яруса.— Что предлагаешь?

Он засмеялся—громко, искренне:

— Вот это по-нашенски. Я обращаюсь к вам от имени русских рабочих, принадлежащих к разным отделам Братства столяров**. Решили мы объединиться и организовать в юнионе Русский отдел. Понятно, что так мы сможем лучше отстаивать интересы эмигрантов из России. Кстати, заметьте: столяр—член юниона на постройках получает четыре-пять долларов в день, неорганизованный русский столяр — всего полтора. Да и вообще: когда есть организация за спиной, ты уже не песчинка, а девятый вал в океане борьбы.

* Н. Н. Накоряков — участник первой русской революции 1905—1907 гг., работал на Урале, был избран на IV (Стокгольмский) и V (Лондонский) съезды РСДРП, в 1912—1916 гг. редактировал в Нью-Йорке эмигрантскую газету «Новый мир», одно время занимал позицию оборонцев, поддерживал Временное правительство, вернулся в ВКП(б) в 1925 г.

** Один из крупнейших профессиональных союзов Америки, входивший в АФТ (Американскую федерацию труда).

Он нес эти идеи в массы столяров и строителей, портных и электриков...

И вот первая «ласточка». При непосредственном участии Воскова в 1909 году начал функционировать «Первый Русский отдел юниона клоакмейкеров» — союза портных верхнего женского платья. Восков чувствовал себя в те дни именинником, поздравлял товарищей, пригласил к себе на скромный ужин группу организаторов нового отдела. Оба брата ему помогали, как могли. Несколько замкнуто держалась Лиза, на его вопрос натянуто ответила:

— Я немного устала, Семен. От тебя и от всей этой шумихи. Не забывай, я ведь еще немного и женщина.

Семен почувствовал интонации «суфлера» — адвоката корпорации.

— У нас маленькая победа, — пытался он успокоить Лизу. — Товарищи меня подменяют... Буду больше дома...

— Ты сам в это не веришь, — усмехнулась она. — Ах, да не в том дело. Хочу в Россию, Семен. Домой.

Он помрачнел.

— В Россию мне пока пути нет. Ты ведь знаешь. Но будет время...

— К тому времени, — оборвала Лиза, — я стану старухой...

...Русские отделы профсоюзов росли и множились, как грибы. Они вошли в память эмигрантов как одно из светлых пятен в суровой американской действительности. Но самого Воскова что-то в них начало тяготить. Он почувствовал, что за спиною рабочих и даже его, одного из лидеров этих молодых организаций, происходят странные и вовсе необъяснимые вещи. Где-то раньше времени прекращалась забастовка, и каждый рабочий терял на этом полдоллара в день. Где-то предприниматели узнавали о требованиях стачечников раньше, чем эти требования бывали одобрены большинством

Терзаемый дурными предчувствиями, Восков обратился к книгам и статьям по истории рабочего движения. В работах Ленина, который назвал консервативную верхушку тред-юнионов «агентами буржуазии в рабочем движении», Семен нашел развернутый анализ причин и истоков этого забвения интересов рабочего класса. Владимир Ильич еще в 1902 году подчеркивал, что «тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией» и что социал-демократии предстоит «совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии». Многие уяснив для себя, Восков со свойственной ему энергией бросился на защиту попранных прав членов союза.

Среди рабочих поползли слухи, что двум членам правления Братства столяров в небольшом городке штата Коннектикут от лиц, пожелавших остаться неизвестными, были присланы шикарные лимузины, модные золотые часы и даже уведомления об открытии им банковских счетов. Семен быстро связался с фирмой по продаже автомобилей, работавшая с Восковым в Нью-Йорке Е. Я. Волгина, установил, что лимузины доставлены профсоюзным боссам по заказу директора группы мастерских, и потребовал от руководства Русского отдела публичных объяснений. Но до объяснений дело не дошло: неожиданно автофирма опровергла свою справку и сообщила, что лимузины были получены обоими адресатами согласно завещанию их родственников.

Вся эта атмосфера закулисной возни и грязных афер отравляла настроение. Семен становился неразговорчивым, мрачнел. Но такие минуты были недолгими. Вскоре на лице его снова появлялась широкая улыбка, взгляд светился приветливостью, и он, ударяя по плечу собеседника, сообщал ему заряд своего оптимизма: «Где же

тут унывать, когда кругом столько важной и нужной работы!» Альберт Вильямс очень тонко подметил эту черту восковского характера, оберегавшую его от невзгод судьбы: «Он, по-видимому, считал,— писал Вильямс,— что как бы ни были плохи дела, они могут быть еще хуже... А когда они на самом деле становились хуже, он испытывал прилив деятельного энтузиазма». Это свойство восковской натуры выразительно оттеняет любопытный эпизод на вечере русской песни в Нью-Йорке. Семен только что вернулся из Филадельфии, где хозяева фабрик и мастерских уволили группу «беспокойных» швейников, а функционеры юниона промолчали. Был он озадачен и даже мрачен.

— Святая наивность,— сказал профсоюзный лидер, приехавший на вечер из Коннектикута.— Пятеро уволены, зато пятьсот при деле. К чему этот максимализм?

— Джентльмены! — живо отозвался Восков, и по наклону головы чувствовалось, что слова собеседника ему кое-что прояснили и он получил новый заряд энергии.— Пора нам открыть карты. Ваша позиция — в цифрах: если пять человек остались без куска хлеба — смолчим, если пятьсот — подумаем. А наша позиция, позиция социалистов,— в принципе. Задача в том, чтобы ни один случай надругательства над личностью не был прощен боссам. Джентльмены, настала пора поставить наши союзы на прочную социалистическую основу. Я обращусь к руководству партии — не сомневаюсь, меня поддержат.

Он проверил списки членов правления Русских отделов, обнаружил в них меньшевиков, ревизионистов, анархистов, эсеров. Окончательно было подорвано его доверие к искренности намерений и помыслов соглашателей. Вот когда он, по словам Е. Я. Волгиной, все больше начал подходить к твердой ленинской оценке всех этих групп и течений, которые «тормозят самое важное, са-

мое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании».

Бюро социалистической партии обсуждало предложение Воскова на трех своих заседаниях. Приверженцы правого крыла недвусмысленно намекали, что от одного, мол, нового названия дело не изменится. Левый лидер Чарльз Рутенберг взял демагогов в оборот. Он заявил, что активисты партии будут, во-первых, считать себя в ответе за то, чтобы новорожденная организация возглавлялась достойными людьми, а не дельцами, используют для этого и личное влияние и трибуны митингов; во-вторых, и это главное,— Русские отделы впитают идеи социализма, а это уже немало.

— Джентльмены,—добавил Восков под смех собравшихся,— не правда ли, когда ты представляешь социализм, не очень удобно под шумок заводить себе банковский счет?

Предложение Воскова было принято. Соглашатели запаниковали.

А Семен продолжал разъезжать по стране, дискутировал, выступал на митингах, разъяснял... По крайней мере, пять восточных штатов, три десятка городов запомнили этого крепкого, подвижного человека с убедительной жестикуляцией и точной, понятной всем речью, зажигательного агитатора и веселого собеседника. Он выступал перед бруклинскими столярами на английском языке; он обращался к своим землякам на украинском, рассыпая прибаутки и пословицы; он был гостем Гарлема, и его слушатели не подозревали, что он специально к этому случаю изучал тексты ритуальных негритянских песен, которыми смело обрамлял свои призывы к обездоленным людям; его яркая, то добродушная, то язви-

тельная, манера разговора с людьми вдруг переходила в жаргонную речь, когда он оказывался в еврейском квартале. На вопрос репортера, откуда такие познания, Восков расхохотался: «Объективная действительность заставит тебя и по-китайски заговорить... Видите ли, в Бронзвилле много евреев, плохо понимающих английский язык; я и решил с ними заговорить на их родном языке...»

Филадельфия и Бостон, Детройт и Чикаго, Пибоди и Челси, Бетлехем и Балтимор, Сент-Луис и Питсбург... Всюду, где русские эмигранты поднимались на борьбу, где возникали предпосылки для создания Русских отделов при социалистической партии, там появлялся Семен Восков — посланец бруклинских столяров и, как он с гордостью всегда рекомендовался, сын русской революции. Его товарищи по эмиграции говорили, что он буквально был напичкан свежими фактами о российских событиях, с них начинал и ими кончал все свои выступления перед земляками.

Харьковчане, витебчане, полтавчане, екатеринославцы не потеряли связи с Восковым, пересылали ему весточки. «Он весь дышал Россией, бредил ею», — сказал как-то один из его слушателей.

И кто знает, может быть, не случайно внушительная победа русских социалистов Америки по времени совпала с подъемом революционного движения в России после нескольких лет оголтелой реакции. К лету 1911 года, к моменту созыва первой конференции Русских отделов Социалистической партии Америки, ей представил свои отчеты о полугодовой деятельности добрый десяток отделов из крупных рабочих центров, а несколько лет спустя, по воспоминаниям редактора газеты «Новый мир», их насчитывалось уже свыше сорока. Представляя наиболее организованный отряд русских рабочих-эмигрантов, они внесли весомый вклад в развитие политической сознательности пролетариата.

В газетном репортаже с первой конференции Русских отделов есть упоминание о том, что секретарем их регионального комитета избран Семен Восков.

...Семен возвращался после конференции домой, разгоряченный дискуссиями, большой и полезной работой. На площадке лестницы он встретил брата. Шика мял в руке папиросу, неуклюже топтался.

— Семен, ты когда был дома в последний раз?

— Дней пять назад... Нет, восемь.— Восков потер висок.— Ну сам посуди... В Ансонии задержался, с конференцией сколько возни... Короче, Шика: без «ши-ши»...

— Ты еще шутишь,— разволновался брат.— У тебя семья на глазах разваливается, а ты все шутишь. У Лизы определенные намерения вернуться в Россию. Иди к ней и попробуй как-нибудь уладить...

Восков вошел тихо, заглянул в детскую кроватку, осторожно погладил спящего малыша, сел за стол, напротив жены, мягко улыбнулся:

— Устала со мною?

— Значит, Шика тебе все сказал? Тем лучше.— Ее голос был ровный, сдержанный, и только пальцы теребили бахрому скатерти.— Слушай, Восков. Я решила уйти от тебя. Ничего не спрашивай, это все сложно... Женская натура вообще не простая...

— Старый хитрый лис Ричардсон поработал?— усмехнулся он.

— Ричардсон только кое-что выявил во мне.— В голосе Лизы появились нотки, которых он раньше не знал.— Я, наверное, плохая спутница такому человеку, как ты. Так уж случилось. Буду с тобой откровенна. Хочу домой. Есть человек, который увезет меня в Россию. Он русский инженер...

Семен поднялся.

— Это меняет дело. О политике можно спорить, о любви лучше не надо. Что ж, за откровенность спаси-

бо.— Резко, порывисто спросил:— Мне с Даньком убраться или... ты уйдешь?

Лиза растерялась.

— Подожди... Я не могу так быстро. Почему ты с Даней? Ему нужна мать...

— Даня Восков — сын революционера,— жестко оборвал ее Семен.— И я хочу, чтобы он рос в кругу моих идей и моих представлений о жизни.

Когда в комнате был загашен свет, Лиза с надрывом спросила:

— Ты ведь мужчина, муж... Почему ни слова о чувствах, почему одна железная логика?

— У меня завтра трудный день,— устало сказал он.

КОРРЕСПОНДЕНТ РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ

ама того не подозревая, Лиза причинила ему своим последним вопросом острую боль. Железная логика в чувствах к женщине, спутнице жизни, другу — это не о нем. Да, часто его не бывало дома, и часто он являлся в синяках, забинтованный. И подарки он приносил в семью редко, а просыпаясь по выходным, сконфуженно объяснял: «Понимаешь, ребята просили выступить на авеню Эй. Если хочешь — вместе пробежимся...»

Лиза была его первой любовью, он не представлял себе жизни без нее. Он и сейчас готов был молить ее остаться, но одергивал себя: «Что ты можешь, Семен, предложить ей вместо России? А теперь будь мужчиной. И расти сына».

Но боль осталась. Собирался приискать няньку для Данечки, но жившие у него товарищи дружно запроте-

стовали. Составили график дежурств. Поначалу Лиза исправно навещала сына, потом ее приходы становились все реже, появилась вторая семья, а в войну она вернулась на родину.

Как ни странно, о сыне Воскова проявило неожиданную заботу правление фирмы братьев Гликк. Директор-распорядитель сообщил Семену, что правление намерено поощрить столяров высокого класса и открывает для их детей очень дешевый пансионат на берегу Саут-Ривер. Одно из двадцати мест предлагается мистеру Воскову для его сына Даниэля. «И имя успели узнать», — подумал Семен. Директор небрежно заметил: мол, со своей стороны фирма рассчитывает, что классные рабочие охладят горячие головы в юнионе и не станут поднимать шум в связи с тем, что три десятка кабинет-мейкеров * пришлось освободить от дел.

Собеседник будто щелкал по клавишам пишущей машинки: без пауз, без регистров в голосе... Восков притворно вздохнул:

— Да мне легче выстроить коттедж на Саут-Ривер, чем вернуть краснодеревщикам спокойствие: они же оповестят всю планету, что вы выставили лучших членов юниона за нажим на фирму... Шутка ли: уволить тридцать премьер-министров! **

Встал, ослепительно улыбнулся, про себя решил: «Найдете свое предложение в газете, мазурики!» И поспешил в Даун-тан, нижнюю часть Нью-Йорка, где в нескольких полуподвальных комнатках в доме по Ист-сайд разместилась контора нового издания — газеты «Новый мир».

...Мысль о рабочей газете давно уже не давала покоя большой группе социалистов — деятелей русской эми-

* Столяры-краснодеревцы.

** Игра слов: кабинет-мейкерами (буквально — мастерами кабинетов) англичане шутливо называют премьер-министров.

грации. «Газету имели право выпускать,— рассказывал Н. Н. Накоряков, сменивший первого редактора нового издания,— ассоциация или акционерное общество, которое и было учреждено при руководящем органе социалистической партии. С завидной энергией распространяли выпущенные акции Русские отделы и их активисты Василий Матвеевич Лихачев, Анна Николаевна Бычкова*, Семен Петрович Восков, Елизавета Яковлевна Волгина и многие другие наши товарищи. Вспоминаю, как, проходя палящим днем по накаленному тротуару Сигал-стрит, я увидел Воскова. Он взобрался на импровизированную трибуну из ящиков и размахивал пачкой акций «Нового мира». Запомнились его слова: „Наша газета рабочая, читать ее будут рабочие и создавать ее должны, прежде всего, рабочие”».

Уже на первой конференции Русских отделов, в июне 1911 года, газета «Новый мир» была названа рупором социалистических идей. Однако эта декларация скорее выдавала желание организаторов отделов, Семена Воскова и других, чем отражала реальность. По многим вопросам газета, начавшая выходить 6 апреля 1911 года, стояла на центристских позициях, а ряд авторов откровенно проповедовал с ее страниц меньшевистские, реформистские взгляды. Случилось так, что в поисках известного имени для анонса первая редколлегия пригласила подписывать газету в качестве редактора старого деятеля социал-демократии Л. Г. Дейча и, один из идеологов меньшевизма, Дейч вместе с группой своих сторонников на первых порах во многом определял направленность газеты. Восков не входил в первую редколлегию, он начинал как рабочий корреспондент. Но

* В. М. Лихачев в 1917 г. вел работу среди сестрорецких оружейников, был участником Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; А. Н. Бычкова — участница Октябрьской революции, почетный гражданин г. Свердловска.

потом не раз корил себя за то, что не выступил против приглашения Дейча.

Журналистом Семен стал не сразу. Но он стал им. И, может быть, борьба с влиянием редактора-меньшевика и его группы решительным образом сказалась на журналистской эволюции Воскова.

...Лисье предложение фирмы братьев Гликк заставило Семена тщательно продумать ответные ходы. Добравшись до конторы «Нового мира», он шумно вошел к Дейчу:

— Гликки объявили локаут и выбросили тридцать кабинет-мейкеров. В отместку за стачку. Хотите, напишу в номер?

Редактор, уже в годах, седовласый, благообразный, откинулся на спинку кресла, пощипал бородку.

— Номер и без того перегружен стачечным материалом. Лучше подберите мне для пятой полосы нечто из воскресного отдыха рабочих... Желательно — русские обрядовые традиции.

— Любезный Дейч,—вспыхнул Семен,— я с радостью опишу вам любые обряды. Но когда тридцать наших товарищей по борьбе лишают работы, к дьяволу ваши развлечения.

— Кто тут редактор?— закричал Дейч.— Я или вы? Кто полвека отдал просвещению пролетариата— я или вы? Послезавтра дадим ваших краснодеревцев. И не учите меня азбуке революции!

В сердцах Дейч сказал сидевшему в кабинете метранпажу: «Какие грамотей нашлись! А ведь сам и страницы не напишет без ошибки!» А в другой комнате Семен уже взывал к пишущей братии: «Он хочет превратить рабочую газету в развлекательный листок! Рекламируем для голодных эмигрантов ликеры...»

...Первое время Восков присылал в газету маленькие корреспонденции из Чикаго, где артель паркетчиков взялась за выгодный заказ. «Воскресных» заметок чу-

рался, крупными буквами надписывал на конверте: «В будничный номер о буднях рабочих». И подписывался: «Плотник», «Столяр», иногда — «Рабочий С. В.». Семен стремился связать газету с политическим просвещением рабочих. Был настойчив. Не мог же редактор не напечатать обращение руководителя Русских отделов Семена Воскова к рабочим-социалистам с рекомендацией — самым широким образом использовать агитаторов. Тем более что сам Восков подавал блестящий пример агитационной работы. В извещениях о митингах, собраниях, вечерах за 1911—1912 гг. имя Воскова упоминается через день.

В газетной заметке из Бостона и Челси о выступлениях Воскова и бостонского секретаря Русского отдела М. Янышева, впоследствии активного борца за утверждение молодой Советской Республики, сообщалось, что успех ораторов был огромен и аудитория с безусловным доверием восприняла утверждение Воскова: «Социалистическая организация есть самое лучшее оружие в руках рабочих для борьбы с эксплуататорами». После этой поездки, вспоминает Е. Я. Волгина, на стол редактора Восков положил отчет, свой и Янышева, где были такие строки: «Может быть, кому-нибудь эффект речей покажется скромным. В партию социалистов записались в Бостоне пятеро слушателей, в Челси — семь, в Пибоди — пятнадцать. Скромный? Это о людях, гонимых неурожаем, гнетом, знающих, что социалистов преследуют боссы, полиция, попы?..»

Дейч вычеркнул это место из отчета и буркнул: «Неужные сантименты!» И снова Восков взывал к редакционному коллективу: «Товарищи, Дейч не чувствует психологии рабочего!» И снова Дейч кричал: «Кого мне придали в корреспонденты — безграмотного столяра, пишущего слово «железо» через два «ять»?»

Очередная стычка с Дейчем произошла у Семена в связи с делом русского матроса-потемкинца Федора

Малкова, выдачи которого потребовало царское правительство, получив предварительное согласие таможенных властей Нью-Йорка. Восков и его друзья решили присоединить к голосам протеста и голос «Нового мира», но Дейч твердил, что рабочее движение в России, дескать, еще в кандалах реакции и рано возвращать из небытия «Потемкина»...

— Любезный Дейч,— отрезал Восков,— возможно ли, что редактор русской рабочей газеты не знает, что делается в России? Я недавно прочел у товарища Ленина...

— Кому вы это говорите?!— Дейч даже руками замахал.— Я с Лениным работал и не раз полемизировал...

— Ругайте меня, сколько хотите,— еще шире улыбаясь, заявил Восков,— но уж кое-что из Ленина я вам зачту: «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший*— хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*». Сказано еще год назад. А мы все ждем какого-то второго «Потемкина».— Поднялся.— Я завтра же приглашаю адвокатов Хилквита и Бергера к нам в контору, чтобы они взялись за дело Малкова. Если не найдет средств «Новый мир», я обращусь к правлениям Русских отделов.

Адвокаты-социалисты взялись вести это дело, а «Новый мир» начал серию статей в защиту Федора Малкова.

И когда трудовую Америку облетела радостная весть об освобождении матроса-потемкинца, Русский отдел Братства столяров устроил в Бруклине массовый митинг по случаю этого события.

Возвращаясь из любой поездки, вспоминал один из новомирцев, Восков обязательно заскакивал в наш полуподвальчик. «Вот кое-что намаракал, не знаю только,

подойдет ли... Очень уж нелитературно пишу, и к тому же много ошибок, ведь никогда толком не учился писать...» Но быт пролетарский, подчеркивал автор этих заметок, живописал Восков сочно и образно.

Возглавляя в качестве секретаря регионального комитета Русских отделов эмигрантов, введенный их второй конференцией в состав редколлегии «Нового мира», работая в артели паркетчиков, по горло занятый, Восков умудрялся не пропускать вечеров, устраиваемых его земляками, выступал в эмигрантских клубах с лекциями о подъеме рабочего движения в России, о социализме и о социалистах, о Парижской коммуне. Он отвоевал у Дейча еще одну колонку для рабочих корреспонденций с мест и в ответ на его брюзжание по поводу «приземистости стиля» и «отсутствия литературной фантазии», отвечал веско:

— Не нужно забывать, что газета наша рабочая, что читают ее полуграмотные люди по складам, пальцем водя, нужно писать так, чтобы рабочий нас понимал.

И некоторые свои позиции Воскову и другим новомирцам, относившим себя к левому крылу социалистов, удалось отстоять.

В 1912 году пост редактора занял бежавший из российской ссылки известный рабочий деятель с Урала, примыкавший к РСДРП, Н. Н. Накоряков. Он сменил в скитаниях десяток профессий — от грузчика и кузнеца до артиста и матроса — и имел добрый десяток подпольных кличек и литературных псевдонимов: «Товарищ Назар» (так называл его Ленин), «Назар Уральский», «Н. Стодолин», «Джан Эллерт», «Н. Черно»... Новый редактор довольно быстро оценил природную наблюдательность и публицистические способности Воскова. По его словам, Семен приложил руку к редакционной статье о ленском расстреле, убрав ряд вычурностей и придав ей энергичную концовку: «У рабочего класса один

путь—шагать без страха, чрез мертвые тела, шагать к победе...»

Преданности русской революции новому редактору было не занимать. Но не все его взгляды Семен разделял. Однажды, оставшись с ним наедине, Восков едко высмеял помещенную в газете «сиропную оду» банкиру и коммерсанту Джозефу Маркусу:

— Типичная позиция либералов и оппортунистов — делить буржуев на злых и добрых. Одни заголовки ваши, Николай Никандрович, чего стоят: «Коммерсант с сердцем благотворителя»... Чему мы учим рабочих? Где классовый подход?

— Пощади, стеляр.— Накоряков даже крикнул.— Может, ты и прав насчет классового подхода, но газету нашу должны читать не одни бедняки и не одни члены юниона...

— А если я прав,— продолжал Восков,— почему наша газета так вяло пишет о событиях в Лоренсе, о двадцати пяти тысячах бастующих и голодных, о бесчинствах полиции?

— Власти могут прихлопнуть нашу газету...

— Чепуха!— Семен наступал.— Ищите умные ходы для освещения событий. Наши семьи берут у бастующих на время стачки детей. Вот вам тема — хватайте же ее!

Он сам пригрел на несколько недель двух ребятишек из Лоренса в своей семье, не испытывающей недостатка в жильцах. А после того, как удалось сбить неслыханную волну провокаций и репрессий, после поразительной победы стачечников, которые сами же в качестве авторов и исполнителей показали эти события на сцене нью-йоркского Медисон-сквер гардена для широких кругов рабочих, он торжественно привел на представление новомирцев:

— Нам полезно поучиться классовому подходу.

Он встретил в зале одного из режиссеров этого массового зрелища Джона Рида, и они обменялись приветственными возгласами:

— Вы это здорово придумали, Джонни!

— Да и вы кое-что придумали, Самуэль. Как святоши, отцепились от вас? Как ваши Русские отделы?

...Спектакль кончился далеко за полночь. Дома Семен застал братьев на ногах: Даня простудился, лежал с высокой температурой. Семен до утра поил сына теплым молоком, утирал ему пот с лобика. Потом растолкал задремавшего Шику, сказал:

— Только не ругай меня, братан. В Филадельфии сейчас скверно. Я должен туда поехать. Ненадолго.

НА БОЙ ВЫЗЫВАЮТСЯ „ОБОРОНЦЫ“

рандиозная стачка филадельфийских портных начала 1913 года перекинулась на многие восточные штаты Америки и вовлекла в свое бурное течение десятки тысяч рабочих. Нормальная жизнь Филадельфии была парализована, по улицам города дефилировали колонны пикетчиков. Усилия полиции помочь скэбам провалились. Наконец хозяева сорока пяти самых крупных компаний сдали свои позиции, и стачком объявил: «Победа!»

В эти трудные для Филадельфии дни и недели Восков неоднократно приезжал в Русский отдел юниона портных.

— Рабочий должен знать, — любил он повторять, — что юнионисты о нем помнят, даже если он в крошечном подвальчике с двумя напарниками уютит с утра до вечера штаны...

Воспользовавшись некоторой успокоенностью масс, полиция на рубеже февраля и марта решила взять реванш, завязала потасовку с остаточными пикетами, похитила двух руководителей Русского отдела — Воынаса и Стоклицкого.

Получив эти известия, Восков вновь выехал в Филадельфию. Просматривая свежий номер большевистской «Правды», присланный из России, Семен вдруг почувствовал легкое прикосновение руки соседа по купе.

— Спрячьте. Здесь полно провокаторов.

Восков рассмеялся и убрал газету в карман. Познакомились. Собеседник Семена, высокий стройный человек, безукоризненно одетый, назвался Володарским*, закройщиком портняжной фабрики. Оказалось, их многое сближает. Володарский был тоже уроженцем Украины, почти одноклассник Семена, он тоже шел первым учеником, но был исключен, как он выразился, за то, что политические взгляды его и гимназического начальства никак не укладывались в один пенал. И за это же самое, подчеркнуто серьезно сообщил он, его очень рано стали сажать в тюрьму и отправлять в ссылки. Его острая манера разговора, удивительная способность парадоксом, шуткой передать важную политическую мысль захватили Семена, притянули к этому человеку.

Восков спросил нового знакомого, имел ли он отношение к стачке портных.

— Так, малое,— смеясь одними глазами, ответил Володарский.— Возглавляю локал Русского отдела у себя на фабрике. Видите, товарищ Восков, у меня лучшее

* В. Володарский (1891—1918) — выдающийся революционный оратор, публицист, сумевший преодолеть меньшевистские взгляды и связать свою жизнь с партией большевиков. В дни Октябрьского штурма — член ПК большевиков, впоследствии комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда и Северной области, был убит эсерами.

положение: я вас знаю и не раз вас слушал, я же для вас терра инкогнита. Перевести?

— Случайно знаю. Но вы не очень убивайте меня латынью, товарищ Володарский. В моей благотворительной школе меня учили религиозным заповедям, а не латыни и греческому.

За разговором они и не заметили, как в вагон вошли двое молодых парней в ярких шарфах, осмотрелись и направились к Володарскому и Воскову. Следом появился шериф и уселся у входа спиной к пассажирам, будто ничто происходящее здесь его не интересовало.

— Кого ты везешь в Филадельфию, портняжья игла? — обратился к Володарскому один из парней, у которого копна рыжих волос почти закрывала узкие щелочки глаз. — И скоро ли твоя шайка прекратит вой по двум своим блюдкам?

— Я вас знаю, — бесстрастно отозвался Володарский. — Вы часто появляетесь в фабричном дворе вместе с боссом. Передайте ему, что, если хоть один волос упадет с головы Волынаса и Стоклицкого, портные снова бросят работу.

— Ну, ты у нас зарабатываешь, портняжья игла! — угрожающе заорал рыжий. — Или желаешь с Волынасом у нас поужинать?

Второй парень, с приплюснутым носом, подтолкнул приятеля, но Восков успел взять эту реплику на заметку.

— Шериф, — окликнул он бесстрастного блюстителя порядка. — Вы, верно, слышали разговор? Как руководитель Русских отделов я хотел бы вместе с вами засвидетельствовать, что охрана босса осведомлена, где находятся два наших исчезнувших товарища.

Шериф неохотно встал, обернулся, изобразил удивление:

— Мистер Восков? Сожалею, но этот случай — скорее в компетенции суда... Честь имею, сэр. — И приказал парням: — Марш отсюда!

В Филадельфии, в Русском отделе, Воскова уже поджидали. Десятки активистов, сотни членов юниона — столяры, механики, портные — они шли к нему за советом, за помощью, за новостями. Выбрав из всех дел два важнейших, Семен прежде всего объяснил своим товарищам, как следует создавать отделы в маленьких городках вокруг Филадельфии и как закрепить успехи интернационального содружества, зародившегося в ходе стачки. Об исчезнувших рабочих активистах он помнил весь день, но только в вечеру выкроил полчаса, чтобы зафиксировать разговор в вагоне. Отправил запись в редакцию местной газеты, а копию — начальнику полиции. Уже наутро узнал, что Воынас и Стоклицкий обнаружены в пригородном отеле избитыми, в кровоподтеках, в номере создана обстановка дебоша. Семен позвонил начальнику полиции:

— Спасибо за внимание к русским ребятам, шеф. Не знаете, кто бы мог оплатить врачебную помощь?

— Лично у нас финансовые затруднения, — любезно ответил собеседник, — платим сверхурочно своим людям, которые оберегают ваших бастующих от скэбов.

Возвратившись в Нью-Йорк, Семен стал рассказывать обо всем этом в редакции «Нового мира», но по лицам товарищей понял, что только что в коллективе произошла размолвка. Ему все стало понятно, когда он увидел на столе метранпажа гранки редакционной статьи о событиях на Балканах. Фиолетовым карандашом редактора была вымарана ссылка на воззвание ЦК РСДРП, написанное Лениным, и недвусмысленный прогноз, прозвучавший в этом обращении как приговор капиталу и политический урок соглашателям всех оттенков: «Грозит общеевропейская война». Не вытерпев, Восков схватил гранки, ворвался к редактору:

— Николай Никандрович, как же так?..

— А вот так. — Накоряков сидел нахохлившийся, неподвижный, чем-то схожий с совой. — Не хочу быть ве-

шим вороном, пугать стариков и детей мировым побоищем, которого пока... гм... нет.

— Да ведь будет же! — убежденно сказал Семен. — Ведь для чего-то копят буржуа вооружение, для чего-то раздувают шовинизм.

Первая Балканская война, вторая... А редактор по-прежнему свехосторожен, увертлив, в открытую дискуссию его не заманишь. На одном из заседаний редколлегии Семен довольно зло сказал:

— Десять псевдонимов редактора лучше бы обменять на одну, но зато четкую позицию против намерения воинствующих буржуа бросить в котел бойни золотой пролетарский люд.

...Мировая война стала действительностью. Редактор «стоек», он снял с газетной полосы ленинские тезисы о войне. Восков потребовал созвать редколлегию и всех корреспондентов-новомирцев, говорил жестко и прямо:

— Я допускаю, что личное мнение Накорякова, которое так и хочется назвать страусовым, может не совпадать и с ленинской позицией, и с резолюцией бернской большевистской группы. Но кто дал ему право прятать от русской эмиграции этот важнейший документ социал-демократии? Обеими руками подписываюсь под тем, что суть мировой бойни — в беспредельной алчности буржуазии, в ее грабительских притязаниях, в ее стремлении пресечь революцию и демократию, одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран.

Но и после этого крупного редакционного конфликта публикации «Нового мира» не обрели четкой политической ориентации. Редактор, казалось, продолжал играть роль некоего третейского судьи, он все более явно занимал позицию, которую Ленин позднее определит очень прицельным и емким словом «центризм».

Восков резко протестовал всякий раз, как газета приближалась к точке зрения «оборонцев». На правах

члена редколлегии он просматривал авторские статьи, даже гранки. Семен, вспоминал его брат верстальщик Ш. П. Восков, всегда, забегаая в их крошечную типографию, просил первую полосу, где печатались сводки с театра военных действий и комментарии к ним, спешно прочитывал ее, бледнел и не раз признавался Шике: «Ничего не могу поделать... Опять эти бредовые слова: «Зачинщик войны», «Обороняющаяся сторона»... Сам еще военные обзоры писать не обучен».

...Как-то в редакции появилась новенькая уборщица — тонкая, остроносенькая девушка с рыжеватой шапкой волос, мягко спадающих на плечи. Говорила с литовским акцентом. Она действительно приехала из Литвы, рано потеряла отца, мать ее батрачила на богатого хуторянина. В натуре Станиславы Тышкевич даже при первом знакомстве чувствовалась убежденная независимость. Когда ее хотели как безбилетницу снять с парохода, она проскочила на верхнюю палубу и устроила такой буйный импровизированный концерт, включив в него революционные песни, что пассажиры уговорили капитана разрешить ей проезд. В Америке она работала швеей и в свои шестнадцать лет уже участвовала в нескольких стачках.

Думали-рядили, где ей найти жилье, и поселили на время у Воскова. К Дане Стася привязалась с первой минуты, навела в доме чистоту, а в восковской «коммуне» — строгий порядок: каждый теперь знал, что ему принести на ужин и завтрак, чей черед готовить. Эта женщина войдет в жизнь Воскова. Но пока их редкие беседы за вечерним чаепитием касались положения эмигрантов, разразившейся мировой войны.

Новомирцы подчас не узнавали своего обычно приветливого, выдержанного коллегу. В его всегда искрившихся смехом глазах вдруг застывала настороженность, даже шевелюра его, как шутила Стася, «ощетинивалась», он становился раздражительным.

— Куда мы все смотрим? Почему мы рисуем войну в Европе как сплошную красоту? Кто придумал эти тошнотворно-героические заголовки: «800 000 русских солдат входит в Германию», «В зареве войны» «Торжество русского оружия»? Где наш интернационализм, наша позиция социалистов, наше классовое чутье?

Накоряков вышел на шум из кабинета, кисло спросил:

— А вы как бы хотели? Чтобы все мы писали о превращении этой войны в гражданскую?

— Не «этой», — едко ответил Восков, — а империалистической, захватнической, грабительской. Уж вам-то надо было повнимательнее читать манифест ЦК РСДРП.

Он все же добился от Накорякова права пригласить нескольких новых корреспондентов газеты — членов Русских отделов — к участию в международных комментариях на страницах «Нового мира». Появился в редакции Григорий Чудновский, не по летам серьезный, начитанный, и подготовил несколько экономических и политических обзоров.

Вошел в газету и автор «Филадельфийской хроники» Володарский. По воспоминаниям новомировцев, он обладал незаурядной способностью молниеносно выделять главное событие дня и столь же оперативно «выдавать» очередной обзор или памфлет. Они отлично дополняли друг друга на уличных митингах: Володарский — прирожденный оратор, насмешливо-язвительный, меткий, хлесткий, и Восков — добродушный, с хитрецей развивающий мысль и легким ее поворотом обрушивающий на слушателей неожиданное энергичное заключение речи. Новомировцы шутливо называли эту пару «энциклопедический двухтомник», и действительно, тематика газетных публикаций друзей и их выступлений была чрезвычайно широкой. Володарский мог за какой-нибудь месяц выступить со статьями о стачке в Питсбурге, о противоречиях между воюющими державами, о

творчестве Шекспира... Восков писал медленнее и публиковался не столь часто, но в разгар мировой войны он десяток раз обращался с газетных страниц с публицистическими посланиями «К столярам и плотникам», подготовил разоблачительные фельетоны о заправилах гред-юнионов, сделал интересную зарисовку о Джордже Вашингтоне и даже к 100-летию изобретения паровоза выступил с очерком под заголовком «Железная лошадь».

И постоянно в речах и статьях не упускал случая завязать бой с шовинистами и оборонцами. Описывая впоследствии перелом в «центристской» позиции газеты, Восков напомнил, что в начале войны он и «небольшая группа рабочих, стоявших на точке зрения революционного социализма, были в меньшинстве...». А в разгар войны Семен разоблачает со страниц «Нового мира» предательство социал-шовинистов на примере пробравшегося в социалистическую партию журналиста Чарльза Россела.

Без преувеличения говоря, весь Нью-Йорк всколыхнул публичный спор новомирцев о войне и отношении к ней пролетарской массы — дискуссия, в которой Восков, Лихачев и их единомышленники начисто разгромили реакционный листок «Русский эмигрант».

— «Новый мир» солидарен со всей мыслящей частью рабочего класса России,— заявил с открытой трибуны Восков, и эти слова вошли в гневную отповедь газеты всем соглашателям с поборниками войны.— Все громче и громче раздаются голоса рабочего класса во всех странах против братоубийственной войны.

Теперь по отдельным позициям газета приблизилась к точке зрения большевиков, вместе с тем с ее страниц начали исчезать «красивости», слог статей и заметок становился более простым, разговорным, близким рабочим людям. А скоро в редакцию войдут твердые последователи Ленина — А. М. Коллонтай, А. Я. Берзин

(Павлов) и группа их единомышленников, которые укрепят победы левого крыла социалистов и постараются освободить газету от груза былых ошибок.

Все это подготовит обстановку, которая позволит В. И. Ленину, внимательно следившему за ориентацией новомирцев, в начале 1917 года направить для «Нового мира» свою известную статью «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» и выразить в письме А. М. Коллонтай личное удовлетворение новым курсом газеты.

Новомирцы еще не знали ни об этой статье, плывущей через океан, ни о ленинской оценке их труда. Но Восков и Володарский, прогуливаясь в редкий час отдыха, вслух размышляли о грядущем возвращении в Россию:

Володарский: Россия, Петербург... Как-то они встретят нас? Что скажут о наших американских батальях?

Восков: Я хотел бы услышать это от Ленина. Он умеет работать, как никто другой.— И, подумав, сказал о главном, что неудержимо интересовало и волновало его в личности Ленина — человека, трибуна, вождя: — Он прекрасно чувствует настроение масс. Словом, хочу услышать оценку наших батальей от Ленина.

БРУКЛИНСКАЯ СТРУЖКА

... тая поставила на стол перед Семеном кувшинчик с молоком.

— Ты ночь прокашлял, лицо землистое. Есть два способа лечения: постель или драчка с боссами. Ты, конечно, за второй способ.

И вдруг, услышав странный звук, метнулась в соседнюю комнату и через минуту вывела оттуда живописную процессию: впереди степенно вышагивал шестилетний Даня, таща за собой на бечеве игрушечный грузовичок, в который была усажена визжавшая годовалая девчушка, сзади грузовичок подталкивал еще один малыш, поменьше Дани, копия отца — головастый, уши торчком.

— Они играют в скэбов.— Стася не могла сдержать смеха.— Даня — пикетчик, Витюха — полиция, а скэб, конечно, твоя маленькая Жешка. Они решили вывезти ее на свалку. А когда-то дети играли в прятки, камушки и фанты.

В дверь позвонили. К Семену нагрянули друзья из «Нового мира».

— Единогласно! — Волгина даже в ладоши захлопала.— Вы избраны, Семен Петрович, в окружное правление Братства столяров. Победа!

— Я бы сказал, победа для социалистов,— торжественным тоном добавил Володарский.— Я кое-что уточнил... Юнионисты Братства столяров и плотников — жуткие консерваторы, за тридцать пять лет существования союза они не допустили в правление ни одного социалиста. Вы будете первым, Восков.

Снова звонок. Но за дверью никого не было. К ногам Стаси упал большой желтый конверт. Семен вскрыл — ни письма, ни записки. Лишь на обороте конверта машинописная пометка: «Володя Татаринчик ждет Самуэля Воскова. Вспомни!»

Они хорошо помнили: с двадцатилетним белорусским парнем — активистом Русских отделов нанятые заводчиками гангстеры расправились накануне стачки, это было с год назад. Володарский, сощурясь, оглядел лица друзей.

— Да, братья-столяры, — произнес он. — Вам не позавидуешь.

Уже не один год столяры Нью-йоркского округа готовились к решительной битве.

Массовые стачки строителей, перекинувшиеся из нью-йоркской подземки в Чикаго и оттуда — во многие штаты, вызвали переполох в директоратах фирм. К тому же большая масса эмигрантов получила новую сильную опору: секретариат ЦК социалистической партии одобрил ходатайство Воскова и руководства Русских отделов и объединил все отделы в единую федерацию при партии, а Восков вошел в ее объединенный комитет.

Компании не сдавались: к рабочим засылали провокаторов, шпионов, террористов, но все было напрасным. Столяры сумели между собой договориться. Всеамериканский союз строительных рабочих одобрил подготовленные требования. В январе 1916 года они были предъявлены ассоциации хозяев.

Те ответили отказом. Они отказались от всего. Отказались сравнять условия труда рабочих в разных городских районах, ликвидировать неравенство в расценках между эмигрантами и американцами, отказались надбавить столярам и плотникам Манхаттана...

И тогда Дистрикт Коунсил — Стаечный совет назначил на день 1 мая 1916 года забастовку восемнадцати тысяч нью-йоркских столяров и плотников, большая масса которых работала в районе Бруклина. Семен узнал об этом на вокзале, вернувшись из поездки по штатам.

Его встретили члены Стаечного совета, забросали вопросами, зашла речь и о стачечной кассе. Кто-то предложил обложить работающих налогом в фонд семей бастующих.

— Вот что, парни, — возразил Восков, — выходит, мы не доверяем политической сознательности рабочего?.. Объясните ему толково, и он сам принесет вам все, что сможет. А вообще договоримся: Восков-столяр бастует с вами, а Воскову — руководителю Федерации Рус-

ских отделов оставьте, как говорят, руки свободными для более широких действий.

...После рождения дочери Восковы переселились в район Бронзвилля, в маленькую двухкомнатную квартиру. Возвращался домой Семен обычно не один, но и в одиночестве не испытывал страха и ничуть не смущался, встретив однажды у себя на лестнице двух подозрительных незнакомцев.

— Разговор мужской и короткий, — шагнул ему навстречу молодчик в костюме с «искрой». — Первого мая ваши хотят затеять свалку. Отложите ее на месяц, и вы не будете в проигрыше.

— Может, вы скажете, — с интересом спросил Семен, — что за этот месяц успеют сделать те, кто вас прислал?

— Это как в восточной сказочке, — загадочно ответил визитер. — Или шах помрет, или ишак сдохнет...

— Все дело в том, — Восков по привычке широко улыбался, почувствовав почву под ногами, — что столярам эта отсрочка ни к чему.

— Столярам, может, и ни к чему, — вмешался баском второй, — а у тебя, парень, трое малолеток... Неровен час, машина на них наедет или с лестницы в пролет угодят...

Семен резко метнулся к «баску» и за шиворот спустил его с лестницы. Потом повернулся ко второму.

— Не лезь за пистолетом, приятель, мои ребята у подъезда.

Он сказал это, чтобы выиграть время, но нечаянно угадал. На лестницу ворвались трое парней — один был Сергей Зорин, живший в его «коммуне» и многому научившийся у Воскова.

— Извините, что без стука, — весело сказал Сергей, легко оценив ситуацию. — Эти типы уже полдня болтаются у вашего подъезда. — Решительно объявил: — Вос-

кова и его семью будем охранять, пока не издохнет вся гидра капитала. Уяснили, холуй?

А Семена сверлила неотвязная мысль: почему они запросили месяц, чего они ждут? А может, они подобрали ключик к кому-нибудь из гомперсовской * команды?

Стачечный совет объявил: бастуем. Но произошло удивительное событие. Буквально в первый же день стачки более семисот хозяев, не входивших в ассоциацию предпринимателей, публично заявили, что готовы удовлетворить требования рабочих и подписаться под договором. Это означало, что четырнадцатитысячная армия столяров и плотников, основная масса бастующих, может приступить к работе. «Иначе говоря,— писал С. Восков,— стачка была накануне успешного конца. Нужно было только сломить упорство объединенных хозяев, у которых всего 4 тысячи человек».

В этот напряженный момент произошло поистине драматическое событие. В пятницу 5 мая, под вечер, в Нью-Йорк спешно прибыл президент Всеамериканского юниона столяров некий Уильям Готчисон и, не заходя в окружное правление Братства, отправился напрямик в директорат ассоциации хозяев. Не медля и часа, он заключил за спиною стачечников договор с предпринимателями, выиграл по одному пункту и проиграл по трем-четырем другим. Ассоциация хозяев поступилась малым. А вот столяры и плотники Манхаттана — района с наиболее тяжелыми условиями строительных работ — по милости Готчисона лишились десятицентовой надбавки.

Хитрый политикан с прозвищем «Фрак под спецовкой», Готчисон точно рассчитывал свои ходы. На следующее утро он снял зал для собрания юнионистов и

* Самуэль Гомперс — многолетний руководитель Американской федерации труда, являлся олицетворением консервативной верхушки в профсоюзах.

лишь за час-два до его открытия кое-кому сообщил об этом по телефону. Поднявшись на трибуну в полупустом зале, президент объявил о новом договоре, расценил его подписание как свою личную победу в борьбе за кровные интересы «братьев рабочих» и закончил приказом: «Ребята, в понедельник марш на работу!» Однако смысл тайного договора сразу дошел до присутствующих. В зале поднялись крики: «Долой!», «Вон!», «Изменник!», «Сколько ты получил у хозяев за эту сделку?». Со всех сторон поднялись люди, бросились к трибуне, но в этот момент в зал вбежали полисмены, видимо заранее извещенные Готчисоном о возможных эксцессах, и начали оттеснять рабочих.

Готчисон пробрался через сцену по боковой лесенке в вестибюль и здесь встретил запыхавшегося Воскова. «Фрак» хотел проскользнуть мимо, но, услышав презрительное: «Что же вы наделали?! Вы безумец или нечто похуже?», остановился, зло отчеканил:

— Правление юниона не подчинилось моему приказу — раз. Оно занимается не тем делом, что должно, — два. Если мое распоряжение о выходе на работу не будет выполнено, все локальные юнионы будут исключены из нашего союза — три.

— И четыре, — крикнул ему вдогонку Восков. — Смените профессию, мистер президент, вы же прирожденный скэб!

Выбравшись из зала, Готчисон сразу же сбежал из Нью-Йорка, а вслед ему полетели экстренные выпуски левых газет с разоблачением предательского поступка зарвавшегося тред-юниониста.

Оперативно были отпечатаны «красные циркуляры» с разъяснением позиции окружного правления Братства столяров и стачкома. Восков договорился с администрацией крупнейшего зала в Нью-Йорке, и десятитысячная масса столяров и плотников, забившая все проходы, вестибюли и лестничные площадки, потребо-

вала «отклонить с презрением заключенный договор и продолжать стачку до полной победы». Стаечный совет передал эту резолюцию собрания всем бастующим, и, как было сообщено в прессе, большинством в 13 690 голосов против 104 члены нью-йоркского Братства столяров и плотников высказались за продолжение забастовки. «Вслед за этим, — сообщал в своем памфлете Восков, — ...все 18 000 человек получили по циркуляру от царя, то бишь президента Готчисона, что за неподчинение приказу... на основании такой-то мертвой буквы устава — вы, ваши отделы, участковый ваш совет и все ваши учреждения исключены из союза».

Исключение из Братства семидесяти двух «возмутившихся» локалов, писали нью-йоркские газеты, было равносильно эффекту землетрясения. В результате двадцатитысячная армия рабочих оставалась без гарантированной работы, лишалась сейчас и на будущее страховки на случай болезни или нетрудоспособности. Братство теряло все имущество, все акции, кассу со ста тысячами долларов. В деловых кругах, сообщали комментаторы, заключали пари: победит ли бруклинская стружка или бумажная простыня Готчисона и К^о.

— Нас прозвали бруклинской стружкой, — гордо заявил Семен на одном из рабочих митингов, — за этим прозвищем не только мастерство наших рук. Это еще, товарищи, чистота и цельность рабочего человека, это — истинно рабочие принципы. И они победят!

Когда стало известно, что по требованию Готчисона в Нью-Йорк из Филадельфии и Балтимора выслана колонна грузовиков со скэбами, Восков собрал активистов юнионов, пригласил журналистов, адвокатов, провел небольшую пресс-конференцию.

— Кто внес предложение о стачке? — поспешил сорвать эту встречу один из подручных Готчисона. — Вы или кто-нибудь из вашей партии?

— Читайте газеты! — отвел этот выпад Восков. — За стачку — все восемнадцать тысяч столяров и плотников. Чем еще интересуется Готчисон?

— Какую цель, по-вашему, преследует мистер Готчисон?

— Дрессировка! — В зале раздался взрыв смеха. — Совместно с союзом подрядчиков, — а они ассигновали на это святое дело полмиллиона долларов! — наш батюшка-президент взялся дисциплинировать нью-йоркских столяров.

— Вы сами готовы подраться со скэбами, Восков?

— Пост не позволяет. — В вопросе газетчика Семен почувствовал провокацию. — А вот дать бой боссам из юниона по всем правилам рабочей чести — готов!

И все же колонны грузовиков прибыли. Скэбы приступом пытались взять несколько столярных мастерских, фабрик строительных деталей, но стачечные пикеты свои позиции отстояли. Тогда Готчисон призвал на помощь полицию, и группу рабочих активистов бросили в застенки по обвинению в... захвате имущества предпринимателей. Взяли и Воскова — дома, несмотря на его заявление, что со скэбами он не встречался.

Окружное правление юниона, контора товарищества «Новый мир», Федерация Русских отделов социалистической партии потребовали его освобождения. К делу подключились адвокаты. Опасаясь широкой кампании в защиту Воскова и его товарищей, судья вынужден был освободить их. А Семен, выйдя из тюрьмы, прежде всего поинтересовался, принял ли верховный суд штата к рассмотрению дело рабочего союза против тред-юнионистского руководства. Спустя некоторое время адвокат Хилквит вручил окружному правлению «Инджекши» — вердикт суда, по которому шерифу запрещалось вплоть до Всеамериканского съезда юниона столяров проводить конфискацию имущества нью-йоркского Братства... «Мы были спасены врагами рабочего класса от разоре-

ния со стороны наших братьев из профсоюза», — с сарказмом прокомментирует Восков этот вердикт.

Постановление суда вызвало новый окрик из президентского кабинета и новые яростные атаки на бастующих. Но фронтального наступления не получилось: пролетариат Америки протянул братскую руку помощи нью-йоркским «артистам дерева». Восков и его друзья продолжали борьбу.

6 августа 1916 года Семен выступил на трех рабочих собраниях в разных концах города. После третьей речи в мастерских фирмы «Релиэйбл Фурничюр К⁰», где с ним был Володарский, он долго отвечал на вопросы, потом начал спускаться с помоста, почему-то медленно, держась за плечи соседей. Володарский поймал его усталый взгляд, быстро подошел к Семену.

— Восков, голубчик, эст модус ин ребус... Или, для ясности, — всему своя мера. Вас уже забыли дома.

...Наконец-то у него выбрался среди бела дня часок, чтобы повидать детей. Витя и Женечка сидели у него на коленях, а Даня приставил стул, чинно уселся рядом, но голову все время прислонял к отцовскому плечу. Стася посмеивалась:

— Восков, тебе не мало наследников? Столько свободного времени...

В дверь позвонили, застучали. Стася схватила скалку, какой тесто раскатывала, бросилась к дверям. Комнату заполнили столяры — свои, знакомые, тоже исхудавшие, усталые...

— Самуэль! Товарищ Восков! Они сдались! Они согласились на все наши требования!

Стася и дети хлопали в ладоши. А он стоял, сжатый со всех сторон своими товарищами по профессии, по борьбе, по мечтам. Кому-то пожимал руки, кого-то обнимал и наконец крикнул:

— Ура бруклинской стружке!

торая половина тысяча девятьсот шестнадцатого и начало семнадцатого года выдались для Воскова, как он сам говорил, «разъездными». «Мы встречаем его, — писал Альберт Рис Вильямс, — в Эль-Пазо, в Техасе, затем мы видим его в Хартфорде, а потом в Бостоне...» Его полуторачасовая речь в Хартфорде, разоблачавшая отношение социал-шовинистов к войне, была выслушана людьми, запрудившими фабричный двор, с огромным вниманием. Семена буквально забросали вопросами. Е. Я. Волгина, которая распространяла здесь акции «Нового мира», особенно запомнила ответ Воскова на вопрос, чем могут рабочие помочь укреплению интернациональных взглядов на американской почве.

— Мне легче ответить вам примером из русской действительности, — сказал Семен. — Год назад, осенью пятнадцатого года, городское собрание представителей рабочих русской столицы от имени двухсот тысяч питерских пролетариев бросило открытый вызов социал-шовинистам Второго Интернационала и записало: считать принципиально недопустимым участие пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне. Чувствуете? Принципиально недопустимым!

В сентябре 1916 года нью-йоркские рабочие послали Воскова во главе делегации из восьмидесяти пяти человек на Всеамериканский съезд Братства столяров и плотников в штат Техас. Хотя стачку юнион выиграл, но решение центрального совета и президента Готчисона о роспуске и разорении их союза пока оставалось в силе. Окончательное слово было за съездом.

— Ребята, имейте в виду, — говорил своим спутни-

кам Восков,— наш президент показал свои когти, на съезде он покажет зубы. Держитесь смело, рассказывайте все, что мы пережили.

Интуиция его не обманула. Уже на вокзале шериф маленького городка Форт-Уэрт разыскал Воскова в толпе делегатов, сказал:

— Плохо ваше дело, сэр. У меня есть указание не допускать нью-йоркскую делегацию в зал заседаний.

«Почерк» Готчисона чувствовался на каждом шагу. Хозяева отелей отказывались дать номера нью-йоркским столярам. Тогда приезжих разместили у себя местные плотники, обойщики, мебельщики.

— Бык боится красной тряпки, а Готчисон — просто-го столяра! — Восков забрался на фонарь у здания театра, где проходили заседания съезда, и оттуда обращался к проходившим в зал делегатам. — Спросите у него, за сколько монет он залез по уши в грязь стачколомства! Спросите у него, за что он отнял десять центов в день у детей манхаттанских плотников!

Эти «фонарные» речи становились регулярными. Старейший член Братства столяров Томас Дилан сумел пробиться к делегатам в отель и возмущенно заявил:

— Я тридцать лет член юниона: был на многих съездах, но этот — наивеличайшая комедия, какую я только видел. Она превосходит своей постыдностью иные съезды капиталистических партий Америки. Рабочие вы или нет, дьявол вас поberi!

Восемьдесят пять посланцев Нью-Йорка взяли съезд приступом. «Своими речами и разоблачениями гомперсовских продажных молодчиков,— вспоминал один из очевидцев этих баталий,— Восков пробудил активность в членах союза и расшатал власть шайки предателей». В работе съезда произошел перелом. Делегации пяти восточных и северных штатов потребовали объяснений. Готчисон нарисовал ложную картину «бунта против всего строительного союза», но, прижатый к стене, обещал

делегатам представить на их утверждение «примири-тельную» резолюцию. В ней отменялось решение об исключении шестидесяти трех наиболее старых локалов, но содержалось множество издевательских оговорок и условий.

Вернувшись в Нью-Йорк, Семен сразу же собрал в крупнейшем зале города многотысячную армию своих товарищей по стачечной борьбе, рассказал им все, что творилось в Форт-Уэрте. Домой попал к ночи. Стася встретила мужа несколько возбужденно:

— Восков, ты молодец, но я начинаю чувствовать себя рабыней в гареме. Когда я выходила за тебя замуж, что ты мне сказал? «Как это прекрасно, Стася, когда двое людей шагают плечом к плечу в революционном пламени!» Ты и правда в пламени, а я?

Ночной разговор долго не шел у него из головы, но голая события и дел смягчила остроту семейного разлада. Да и Стася остыла, успокоилась, а однажды сказала Семену:

— Спасибо, Восков,— она всегда называла его почему-то по фамилии.— Мне сегодня звонили из клуба эмигрантов, просили взять на себя праздничные вечера для детей. Признайся, твоя затея?

Впрочем, новомирцы считали, что затей у него переизбыток. Теперь он взялся за верховного босса АФТ — президента Самуэля Гомперса.

После опубликования памфлета «Баранья конституция», над которым Володарский и Восков просидели целую ночь и который разоблачал прорвавшийся шовинизм Гомперса, к Семену явился один из доверенных людей президента АФТ. Он передал сожаление «добряды Сэма» в связи с событиями в Братстве столяров, о чем тот якобы узнал только из блестящей статьи Воскова. Не нужна ли помощь Гомперса хорошим парням?

— Помощь? — Восков как бы размышлял вслух, и Стася поняла, что сейчас начнется комедия.— Блестя-

шая идея! Готчисон исключил из союза наши отделы. Давайте сейчас исключим из союза его вместе с его правлением. Бюджет рабочих это не восстановит, зато справедливость победит! Как это вам — по душе?

После долгой паузы парламентар рассмеялся:

— Мне говорили, что Воскова на зуб не раскусить. Будем напрямик, сэр. Мой патрон желал бы видеть вас в своем окружении.

— Это высокая честь, — поднялся из-за стола Восков. — Простой столяр — и вдруг в президентскую закускую. После ухода Готчисона, сэр. Только после Готчисона!

Верхушка американских профсоюзов все с большим беспокойством присматривалась к фигуре Воскова. Его материалы о положении эмигрантов вызвали поток писем и в редакцию «Нового мира», и в секретариат АФТ. 17 января 1917 года была опубликована восковская статья «Жилищный вопрос и рабочие», 31 января — «Неограниченная власть высшего суда в Америке», 9 февраля — «Детский труд в Америке». В этой серии он дал глубокий и точный анализ вторжения плутократии в самые разные сферы жизни и тонко вскрыл механизм «соглашательской кухни» лидеров тред-юнионов.

Когда Восков начал посещать хлопчатобумажные и текстильные фабрики, где особенно широко использовался труд детей эмигрантов, предприниматели наглухо захлопнули перед ним двери проходных. Не помогло ни вмешательство юнионов, ни удостоверение руководителя Федерации Русских отделов. Агенты хозяев и люди Гомперса грудью закрывали ему путь к детям. И все же Восков проник во все цеха, в какие хотел, — проник под чужим именем, в чужой одежде, перемахивал через какие-то заборы, пролезал сквозь какие-то щели. И он привез в редакцию обличительный репортаж о кошмарной судьбе тысяч детей и подростков.

За эти годы борьбы Семен не растерял ни грамма

своего оптимизма, разве что морщинка над переносицей проступила, а еще появилась у него забавная привычка задирать голову кверху и прислушиваться к дальним шумам...

8 февраля 1917 года Восков председательствовал в нью-йоркском Бетховен-холле на массовом интернациональном митинге социал-демократов против войны и империалистической аннексии.

— Юджин Дебс,— сказал он в заключение,— познакомил меня с работой товарища Ленина «Социализм и война». Как рабочий, как социалист, как человек, принимающий ленинскую программу борьбы, наконец, как житель Земли, я полностью подписываюсь под тезисами этой работы. Я — столяр, и я не хочу, чтобы лилась кровь столяров, краснодеревцев, строителей. Я — за мир без аннексий и контрибуций. Но не за мир и наживу для хищников капитала. И потому я за превращение войны империалистической в войну гражданскую, я — за поражение своего правительства в этой грабительской войне. И во имя этого, да простят меня пушечные короли, стоит поработать и подраться.

...Шел 1917 год. В далеком отечестве Воскова назревали события, круто изменившие его судьбу, как и судьбы миллионов людей.

В день, когда на перекрестках нью-йоркских улиц и в подземке продавались газеты со статьей «Баранья конституция», Восков вдруг услышал звонкие крики мальчишек-продавцов: «Революция в России! Революция в России! Свержение Николая Кровавого!»

Приятель увидел его на одной из станций подземной дороги: «Восков летел по перрону возбужденный, сияющий. Заметив, подбежал, ткнул с размаху кулаком с зажатой «Ивнинг Жейнал», крикнул: — Читал?»

Русская эмиграция бурлила. Люди, приговоренные царизмом к ссылке и каторге, осаждали консульские отделы с требованием визы на въезд в Россию. Консулы,

еще прежние царские чиновники, возводили всяческие препятствия на пути этих людей к Родине. Восков и его товарищи решили создать специальный революционный орган для борьбы с российским консульством и заставили чинуш признать свое право представлять русскую политическую эмиграцию.

Семен по-прежнему бывал и в правлении юниона, и в комитете своей Федерации, и в «Новом мире». Глаза его сияли, а сам он жутко исхудал. Одна Стася знала, что он нанялся по ночам настилать паркет: зарабатывал на билет в Россию.

В середине марта его пригласили на собрание к бруклинским столярам. Выступал голубоглазый старик.

— Товарищ Самуэль,— сказал он.— Мы посоветовались и решили просить тебя остаться. Решили наказать правлению за счет нашего фонда платить тебе в два раза больше. Это будет справедливо — ты работаешь для нас в три раза больше.

Подступили непрошеные слезы, он стоял перед этими людьми, с которыми столько всего делил, к которым прикипел, и думал: как им объяснить, что он всегда во сне и наяву видел день, когда ступит на свою российскую землю.

— Товарищи,— сказал он,— да разве океан — помеха дружбе? Товарищи, как я могу... Когда там... в России... революция!

И когда он уж было решил, что их суровое молчание — приговор отвернувшемуся от них, снова выступил тот же столяр:

— Самуэль,— сказал он кротко.— Мы и такой вариант учли. Может, ты и прав. Может, твое место — в революции. Прими от нас деньги на билет. Прими, брат. Не милостыню, а считай — то самое малое, что должны для тебя сделать.

— Спасибо, друзья... братья,— только и сказал он. Стася встретила это известие внешне спокойно.

Лишь глаза засветились ярко, да руки крепко сцепились на спинке стула.

— Стася,— глухо сказал Восков.— Пока есть только один билет на пароход. Но товарищи мне обещали при первой же возможности переправить тебя и детей в Россию. Твердо обещали.

— Восков, тебе ехать надо. И не волнуйся за нас. Долго мы не задержимся. А когда приеду в Россию, тоже с головой окунусь в революцию.

Он уезжал в одной группе с Чудновским, Лихачевым, Накоряковым, Бычковой... Океанский пароход «Христиания фиорд» увозил в Россию первую группу русских политических эмигрантов. На берегу собрались толпы провожающих. Володарский был хмур, сдержанно просил Семена выполнить несколько поручений на родине. Семен объяснил его состояние годом позднее: «Нельзя было снова вдруг оставить газету оборонцам. Все бросили дела... а Володарский, бледный, больной, с утра до вечера почти сам заполняет газету».

— Ну-с,— быстро сказал Володарский,— попрощаемся словами Вергилия. Аудацес фортуна юват! Или...

— Смелым судьба помогает! — засмеялся Восков.— Специально шарил по этим древним изречениям. Для вас одно заготовил: амор омнибус идэм...

— Любовь у всех одна и та же,— светло улыбнулся Володарский.— Россия!

Выступали провожающие и отъезжающие, слово взял Восков:

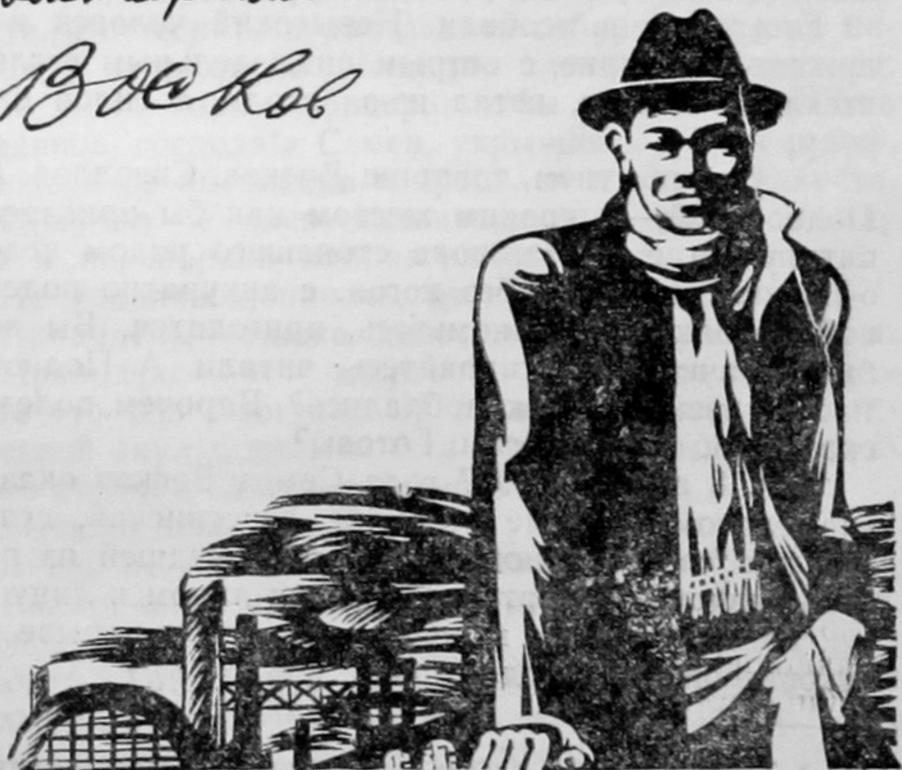
— Я надеюсь,— сказал он,— что наша борьба была не ветром в пустыне... Самые закоснелые умы стали восприимчивее к слову социалистической критики и революционного призыва.

Он порывисто обнял жену и детей и, оттолкнувшись от американской земли, ступил на трап, легко взбежал по нему на палубу. Он торопился. Торопился в Революцию.

Комиссар революционного Петрограда

Нужно усилить Красную
и кооперацию в канале Великой Губе
в нашей шланговой м.с.кооп. Губе
вском творчестве, направить сражение
удовлетворение.

С.В.Ков

и попал в свой дом, в свой мир борьбы, без которых не представлял себе жизнь, но уж очень необычными выглядели и этот революционный дом, и этот революционный мир.

На перроне Финляндского вокзала его окружили тесным кольцом знакомые и незнакомые люди, засыпали вопросами, новостями, прогнозами на будущее, а потом довели до особняка Кшесинской, у фасада которого толпа людей разговаривала, бурлила, смеялась, пела...

Его ввели в особняк. Невысокий человек в черной кожаной тужурке, с острым внимательным взглядом за стеклами пенсне, встал из-за стола, с силой сжал его руку:

— С прибытием, товарищ Восков. Свердлов. А это — Подвойский, — широким жестом как бы пригласил принять участие в разговоре стоявшего рядом человека в офицерском кителе без погон, с аккуратно подстриженной бородкой. — Знакомьтесь, пригодится. Вы ведь любите драчки. Не отпирайтесь, читали. А Подвойский у нас — «военка». Как добрались? Впрочем, полезнее рассказать об этом массам. Готовы?

Так, 8 апреля* 1917 года Семен Восков оказался на знаменитом балконе особняка Кшесинской, ставшем в эти дни своеобразной трибуной вышедшей из подполья большевистской партии. Оказался лицом к лицу с людьми, которые совсем недавно в яростном порыве разбили вековые оковы самодержавия.

* Здесь и далее в главах, относящихся к деятельности Воскова в Сестрорецке и в дни Октябрьского восстания, даты приводятся по старому стилю.

Как поведать им о десяти годах надежд и борьбы русских политических эмигрантов? Как ярче раскрыть перед ними неистовство мировой реакции при одном только упоминании слова «революция»? Как сказать о провокациях антантовских союзников, стремящихся не допустить возвращения в Россию революционеров-интернационалистов, решительных противников империалистической бойни?

Справившись с охватившим его волнением, Семен хрипловато начал говорить. Голос его, поначалу звучащий негромко, все набирал силу, становился звонким. Он рассказал, что проделала с ними в канадском порту Галифакс английская военщина. «Христиания фиорд» пришвартовалась к дебаркадеру ночью, и в ту же минуту на палубу парохода ворвались английские карабинеры и стали оттеснять и расчленять собравшуюся на палубе толпу пассажиров. Нещадно слепили прожектора. Ревел в ночи голос офицера: «Мы ищем только большевиков, господа!» Семен, укрывшись в тени рубки, выскользнул из оцепления и бросился к каюте радиста. Тихо постучал. Увидев появившиеся в щели между дверью и переборкой напряженные глаза, зашептал:

— Не удивляйся, парень, из какого ты города?

— Провиденс,— также шепотом откликнулся радист.

— Провиденс — это здорово! — засмеялся Семен.— Я у вас сто раз выступал. И если ты не сын капиталистической акулы, должен был хоть раз слышать бруклинского столяра Самуэля Воскова.

Произошло невероятное.

— Я вас не слышал, но я о вас знаю, мистер Восков.— Радист шире приоткрыл дверь.— От брата и отца. Они говорили, вас не подкупишь. Что вы хотите?

С борта «Христиании фиорд» полетели радиogramмы в Петроград и Нью-Йорк. «Через несколько дней после их отъезда,— писал в своих воспоминаниях об аресте русских политических эмигрантов Сэн Катаяма,— мы

получили известие, что в порту Галифакс в Канаде их интернировали... тотчас организовали митинг протеста». Куда более хладнокровно встретили это сообщение лидеры меньшевистско-эсеровского Петроградского Совета. Их хватило лишь на то, чтобы с кислой миной обратиться к министру иностранных дел Временного правительства Милюкову с предложением «отправки телеграммы непосредственно заинтересованным политическим эмигрантам». Но мощные голоса протеста из разных стран мира открыли перед политэмигрантами путь на Родину. И вот они здесь, в строю Революции, готовые выполнять ее приказы.

— Нужно усмотреть,— закончил свою речь Восков,— красоту и наслаждение в нашей великой борьбе, в нашем гигантском, можно сказать, титаническом творчестве находить счастье и удовлетворение.

Свердлов своеобразно прокомментировал первое выступление Воскова в Петрограде:

— Не прогнали? Не высмеяли? И это — после десятилетнего отсутствия? В счастливой сорочке вы родились, Семен Петрович.— И легко перешел на «ты».— Будь эти дни с народом, на площадях, на улицах, запоминай, учись, выступай. Про тебя не забудем.

И Свердлов действительно не забыл, вызвал.

— Акклиматизация у тебя мгновенная. Говорят, и ночевал на митингах. Итак, Самуэль Питер Восков, пора продолжать русскую революционную биографию. У ЦК есть для тебя дело. Завтра* поедешь к сестрорецким оружейникам. Станешь у них своим. Сделаешь для них необходимым. Сестрорецк — это оружие. Оружием же деловые люди, а мы считаем себя деловыми людьми, никогда не должны пренебрегать. По рукам, бруклинская стружка?

«А ведь знает про бруклинцев!» — удивился Семен

* Восков прибыл в Сестрорецк 17 апреля 1917 года.

и пожал протянутую ему маленькую, но крепкую ладонь:

— По рукам, Яков Михайлович!

...Ветер шел с залива и накатывал на Сестрорецк валы холодного воздуха. Даже кряжистые, глубоко вцепившиеся в песчаную почву дубочки слегка наклоняли кроны. Семен поднял воротник своего старенького ворсистого пальто, вышел на Дубковское шоссе, остановился у ворот дома, над которым алело полотнище с крупными, казалось, детской рукой выведенными буквами: «Комитет Российской социал-демократической рабочей партии большевиков».

В большевистском райкоме его встретил смуглый подвижной человек. Говорил он не спеша, тщательно подбирая слова. С Вячеславом Зофом*, которого Ленин назвал ценнейшим работником, Воскову предстоит плечом к плечу идти во многих битвах за власть Советов.

Зоф кратко обрисовал обстановку в Сестрорецке. Часом позже в маленьких комнатках райкома Семен уже обучал молодежь «Интернационалу». Плавню дирижируя поочередно то левой, то правой рукой, он запевал низким, но приятным тенорком, а десятки голосов подхватывали. Гимн этот сестроречане еще не знали. Когда в комнатах стало темно, дирижер вывел хор во двор. Теперь, после свержения монархии, вспоминал член райкома Илья Андреев, рабочие готовились встретить свой праздник 1 Мая свободно; Восков научил за ночь 400 большевиков «Интернационалу».

Еще скупно проглядывало из-за облаков солнце, когда массы демонстрантов вылились на улицы Сестрорецка. Меньшевики и эсеры перебежали от одной группы

* В. И. Зоф (1889—1937) — руководитель сестрорецких большевиков в 1917 г., один из организаторов ленинского подполья в Разливе, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны.

к другой, вручали им полотнища с надписями: «Война до полной победы!», «К победе через Учредительное собрание»... Лавочники, обыватели выстроились вдоль заборов, с любопытством наблюдая за этой суетой. И вдруг с Выборгской улицы появилась и двинулась к площади колонна большевиков, вздымая вверх стяги: «Долой империалистическую войну!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует Интернационал!». Сотни голосов выводили торжественную мелодию: «Вставай, проклятем заклейменный...» Песня крепчала, ширилась. Колонна росла, как снежная лавина. Рабочие целыми группами, бросая меньшевистские лозунги, переходили под знамена большевиков.

На трибуну, сколоченную у берега Разлива, один за другим взбирались посланцы соглашательских партий. Словно сговорившись, они начинали с заискивания перед рабочими, а кончали тем, что призывали их поддерживать Временное правительство, всем пожертвовать во имя войны до победного конца...

«Но вот появляется внушительная фигура Воскова, — рассказывал один из участников первомайского митинга. — «Товарищи, — звучит его громкий голос. — Какое великолепие, какая картина!» — Это были его первые слова, а затем полилась его речь, буйная, смелая, предостерегающая от упоения бескровной победой и зовущая на борьбу с буржуазным правительством за пролетарскую революцию».

— Кто этот оратор? — послышалось в толпе.

— Прислан нашим ЦК для помощи в работе, — разъясняли большевики. — Столяр, подпольщик с пятого года.

И, словно почувствовав, что люди хотят узнать, кто он и с чем пришел к ним, Восков взмахнул шляпой и весело сказал:

— Бродил я по многим странам... Кто из русских рабочих побывал в Америке, тот на своей шкуре испы-

тал все прелести американской свободы, где в действительности рабочему предоставлена одна свобода — помирать с голода. То, что нам предлагали сейчас господа эсеры, меньшевики и анархисты, здорово смахивает на такую свободу.

«...Погода резко меняется,— вспоминал большевик Ф. Д. Андреев,— с севера надвигаются черные тучи. Крупными хлопьями падает снег. Праздничная публика расходится. Но рабочие продолжают стоять, осыпаемые снегом.

И большевик Восков продолжает горячую речь...»

После демонстрации его ждали в райкоме. Зоф представил собравшимся Воскова, кратко обрисовал его жизнь, а потом прямо спросил:

— Ты с кем, товарищ Восков, собираешься идти дальше?

— Я уже давно иду с большевиками,— ответил Семен.

— Положено иметь поручителей,— сказал Зоф,— но ты у нас человек новый, и за тебя поручились товарищи из ПК... Партийный билет тебе выпишем, пометим мартом... С того дня, как ты покинул чужбину. С марта и считай себя большевиком Сестрорецкой организации.

— А я скажу так,— выступил вперед средних лет оружейник,— если нужны местные поручители, запишите Емельянова Николая Александровича*, большевика с девятьсот четвертого года. Знаете, товарищи, я у него на ночной спевке был. Кто так сплачивать людей умеет, да еще с трибуны рабочих пронять способен, и не краснобайством, а делом,— надобен нам, и точка.

— Спасибо, товарищи,— сказал Семен.— Значит, усыновили.

* Н. А. Емельянов (1871—1958) — потомственный оружейник, ветеран партии, укрывавший у себя летом 1917 г. В. И. Ленина.

Зоф представил ему ясноглазого юношу, аккуратно одетого, в расшитой косоворотке. Саша Андреев* был лет на семь моложе Семена, но уже успел поработать в подполье, познал тюрьму. Через несколько дней, было это 21 апреля, Саша помог оформить Семена столяром в ложевую мастерскую завода, провел в нее, показал два верстака:

— Левый — мой, правый — ваш. А поживете пока у меня на Гагаринской.

В ложевой мастерской быстро узнали и полюбили нового товарища. Рабочие начали советоваться с Семеном по житейским вопросам, обсуждать события дня. «Помню, молодая работница спросила у него, — рассказывала Е. Я. Волгина (Зорина), направленная работать тоже в Сестрорецк, — выходить ли ей замуж за парня, который посватался. Восков засмеялся: „Когда настоящая любовь — не сомневаются”».

А в один прекрасный день Саша Андреев принес известие, которого Восков ждал с нетерпением:

— Семен Петрович... Свердлов только что звонил в райком. Ваша семья приезжает. Юнион оплатил проезд.

...С радостью он вводил в домик на Гагаринской жену и стайку своей детворы. Стася пытливо заглянула ему в глаза:

— Похудел, скулы выпирают. Скучал? А я договорилась со Стасовой — буду распространять листовки.

Не изменилась, волосы отливают золотом, глаза горят, руки все время в полете. А за ним прибежали: на заводе митинг!

Страсти кипели. Очередной меньшевистский оратор с пеной у рта защищал известную ноту Милюкова союзникам о намерении Временного правительства «довести мировую войну до решительной победы».

* А. А. Андреев — большевик-оружейник, один из первых красногвардейцев, возглавлял Сестрорецкий ревком, по заданию ЦК оформлял документы для укрытия В. И. Ленина.

Напрасно тратил красноречие господин соглашатель. Выступивший следом Восков под возгласы одобрения назвал милюковское послание «погребальной нотой временщикам».

Победу на этом митинге одержали большевики. На этом и на многих других...

22 апреля 4500 сестроречан проголосовали за переход власти к Советам.

3 мая, в день перевыборов в Петроградский Совет, Сестрорецкая большевистская организация добилась подавляющего большинства голосов в пользу кандидатов своего списка. Восков прошел по мастерским, поздравил товарищей с победой. И в этот же день успел выступить на общезаводском собрании, произнес разгромную речь о проекте Временного правительства. Шеститысячное собрание сестроречан, сообщала «Правда», единодушно отвергло «Заем свободы» и предложило обложить налогом капитал.

6 мая по Сестрорецку прошла мощная демонстрация под лозунгом «Долой министров-капиталистов!». В первом ряду шел Восков. На плече он нес младшего сына, старший шагал рядом с отцом. И вновь Семен выступал на берегу залива, громил временщиков, соглашателей, призывал к сплочению сил пролетариата.

10 мая оружейники избирают Воскова в районный Совет.

22 мая на профсоюзных выборах побеждает большевистский список кандидатов, председателем первого большевистского завкома становится Семен Восков.

...Зофу позвонил Свердлов, поинтересовался делами, спросил:

— Как там наш бруклинский соратник? Что решает?

Зоф пояснил:

— Восков поставил вопрос о восстановлении производства, а затем об улучшении питания детей рабочих.

Он сказал: «Дети — это будущее революции, а трехлинейки — ее настоящее».

И потому, что его собеседник никак не откликнулся, Зоф добавил:

— Вооружаем Красную гвардию, ревком, и питерцам не отказываем.— Пауза затянулась.— В ГАУ винтовок попадает не столь уж много.— На другом конце провода молчали, и Зоф высказался до конца.— Восков считает, что самое время учить людей управлять производством, чтобы не задушила разруха. Двигать революцию — значит осуществлять самочинно рабочее самоуправление. Говорит, от вас это услышал.

— Было дело под Полтавой,— наконец отозвался Свердлов.— Признаюсь, я сам это услышал от Ленина. Итак, дети и трехлинейки? А знаешь, товарищ Зоф, кажется, не промахнулись оружейники с выбором.

КЛЮЧ У ТОВАРИЩА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Полковник артиллерии Шебунин, назначенный после изгнания царских администраторов начальником завода, был более демократичен, но беспорядка не переносил. Вызванный в завком, явился с ворохом докладных.

— Выпуск продукции из месяца в месяц снижается. Ваши рабочие больше митингуют и пьют, чем работают.

Люди зашумели. Восков поднятой вверх ладонью остановил их:

— Зря, полковник... Наши митинги — не картина «Охотники на привале». После веков крепостничества и самодержавия человек о себе заявляет. А порядок наведем. Передайте нам ключи от кладовой со спиртом.

Начальник завода вскипел:

— Может, и от оружейных складов?

— Со временем.— Скулы у Воскова заходили.— Революционный порядок на производстве будет наводить завком. А теперь ответьте, что делают ваши служащие. Через неделю мы заслушаем здесь, в этой комнате, ваши предложения и расчеты по налаживанию производства.

В майские дни 1917 года схожими дискуссиями была охвачена вся Россия. Когда в Апрельских тезисах Ленина непреклонно прозвучало требование рабочего контроля за общественным производством и распределением продуктов, Временное правительство все продолжало барахтаться в безуспешных попытках оградить от народного шквала интересы заводчиков. Хищный оскал капитала неприкрыто глянул с правительственного закона от 23 апреля, который исключал участие фабзавкомов в решении производственных вопросов.

Чем же фабзавкомы, детище революции, так напугали правительства князя Львова и его преемника Керенского, что они готовы были задушить их циркулярами, провокаторами, войсками? Эти выборные комитеты, как отмечает летопись нашей партии,— «яркое свидетельство высокой политической сознательности российского пролетариата». Создаваемые явочным порядком для борьбы против капитала, который пытался удушить революцию разрухой, голодом, закрытием предприятий, фабрично-заводские комитеты принимали меры для ослабления разрухи, осуществляли демократические преобразования. Например, рабочие Сестрорецкого оружейного завода, сообщается в Истории КПСС, дали избранному ими завкому наказ — пустить завод, остановившийся в результате действий старой администрации.

Для Воскова и его товарищей по завкому — большевиков Никитина, Павлова, Бушуева, Афанасьева — наступили трудные дни. О многом говорят уже сами на-

звания образованных комиссий завкома: хозяйственная, конфликтная, расценочная. К какому делу ни подступись — изобретай сам. Как распределять продовольствие? На какие средства построить детский приют? Время было голодное, писали очевидцы тех дней, массы бурлят, волнуются, обвиняют; неизменно председательствующий на заводских собраниях «Восков мощным голосом призывает людей к порядку, убедительная речь и голос «гипнотизируют» массу, она утихает, и собрание принимает деловой характер».

Из столицы пришло сообщение о необходимости выделить двух делегатов для участия в 1-й конференции фабзавкомов Петрограда и окрестностей. Готовились к конференции и меньшевики, анархисты, спешно продвигавшие своих кандидатов.

Зоф созвал членов райкома, пригласил большевистскую группу завкома оружейников, обрисовал обстановку.

— Борьба за то, кому направлять фабзавкомы, — заключил он, — кому направлять самые массовые организации рабочих, может перерасти в дальнейшем в борьбу за власть. Предлагаю распределиться по мастерским. И развернуть агитацию.

Емельянов, Зоф, Восков, Андреев, члены райкома в эти дни почти не выходили из мастерских завода, вступали в беспощадные дискуссии с меньшевиками. Зоф прижал соглашателей к стене:

— Медоточивые ваши речи — по боку! Рабочие хотят знать, какую роль фабзавкомам вы отводите.

— Роль умных помощников умного правительства, — быстро ответил меньшевистский лидер.

Взял слово Восков:

— Значит, кто бы ни пробрался в правительство — карточные шулера, купцы или финансовые тузы — нам уготовано быть их правой рукой. А это видите? — сложил пальцы в кукиш и протянул в сторону меньшеви-

ков.— Рабочие не вручат шулерам ключи от производства.

На 1-ю Петроградскую конференцию фабзавкомов оружейники избрали большевиков Зофа и Воскова.

31 мая. Посланцы рабочих уже второй день в Таврическом дворце. Соглашатели выставили свой «козырь» — ветерана социал-демократии Авилова. Семену показалось знакомым его лицо — узкое, слегка уширенное книзу. И вдруг всплыло в памяти: девятьсот пятый год, Харьков, этот человек размахивает с трибуны пистолетом, взывает: «Прогнившая монархия! Взорвем!» Но что же он говорит сейчас? «Разруха... следствие войны... анархии капитала...» И вдруг: «Спасение в контроле государства...» Невероятно, уважаемый! То вы понимаете крах правления министров-капиталистов, то снова готовы доверить им Россию?!

Вторит Авилову и министр труда Скобелев: «У революции разные этапы... Ныне — буржуазный... Только Временное правительство способно проводить контроль над промышленностью...»

Словно сговорились!

Восков и Зоф, обсуждая в перерыве резолюцию Авилова, спускаются из зала по лесенке. На площадке — Свердлов (он председательствует на конференции) и Ленин.

— Товарищ Авилов,— с сарказмом произносит Владимир Ильич,— забывает классовую точку зрения... Не смешно ли против «хищничества капиталистов» апеллировать,— неуловимый нажим в голосе,— к государству капиталистов?.. Этому государству сдать дело борьбы с хищничеством капиталистов — значит бросить шуку в реку.

...Когда слово было предоставлено лидеру большевиков, в зале возник и стал нарастать грохот аплодисментов. Словно защищаясь от этого шума, который мешал сейчас сосредоточиться на очень важной мысли, Ленин,

взойдя на трибуну, легонько поднял руку с зажатými в ней записями, и во дворец медленно вошла тишина. И, словно бы откликаясь на невысказанную просьбу оратора, делегаты развернули проект розданной им большевистской резолюции, в которую человек, стоящий сейчас на трибуне, вложил свои душевные чувства и мысли, выношенные, может быть, не вчера, не позавчера, а давно, тогда, когда зарождалась и зрела в нем идея народного государства, рабоче-крестьянского государства, когда он увидел рабочего человека творцом и властелином всех богатств страны.

Делегатам нарисована точная картина расстройтва хозяйственной жизни в России. В чем же спасение? Ленин в «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой» не без иронии цитирует некоторых ораторов. Может быть, в создании учреждений с преобладанием капиталистов и чиновников? Может быть, в сохранении охраны прибылей капиталистов? Нет, нет... «Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов».

Ленин поворачивается вполоборота к ложе, где сидят лидеры меньшевиков.

— Теперь все много говорят о контроле,— делегаты знают, кому готовится удар... — Но посредством этого общего слова «контроль» его фактически хотят свести на нет.

Гул голосов. Авилов вскакивает с места, хочет крикнуть, возразить, но соседи его заставляют усесться. Ленин продолжает:

— Резолюция Авилова, начавшая с того, что обещала дать все, закончила тем, что в сущности все предлагает оставить по-старому. Во всей его резолюции, — досадливый взмах рукой, — нет ни тени революционности.

Зал реагирует бурно, шумно, всплесками.

— Чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть,— голос оратора усиливается,— рабочим контролем...

Владимир Ильич собирает записи, весело смотрит в зал.

— Добивайтесь, товарищи рабочие, действительного контроля, а не фиктивного...

573 делегата отдают свои голоса ленинской резолюции, и только 13 голосуют за меньшевистскую трактовку «контроля». Итак — вотум недоверия Временному правительству!

Восков чувствовал себя как на празднике. Сражение, происходившее здесь,— его стихия. Азартно толкуя с рабочими Патронного завода у одного из громадных окон бокового вестибюля, он не заметил подошедших людей. И тут его окликнул Свердлов:

— Прибереги жар для Сестрорецка, Семен Петрович.— Обратился к стоявшему рядом Ленину.— Владимир Ильич, это и есть товарищ Восков.

— Наслышан, наслышан.— Ленин крепко пожал руку Семену.— Ваши впечатления о сестрорецких рабочих? У вас есть возможность сравнивать. Как вы оцениваете их революционные качества?

— Очень высоко, Владимир Ильич. С ними можно идти до конца.

— Рад, очень рад. А скажите, товарищ Восков, по вашему мнению, рабочие Сестрорецка разберутся в двух точках зрения на контроль за производством?

— Отлично разберутся, Владимир Ильич. Они жизнью научены. И мы им всячески поможем в этом.

— Жизнью научены? Так, так.— Ленин на короткое время задумался.— Яков Михайлович говорил, что вы довольно остро поставили у себя в завкоме вопрос о производстве винтовок. Не собираемся ли мы таким образом поддержать оборонческие позиции коалиционного правительства?

— Трехлинеечки для другой надобности,— отозвался Восков.

— Так, для другой, стало быть? — Из глаз Ленина заструился смех.— А эту другую надобность понимают все ваши товарищи? Можете ли вы уверить нас, что в случае такой надобности мы, большевики, сумеем опереться на фабзавкомы?

Восков посмотрел на Свердлова в поисках поддержки.

— Нет, нет, я не Якова Михайловича спрашиваю,— и опять глаза Ленина смеялись,— я спрашиваю председателя фабзавкома Воскова.

Семен широко улыбнулся.

— С вами легче делать прогнозы, Владимир Ильич. Лично я верю в революционную стойкость фабзавкомов.

— С такой определенностью руководить проще,— засмеялся Ленин, увлекая за собой Свердлова, и уже издали громко сказал:

— Значит, стоило, товарищи, вступить в сражение за фабзавкомы и рабочий контроль!

И Восков, вместе с сестрорецкими большевиками, продолжал это сражение — теперь уже у себя на заводе. Трижды он заставлял инженеров и учетчиков переделывать расчеты, добиваясь увеличения выпуска винтовок. Его помощники по завкому поначалу получили негласный доступ к оружейным складам, а по мере нарастания революционных событий по существу взяли их под свой контроль. Винтовки и патроны из заводских магазинов, а то и прямо из мастерских шли на вооружение Красной гвардии. Еще до июльских дней получил 5 тысяч винтовок Выборгский район, вывезли трехлинейки рабочие Шлиссельбурга, Симбирска, Гельсингфорса, путиловцы, кронштадтские моряки... Вооружались и сами сестроречане. Главное артиллерийское управление гнало в Сестрорецк ревизоров, направляло военному министру одно паническое донесение за другим.

Заседания завкома Семен вел легко, свободно, умел выслушивать товарищей, но когда кто-нибудь, вспомнил Андреев, начинал толочь воду в ступе, обрывал его:

— У нас в повестке дня что? — подкусил он одиждды затесавшегося в завком анархиста. — Как поднять дисциплину. А вы что предлагаете обсудить, товарищ? Не разрешить ли нам на началах революционной сверхсвободы выломать все доски в заборе и по винтикам вынести завод на черный рынок?

И — строго:

— Предлагаю ребят из ревкома послать на квартиры к подозрительным лицам и мародерам и поискать у них инструменты и детали, вынесенные из мастерских.

— Нарушение прав народа?! — взвился анархист.

— Народ с несколькими жуликами не путать! — обрезал Семен.

И послали ревкомовцев. «Урожай» был богатый: наборы лекал, фрезы, тисочки, детали из ценных сортов стали...

А ключи от кладовой со спиртом завком действительно держал у себя. В очередной раз встретившись с Шебуниным, Семен при всех спросил:

— Ну как, полковник, не похищают больше спирт из механической мастерской? Может, вернуть ключики?

— Держите у себя, — при общем смехе пробурчал Шебунин.

Немного позже Шебунин откровенно напишет: «За последние три месяца я ясно увидел, насколько может быть велика и сильна работа русского рабочего».

...Поздним вечером Восков сидел в завкоме, окруженный женщинами, и обсуждал с ними, где изыскать деньги на оборудование родильного дома. В дверях появился Саша Андреев.

— Станислава Яновна в Питер укатила, вызвали ее. А детишки ваши третий день уже без молока сидят. Вы бы распорядились...

Женщины стихли. Семен встал, потер голову.

— Не одни восковские дети без молока.— На лицо его вдруг набежала лукавая улыбка.— А кто у нас в ревкоме? Не ты, Андреев? Ну так подбери группу надежных, безукоризненно честных ребят, установи дежурство во всех лавках: все лучшее — детишкам. И пошуруй-ка с братвой по закоромам торгашей и спекулянтов. Не смотри на меня, будто я взломщик, Саша. То, что мы начали, продолжать будут дети, и у них должно быть, черт возьми, молоко.

УСЫНОВЛЕН СЕСТРОРЕЦКОМ

Станислава сняла со шкафа большой чемодан.

— Везу литературу в глубинку губернии.

— Что ж, поезжай.— Семен подсел к детворе.— Попрошу Сашу Андреева или его невесту присмотреть за малышкой.

— А что потом будем делать, товарищ председатель? — мягко спросила Станислава.— Я — мать, жена, я жизнь готова положить за всех вас, четверых.— Он вдруг подметил слезинку на ее щеке.— И две жизни — за революцию.

— Понимаю, Стася.— Улыбнулся.— Мы из одного теста. Надо только помнить, что дети — наше завтра.

У проходной Воскова поджидал полковник Шебунин.

— Господин председатель,— чопорно заявил он.— Мне доложили, что отныне мои приказы не будут выполняться без визирования вами. Решительно протестую.

— Сейчас протестовать модно,— улыбнулся Вос-

лоз.— Но во имя чего? Если мы будем согласовывать приказы, кому-то покажется, что ущемлено чье-то тщеславие. Зато мы добьемся, — сжал пальцы в кулак, — единства труда начальника, инженера и рабочего, сознательной дисциплины и исполнительности.

Шебунин снял фуражку, утер платком взмокший лоб.

— Кто вас, большевиков, обучал ораторствовать? — Задумался, кивнул: — Адъютант будет передавать вам мои распоряжения.

— Вот и отлично. Посылаем ребят за сырьем — визируйте бумаги.

У путиловцев довольно быстро обнаружили 58 пудов инструментальной стали, в петроградском трампарке — 20 тысяч пудов стали для взрывателей.

— Легкая у вас рука, — сказал Шебунин, — но без угля и нефти весь этот металл ни к чему.

И завком решил командировать в Донбасс своего председателя.

Несколько дней перед отъездом почти все время Семена поглощали маленькие сестроречане. Он изобретал всевозможные способы, чтобы обеспечить многодетные семьи молочными продуктами. Лично следил, чтобы конфискованные у спекулянтов крупы, сахар, какао поступали в фонд больницы комиссии завкома для распределения среди детей и подростков со слабым здоровьем. Когда детскому приюту понадобилась мебель, вспоминал один из воспитателей, а завком был перегружен «и на нас не обращали внимания... пришла мысль обратиться к Семену Петровичу, и он в несколько минут, не прерывая других занятий, разрешил наше ходатайство». Разрешил, но как? Пошел к друзьям по столярке, набросал эскиз детских столиков и стуликов, увлек столяров, а один комплект сам изготовил.

...В Петербургском комитете партии его снабдили полномочиями, приехал Свердлов, поинтересовался:

— На кого завод оставляешь, Семен Петрович?

— Десять большевиков в завкоме,— гордо ответил Восков.— Сила?

Его хорошо встретили в Юзовке, познакомили с несколькими председателями крупных шахткомов. Один из них прочитал бумаги Воскова, голову набок склонил:

— Спочатку з шахтарями порозмовляй про революцію, Петроград и про вугольок, коли тобі треба...

И Семен выступал в рабочих поселках, спускался в забой.

Донбасс отгрузил ему эшелон угля. «29 июня 1917 года,— сообщалось в журнале «История СССР» за 1957 год,— в Донбасс для принятия мер к отгрузке угля завком командировал С. П. Воскова. На юге России он занимался также закупкой нефти».

Но нефть ему помогали добывать уже екатеринославцы. С каким-то трепетным чувством возвращался он в город своей революционной юности. Все на месте: домишки, которые казались такими игрушечными с опушки Монастырского леса, вереница ветряных мельниц, нехотя ворочавших огромными крыльями...

В большевистском комитете этого главного города Приднепровья и Донецкого бассейна Воскову посоветовали навестить бывшего губернатора Чернявского: «Все знает, но трус. Поймаете его на малейшей осведомленности — и адресок у вас».

Восков пришел к нему домой. Назвался представителем ГАУ, но все время ловил на себе настороженные взгляды седеющего холеного барина. Заговорил по-английски. Хозяин размяк. Восков посетовал на то, что питерские большевики перехватывают у коалиционного правительства прибывающие грузы.

— Шалишь,— осклабился Чернявский,— мои платформочки за Ксеньевкой, большевички не нащупают...

...В Сестрорецк уже прибыли телеграммы, что топли-

во в пути. Воскова встречали Зоф, Бушуев, Никитин, Андреев.

— Одарил ты Сестрорецк щедро,— сказал Зоф.

— Усыновленный сестроречанин я или кто? — отшутился Семен. — Почему о детях молчишь, Саша? Здоровы?

— Восковской породы, — засмеялся Андреев. — Теперь их любимая игра — «Рабочий контроль».

НЕРАЗГАДАНЫЙ МАНЕВР

Июльские дни были тревожными и насыщенными событиями. Уже в канун демонстрации сестрорецкая Красная гвардия заняла телефонную станцию, вокзал, а после трагических известий из Питера усилила охрану зданий, железнодорожных переездов, мостов. 5 июля сестроречане потребовали передачи всей власти Советам и гневно заклеили вылазки контрреволюции: «...мы готовы поддержать эти требования всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами». Весь день завод стоял.

К ночи в Петербургский комитет был вызван Зоф, наутро он вернулся.

— Контрреволюция бесчинствует.— Зофа словно подменили, он говорил быстро, порой лихорадочно.— На рабочих окраинах повальные обыски.— Глубоко вздохнул.— Партия меняет тактику, Семен. С сегодняшними «Советами» нам не по пути. А теперь наматывай на ус... Забастовку прекращаем, никаких поводов для провокаций, отряды Красной гвардии с караулов сними...

Обстановка накалялась с каждым часом. Словно по команде, в кадетских и черносотенных листках появи-

лись клеветнические заметки о «ночных заговорах» и «мятеже» в «Сестрорецкой республике». Вечером 10 июля дежуривший на телефонной станции красногвардеец прибежал в большевистский райком: ему удалось подслушать разговор — Керенский выслал карательный отряд для разоружения сестроречан.

Большевики приняли решение немедленно укрыть оружие, а часом позже Воскова перехватил на заводском дворе Николай Александрович Емельянов и попросил ненадолго зайти на чашечку чая. «Большая дружба связывала... Воскова и Емельянова,— отмечают биографы последнего.— Бывал Семен Петрович и дома у Емельянова. Частенько к ним присоединялся и Зоф». Так что ничего удивительного в приглашении Емельянова не было, если б не в такое время...

— И товарищ Зоф будет,— многозначительно добавил Емельянов.

...— Что за конспирация, Вячеслав Иванович? — спросил Семен, входя в дом.

— Я хотел бы узнать план действий завкома на завтра.

Восков сел, достал свой блокнотик, заглянул в него.

— Отчет расценочной комиссии... К приезду карателей оружия уже не будет, ультиматум им завернем назад.

Зоф заходил по комнате.

— Назад не завернем... Примите любой ультиматум.

— Любой? — Восков вспылил.— Позволить унижать рабочих было бы и не по-большевистски, и не по-мужски!

— А вызвать на себя огонь контрреволюции — это будет по-мужски? — отпарировал Зоф.— А дать повод Временному правительству пригнать солдатские полки с фронта на удушение «немецких шпионов» — это будет по-большевистски? А создать у масс настроение, что

решительный час пробил, хотя партия придерживается сейчас другой тактики,— это будет по-каковски?

Зоф добавил то, что ему сообщили на днях в ЦК партии и что, может быть, в тот самый час, когда они беседовали, Ленин излагал в статье «Политическое положение»: «...никаких иллюзий мирного пути больше, никаких разрозненных действий, не поддаваться *теперь* провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию...».

— И учти для себя, Семен,— заключил Зоф.— ЦК не заинтересован привлекать к Сестрорецку внимание контрреволюции.

— Объясни толком, Вячек. У ЦК особые виды на Сестрорецк? Или это как-то связано с развернувшейся травлей Ленина и вызовом его в суд?

— Я сказал все, что знаю, Семен,— сухо ответил Зоф.

...Нет, Зоф сказал не все. Он знал, что в чердачном помещении сарая Емельянова сутки назад был надежно укрыт вождь русской революции. Но знать об этом должны были всего несколько человек. А в отношении Воскова Зоф вправе был рассчитывать на его политическое чутье, интуицию. И он не ошибся. Мы увидим это из дальнейших действий председателя завкома, мы почувствуем это в словах сестроречан-большевиков И. Д. Андреева и Л. И. Шушпанова, которые связывают гибкую дипломатическую тактику Воскова в переговорах с карателями на протяжении всего дня 11 июля с организацией поблизости ленинского подполья.

...Но пока только ночь на одиннадцатое. Восков собирает работников завкома, потомственных оружейников, товарищей по партии. Тактика предельно ясна:

— Отказаться от сопротивления.. Во всяком случае — явного. Предупредить провокацию. Нужен большой маневр.

Семен отдает красногвардейцам распоряжение незаметно собрать хранящееся по домам рабочих оружие и переправить его на другой берег Разлива. Ночная операция прошла успешно. Винтовки, патроны, даже пишущую машинку и гектограф — все, что собрали за эти месяцы, — закопали в саду генеральской дачи. Небольшую часть винтовок укрыли в бывших полицейских бараках на Угольном острове. По этим адресам каратели не сунутся.

Под утро Семен вошел в завком весь взмокший, сапоги в тине, руки измазаны землей. По лицам людей понял: разногласия!

— Тут есть двое товарищей... социалистов-революционеров, — неловко пояснил Павлов. — Считают, бой надо принять...

В комнате водворилось чугунное молчание. Восков удивился:

— Бой?.. Можно и бой. Только что же вы, граждане эсеры, этот бой на улицах Питера не вели четвертого июля? Когда еще один гражданин эсер, по фамилии Керенский, по должности военный министр, бросил пулеметчиков на демонстрантов.

— Неравные силы были, — пробормотал один из эсеров.

— Эту сказку вы оставьте для бабушки, — отрезал Восков. — Кто давно не видел на мостовых рабочей крови — голосуйте за драчку. Только потом выйдите к вдовам и прямо им скажите, за что руку кверху тянули.

Секретарь завкома А. Логинов искренне восхищался тем, как Восков «силой своего авторитета заставил партийный и профсоюзный актив провести разъяснения по всем мастерским», подготовить массы к выдержанному поведению в обстановке провокаций.

...Штабс-капитан Гвоздев, один из любимцев Керенского, подражавший своему патрону в театральных по-

зак в высокопарной манере речи, с ротой гвардейского Финляндского полка, усиленной бронеавтомобилями, прибыл в Белоостров в ночь на 11 июля. Получив в подкрепление казачью сотню, штабс-капитан ровно в шесть часов утра окружил сводным отрядом Сестрорецкий завод, заводской клуб, помещение Красной гвардии, комиссариат милиции, отдал распоряжение произвести обыски, установить, где пребывают активисты, и одновременно предъявил ультиматум о немедленной сдаче рабочими всего оружия. Как утверждал в своем рапорте Гвоздев, он якобы даже присутствовал на заседании при обсуждении его требований, и каково же было удивление штабс-капитана, когда за восемь часов до истечения срока ультиматума завком дал «полное согласие» на выдачу оружия.

Маневр совершался по всем правилам. Карателям был передан «Протокол № 37» по итогам ночного заседания завкома, когда Восков укрывал оружие, и утреннего. Протокол был насыщен «успокоительными» фразами: «Постановили: ...Представители всех мастерских и политических организаций С. О. З. призывают всех граждан г. Сестрорецка немедленно передать все оружие... представителям Временного правительства... заявляем, что не видим никаких поводов для арестов... За председателя А. Павлов. Секретарь А. Логинов».

Еще не оповещенные об этой «капитуляции» офицеры, юнкера, казаки продолжали бесчинствовать, врывать в дома рабочих. Восков с членами большевистской группы завкома в это время обходил мастерские, охлаждал горячие головы.

«Являясь центральной фигурой по ведению переговоров с начальником отряда,— вспоминал один из его товарищей,— Восков умело настоял на том, чтобы прекратить обыск у рабочих по изъятию оружия, обусловил добровольную его сдачу специально созданной для этого паритетной комиссии...»

Прибыл связной от Зофа, подтвердил прежние указания. Начался второй акт тактической игры. К крыльцу дома, выходящего на площадь Свободы, подходили люди, бросали на землю старые дробовики, берданки, охотничьи ножи... «Я помню, с какой серьезностью,— писал А. Логинов,— относился к подробной записи каждого принесенного ружья в свою ведомость сидевший рядом со мной молодой юнкер... Он и не подозревал, что здесь происходит комедия, облаченная в серьезную форму».

Вряд ли груды старого оружия Гвоздев мог посчитать за все запасы сестроречан, и он утолил свое самолюбие, приказав перед отъездом отряда арестовать группу рабочих активистов. Взяли Илью Андреева, Александра Никитина, Казимира Киршанского, Сергея Зорина... И конечно же, Семена Воскова. Произошло это на заводском дворе. Рабочие заволновались, толпою сгрудились вокруг своих вожаков, готовые броситься на карателей. «Бей офицерье, братва!» — Это сорвались анархисты. Настал тот страшный момент, которого больше всего боялись большевики. Вот уже Гвоздев высоким голосом командует: «Винтовки на изготовку! К бою — товсь!» И тут Восков вырывается из рук конвоиров, вспрыгивает на платформу бронемашины и весело кричит:

— Одну минуту, капитан!

Рабочие замерли: говорит их любимый оратор.

— Не хочется, капитан, чтобы вы зря трудились! — продолжает тем же бесшабашно-беспечным тоном Восков.— Все наличное оружие мы вам исправно сдали.

«А своих? — лихорадочно диктует мысль.— Как успокоить своих? Ведь вот сейчас начнут сажать арестованных в машины, и все может случиться. Как напомнить еще раз: не здесь и не сейчас решающий бой, к которому готовят нас Ленин, партия!.. Думай, Восков! Думай...» И вдруг озарило! Да, они знают, хорошо зна-

ют этот его характерный жест — выброшенная вперед рука с растопыренными пальцами. Рука рабочего, создающая мир, сокрушающая рабство. Сколько раз говорил он: наше счастье, товарищи, в наших руках!

— Так что вы обезоружили нас, капитан! — звонко и весело крикнул Семен, резко вытянув вперед правую руку, и раньше почувствовал, чем услышал, как по рядам рабочих прокатился смешок... На лицах появились улыбки.

Выиграл!

Машины стремительно выезжали из заводских ворот.

...По требованию большевиков в Сестрорецк был командирован член ВЦИК, он расследовал обстоятельства ареста рабочих активистов и заявил протест Временному правительству. Керенский вынужден был отдать распоряжение об освобождении арестованных.

Воскова встретили дома цветами. Стася светилась радостью, торжествовала:

— Мне все рассказали, Восков. Ты вел себя по-рыцарски. Сегодня у нас семейный вечер...

— Прекрасно.— Он виновато улыбнулся.— Сейчас на четверть часика схожу в завком — отчитаюсь и сразу же — домой.

БАРЖА С ГРАНАТАМИ

ебунин стоял в завкоме вытянувшийся, будто парад принимал, злой, несговорчивый, и упорно повторял одну и ту же песню:

— Господа, ситуация беспрецедентная... Ваши люди захватили в магазине около трех тысяч винтовок...

В заготовленном им рапорте в Главное артиллерийское управление сообщалось, что в связи с выступлением генерала Корнилова завком изъял из магазина и мастерских и отправил для подавления заговора в Петроград 2668 винтовок, 115 800 патронов, пулеметы.

— Убыль вы подсчитываете точно, полковник Шебунин,— Восков постарался не очень задеть самолюбие человека, пытавшегося разобраться в обстановке,— но причины ее ищите по верхам. После капитуляции Керенского и его министров перед Корниловым нам ясно, что правительства у нас нет и выполнять все его циркуляры, простите, просто нелепо.

В дверях появился Володарский. Восков указал ему рукой на свободный стул, хотел было представить агитатора ПК, но тут внимание его отвлек лидер сестрорецких меньшевиков Краковский. Провалившийся при выборах на пост председателя завкома, он сейчас яростно защищал «диктатуру Пяти».

— Безумцы призывают к насилию! — нервно захохотал Краковский, подбежал к окну, распахнул легкие створки и театральным жестом показал на марширующих красногвардейцев.— Уж не эти ли люди в драных ватниках и дырявых сапогах разобьют обученные войска?

— Эти люди, господин Краковский,— спокойно сказал Восков,— в девятьсот пятом встали на баррикады и потрясли монархию, а полгода назад сбросили Николая Кровавого. И именно они, голодные, оборванные, ничего не имеющие, кроме мечты о счастье, построят новую жизнь. Вы будете смотреть на них из окна,— яростно повторил он,— а они построят новую жизнь.

Володарский, неожиданно повернув к Краковскому ботинок подошвой кверху, печально сказал:

— Где же мне драться за дело пролетариата, коли у меня дыра в подметках?

Раздался веселый смех. Краковский пытался объяснить, что, дескать, хочет уберечь пролетариат от разгрома, но Володарский уже перехватил инициативу:

— Господа краковские не знают характера рабочего класса. Мы разденем буржуазию до нитки, догола, но свою боевую пролетарскую армию оденем.

Люди зааплодировали. Краковский вылетел из завкома пулей. Шebuнин невесело усмехнулся:

— Н-да... С такими союзниками Керенский далеко не уйдет. Возможно, вы и правы... Но для вашей же пользы, господа, прошу вас быть аккуратнее. Взять эту историю с баржой. Начальник ГАУ позволил при всех обратиться ко мне весьма нелестно: «Господин полковник гранатометания...» Неловко получилось, — закончил он при взрыве смеха.

— Получилось, напротив, весьма ловко, — объяснял Восков Володарскому, провожая его по мастерским завода. — На берегу залива наши обнаружили старую баржу с камнями. Камни выбросили, днище залатали, а баржу набили гранатами и из-под носа эмисаров Керенского отправили питерским красногвардейцам для подавления корниловского мятежа.

— Что-то я слышал об этом от Подвойского.

Они оба тогда еще не знали, что Подвойский рассказал об этой операции сестрорецких рабочих Ленину и что, как писал позднее руководитель «военки», «в этом факте открылся для Ленина один из самых верных, реальных, безотказных источников массового вооружения пролетариата...»

Десятки людей из разных цехов останавливали Воскова. Вопросы ему задавали порой самые неожиданные. Инженер Коновалов, показав масленку со штампом «С. О. З.» и выдавленным изображением двуглавого орла, спросил, выдавливать ли и дальше так. Восков полез в карман, достал блокнотик, быстро набросал ободок, надписал по овалу «Пролетарии всех стран,

соединяйтесь!»... и вложил свой эскиз в руку инженера.

— Сестрорецк вас признал,— прощаясь, сказал Володарский.— Доверие рабочих коллективов к посланцам большевиков особенно важно сейчас, после Шестого съезда.

— Где же мы снова встретимся? — спросил Восков, пожимая руку друга.

— Кто знает, на каком-нибудь митинге или на баррикаде.— Володарский вдруг совершенно по-детски фыркнул.— Как это у древних? Тertiум нон датур — третьего не дано...

В эти ранние дни осени Воскову пришлось особенно много разъезжать. Дискутировать, выступать на митингах, отстаивать большевистские позиции. «Даже политические противники,— писал очевидец,— признают его превосходство...»

К поистине неохватному кругу дел его неугомонная натура добавила еще одну заботу. Он стал первым гидом и добрым товарищем многих прогрессивных иностранных журналистов, приехавших в Россию, чтобы увидеть все своими глазами. «...Можно с уверенностью сказать,— вспоминал Альберт Вильямс,— что по крайней мере около десяти различных корреспондентов, которые по возвращении в Америку правдиво информировали американский рабочий класс о русской революции, были из тех, кто входил в общение с тов. Восковым. Джон Рид был одним из них».

С Ридом они встретились на Литейном, в «военке». Внешне они чем-то напоминали друг друга — оба круглолицые, крепкие, жизнерадостные. Рид сразу признал давнего знакомца.

— Самуэль Восков... Битва с церковными крысами. Мэдисон-сквер. Превосходная стачка столяров. Позднее я потерял вас из виду...

В памяти Вильямса сохранился разговор с группой

большевиков, среди которых был и Восков. «Я часто думал,— писал Вильямс о собеседниках,— как многим я обязан этим людям. От них я впервые услышал о Ленине, увидел его их глазами, узнал о нем по их рассказам».

Он всегда был щедр на дружбу, Восков, но основное его время поглощали сестроречане. Узнав, что Саша Андреев и молодая работница Лида собираются зарегистрировать свой брак в волостном управлении и уже третий день донимают этим несговорчивого писаря, Семен пришел в восторг и заявил, что «это великолепный прообраз кануна революции и наши Советы будут регистрировать браки торжественнее и умнее, чем церковные святоши!»

Земство, завком, поездки в Петроград... и ежедневно надо было принимать десятки решений, часто подсказанных лишь чутьем и какой-то поистине революционной восприимчивостью к новому. «Смелее приобщай земцев,— посоветовал Зоф,— к новым порядкам». И Семен на одном из первых же заседаний волостного земства, председателем которого он был избран, предложил постепенно вселять лучших рабочих в брошенные особняки и дачи буржуазии. 18 сентября собрались гласные, и он предложил открыть в Сестроречке бытовые предприятия и чайную.

— Появятся когда-нибудь у рабочих прекрасные дворцы,— сказал он,— но эту свою первую красную чайную сестроречане никогда не забудут.

Он умел увлеченно проводить свои идеи в жизнь и увлекать других. «Работая с Восковым,— вспоминали его товарищи,— мы все учились у него правильно понимать происходившие в стране события. Он был для всех членов завкома лучшим партийным пропагандистом...»

Он работал не покладая рук и с нетерпением ждал решающего часа революции. Иногда это нетерпение прорывалось. Как-то вечером Вильямс, Рид и Восков

остановились на мосту полюбоваться городом, внизу отсвечивали дымчатые воды Невы. «Я сказал,— приводит их разговор Вильямс,— что все это напоминает мне стихи Уодсворта, описавшего вид с Лондонского моста...»

Откуда-то доносилась еле слышная музыка. «„Вы слышите?“— спросил Рид.— „Слышу,— довольно резко ответил Восков, нарушая наше поэтическое настроенье,— но я еще, кроме того, слышу стоны крепостных, строивших этот город“».

О нет, не ради поэтического диссонанса и тем более не ради красного словца перевел он разговор на другую орбиту. В эти тревожные сентябрьские дни, когда Ленин готовил единомышленников к вооруженному восстанию, все второстепенные детали, излишества и красоты, по мнению Воскова, должны были отступить перед главным, решающим, ослепительным, он хотел, чтобы его американские друзья лучше поняли момент, переживаемый Россией, глубже оценили ее воспаленную страсть, клочкотание, неистовство, ее ожидание.

И может быть, эхом и этого разговора на берегу Невы спустя полтора года, в феврале 1919-го, на берегах Потомака звучали страстные слова Джона Рида и Альберта Риса Вильямса, представших перед судилищем овэрменовской комиссии американского сената. Все отребье из Старого и Нового Света слетелось сюда, чтобы очернить Октябрьскую революцию. Но правда провалилась! Выступив вслед за Ридом, Вильямс с гордостью заявил: «Большевики говорили языком народа, мыслили, как народ, и умели выражать народные идеи». Он говорил и видел перед собой множество лиц, слышал множество голосов, и среди них вдохновенное лицо и слово Семена Воскова.

...Расставшись с американскими журналистами, Восков вернулся в Сестрорецк. В тот же вечер в доме Емельянова собрался партийный актив. Читали письмо Владимира Ильича в ЦК, Ленин писал, что наступил

момент для захвата власти рабочим классом. Водворилась глубочайшая тишина. Восков встал:

— Все ясно, товарищи. Время действовать. Как требует товарищ Ленин.

...В окно вливался рассвет.

АРСЕНАЛ ВЕЛИКОГО ШТУРМА

ем ближе надвигался революционный взрыв, тем мощнее становился нескончаемый поток ходатаев: и всем одно — трехлинейки!

На рубеже сентября и октября большевистский райком и завком вместе с посланцами путиловцев разрабатывали и проверяли конспиративный маршрут: винтовки и патроны доставлялись в Лисий Нос, оттуда буксиром по Финскому заливу до Путиловской верфи, на которой красногвардейцы распределяли оружие уже по революционным отрядам Питера. Семен сопровождал один из первых таких конвоев, убедился в надежности доставки.

— Капиталу не победить русский рабочий класс. Не победить!

15 октября на заседании завкома большинством голосов прошло предложение большевиков выдавать винтовки только по ордерам Смольного. Сестрорецк становился одним из арсеналов назревавшего восстания. География поставок расширялась. Теперь оружие шло в Донбасс, на Дон, на Урал...

Из Главного артиллерийского управления прибывали гонцы, они не могли взять в толк, куда подевался рекордный сентябрьско-октябрьский выпуск заводской продукции. Со временем историки установят, что преобладающая часть из семи тысяч «сентябрьских» трехли-

неек и десяти с половиной тысяч «октябрьских» попала в руки восставших.

Соглашатели кричали, что Восков подставляет золотые кадры оружейников «под удар», начальник завода менял замки на дверях оружейных магазинов, составлял длинные объяснительные записки в ГАУ. А председатель завкома продолжал методично подписывать на уголках писем и обращений Петросовета и ВРК: «Отпустить», «Выдать, применив власть», «Отправить сразу»...

Мемуары руководителя военной организации большевиков Подвойского, который вместе с Антоновым-Овсеенко и Невским был вызван 17 октября для отчета к Ленину, подтверждают, что вождь революции был точно осведомлен о событиях в Сестрорецке, о запасах оружейников и в этой беседе предложил опыт сестроречан использовать и на других арсеналах и складах: «Сестрорецкий завод — это хорошо, но этого мало».

И в ходе этого ночного совещания, и на протяжении всего периода подготовки к восстанию Владимир Ильич и его соратники проявляли глубочайший интерес к формированию и вооружению отрядов Красной гвардии. Этой заботой о резервах революции жили и сестрорецкие большевики.

Один из командиров красногвардейского отряда сравнивал оружейный завод осенних месяцев семнадцатого года с военным лагерем. Как бы Семен ни был занят, он ровно в три часа дня выходил на заводской двор и, смешно задрав голову, с удовольствием наблюдал, как командиры собирали после гудка своих людей, как быстро и четко красногвардейцы выполняли команды.

Свердлов, Володарский, Зоф, не раз обсуждая с Восковым положение на оружейном заводе, напоминали об указании VI съезда партии большевиков — «отстаивать в борьбе против контрреволюции все массовые органи-

зации трудящихся...» Сестрорецкий завком активно участвовал в революционизации органов местного самоуправления, готовя выборы в Сестрорецкий Совет, собирал делегатов волостей и воинских частей и обеспечил внушительную победу большевистского списка. Сестрорецкие большевики имели своего представителя в ЦК большевиков и шесть делегатов в Петросовете. В списке кандидатов ЦК большевиков в Учредительное собрание вслед за фамилией Ульянова (Ленина) стояла фамилия Воскова, выдвинутого 1 октября 1917 года на окружной партийной конференции от Сестрорецка.

...День восстания близился. 10 октября шеститысячное собрание сестрорецких оружейников приняло подготовленный большевиками при участии Семена Воскова проект резолюции, объявив непреклонно: «Заявляем — в этот решающий момент мы... до конца исполним свой долг перед революцией. Вся власть Советам!» Через неделю после принятия этого документа, опубликованного большевистской газетой «Рабочий путь» в самый канун восстания, на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября представитель Петроградской губернской партийной организации особо отметил «большевистское настроение рабочих Сестрорецка...».

Большевики-ленинцы сумели подготовить город оружейников к великому революционному штурму.

...Семен возвращался с конференции представителей арзаводов. На исходе был день 19 октября. В этот ночной час на вокзале он повстречал Зофа.

— Слушай ночные новости, — сказал вместо приветствия Вячеслав. — Керенский поднес нам подарочек — пригнал команду увечных воинов, чтобы запереть оружейные склады. Что-нибудь придумай... И еще... Рано утром будет Джон Рид, он хочет поближе познакомиться с рабочим управлением. А еще...

— А еще, — рассмеялся Семен, — хотя бы до рассвета дай побыть с женой и тремя детьми.

Джон Рид прикатил действительно в шесть утра, был весел, полон впечатлений. Будто мимоходом, спросил:

— Я многое бы дал, чтобы прочесть письмо Ленина в ЦК. Вы знаете о нем? Сроки? Дорогой Самуэль, сроки восстания?

Восков помолчал и, подметив обескураженность на лице журналиста, обнял его за плечи:

— Выше нос, Джонни. Жизнь на все ответит быстрее догадок. А теперь... У меня нет и минуты. Идемте со мной...

Не успели они переступить порог проходной, как перед Восковым предстала сухощавая фигура офицера, левая рука которого была в гипсе.

— Поручик Иванов-Невзглядов. Прибыл с отрядом по вызову штаба округа для предупреждения расхищения винтовок.

— Где вас ранили? — мягко спросил Семен.

— Юго-западный фронт, — растерялся поручик, — австрияки атаковали...

— Поручик, у вас есть дети?

— М... да. Имею. Двойню.

— Почему же двое детей, — резко спросил Семен, — должны иметь отца-инвалида?

— Я уже об этом много думал, — совсем стушевался поручик. — Однако...

Через час дискуссия завершилась. Солдаты «увечной команды» заявили о солидарности с революционными рабочими.

— Я правильно понял? — недоумевал Рид. — Они отказались выполнять приказ командования округом? Что вы сказали им, Самуэль?

— Правду, Джон. Одну правду.

Семен успел завести Рида в рабочую больницу, детский приют, показал свои столики и стульчики, даже попросил сесть на один...

— А он меня выдержит?

— Сам делал,— улыбнулся Восков.

...В завком, чем-то обеспокоенные, ввалились командиры красногвардейских «сотен».

— Вы здесь заседаете,— резанул один,— а Временное без нас будут кончать? Так, что ли?

Объяснив ситуацию Риду, Восков подошел к телефону, с трудом соединился с Петроградом, командиры застыли в напряженном молчании. Нужный Семену человек нашелся, произошел иносказательный разговор. Восков многозначительно произнес:

— Значит, без нас митинг не начнете? Так и запишем.

...Когда американский посол в Петрограде Фрэнсис будет отправлять в госдепартамент шифровку-каблограмму о том, что социалист Рид увлечен тем, как русские рабочие управляют заводами, посол еще не будет знать, что эти мысли навеяны визитом в Сестрорецк.

...Но уже перед сенатской комиссией Овэрмена допрашиваемый Джон Рид широко нарисует картину побед сестрорецких революционных рабочих и свои наблюдения начнет с имени Семена Воскова: «Восков проделал огромную работу по созданию государственного оружейного завода недалеко от Петрограда... Беру на себя смелость утверждать, что это — образцовый завод и образцовый город...» И, несмотря на жгучее желание овэрменов прервать эту проповедь социалистических идей, Джон Рид успел рассказать, как Сестрорецк стал одним из арсеналов вооруженного восстания.

А тогда, в девятьсот семнадцатом...

Раздался зуммер телефона. Семен подошел к аппарату.

— Да, товарищ Антонов-Овсеенко. Да, я...

Долго слушал, аккуратно положил трубку.

— Вызывают в Питер, товарищи, Меня заменит Павлов.

— Что, начинается? — не утерпел Рид.

— Начинается пока только для меня, дружище. Саша, милый, — обратился Восков к Андрееву, — приведи попрощаться мою малолетнюю троечку — выезжать я должен сразу.

ПЯТЬ ДНЕЙ ПЕРЕД 25 ОКТЯБРЯ

альчишка на Шпалерной ему понравился. Наверно, беспризорник. Он сидел на тумбе, в кепке, надвинутой на самые глаза, и, окруженный группой солдат, тоненьким голоском тянул:

Опомнись, товарищ, опомнись, солдат,
В какого врага ты стреляешь?
Ты здесь убиваешь чужую семью,
В деревне ж твою убивают...

Этот гамен петроградских улиц крепко засел в его памяти, и, подходя к Смольному, вокруг которого, как в гигантском муравейнике, собирались и растекались людские толпы, он поймал себя на том, что повторяет припев песенки. По немощеной дороге, тянувшейся к подъезду, мощными волнами наплывали красногвардейцы, обвешанные патронташами, матросы, тащившие за собой пулеметы, люди в шинелях, пальто, тужурках, кожанках, бородатые крестьяне со своими неизменными котомками...

...Подвойский очень спокойно отдавал распоряжения. Увидел Воскова, взглядом показал на соседнюю комнату, где Семен застал Антонова-Овсеенко. Тонколиций, высокий, он стоял за кафедрой, быстро испещрял небольшие бумажные листки. Поднял голову, отложил ручку, сдернул очки, быстро заговорил:

— Прибыли? И отлично. Обстановку знаете? Керенский стягивает части с фронтов.— Поднял вверх палец.— Всем окрестным гарнизонам даем директиву — не допускать подхода подкреплений Временному правительству.

— Директива хорошая,— улыбнулся Семен.— Но я не окрестный гарнизон, Владимир Александрович.

Антонов-Овсеенко спрятал усмешку в усах.

— Вы-то не гарнизон, но поедете его поднимать, Семен Петрович. Конкретнее — в Лугу. Гарнизон там под влиянием эсеров. Местным Советом заправляет эсер Воронович. Роль Луги ясна? Все эшелоны с фронта прогоняются через Лугу. Должны мы ее завоевать? До восстания — должны, как полагаете? — Вернулся к кафедре, взял несколько листков.— Мандаты вам и Годлевскому заготовлены. Крепкий морячок, служил на «России». Мандат комиссара гарнизона вручите в местном артдивизионе большевику Златкину.

— Выходит, в Питере все без меня решится,— буркнул Семен.

Появился Подвойский, услышал, хохотнул.

— В случае выступления,— пообещал Овсеенко,— пришлем связного, а уж вы нам Лугу большевизируйте.

— Сегодня двадцатое, сколько у меня дней?

Руководители ВРК переглянулись, Подвойский пожал плечами.

— Помните,— сощурился Овсеенко,— Владимир Ильич писал о переломном пункте в нарастающей революции? Когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов... Так что торопитесь.

— Все понятно,— улыбнулся Семен.

...Виктор Годлевский прибыл в Лугу двумя днями раньше.

— Жуткое гнездо, Семен Петрович. Этот паразит Воронович как прослышал, что ВРК сюда своих людей

направляет, сразу провел через Совет решение: любой митинг или собрание без его разрешения устраивать запрещается.

— Большевиков в Луге много?

— Летом было одиннадцать... Сейчас человек шестьдесят.

— Да это же целая армия! — воскликнул Семен. — Будем обходить воинские части, мастерские, лавки, частных граждан.

У машины их поджидали. Статный человек в кожаном пальто, на поясе которого болталась огромная кобура с маузером, оказался Вороновичем, председателем местного Совета. Представившись Воскову, он как бы невзначай напомнил о своем подпольном стаже, посмеялся над приставшей к нему кличкой Апостол, поинтересовался целями приезда посланцев ВРК.

— На реке Миссисипи, понимаете, был, а на реке Луге — не доводилось. — Восков принял полушутливый тон.

Воронович позеленел от злости, прервал Семена.

— Вы из нас дурачков не делайте, гражданин большевик. Вашу партию здесь не жалуют, мы выполняем приказы Временного правительства.

Восков будто и не слышал его.

— Что еще за временное? Есть комиссары Военно-революционного комитета!

Воронович в бешенстве повернулся и зашагал вдоль улицы.

...В столовую набились солдаты артдивизиона, прапорщики. Виктор Годлевский передал артиллеристам революционный привет от матросов Балтики, кратко рассказал о событиях и настроениях на флоте. Восков вручил Илье Златкину мандат за подписью Н. И. Подвойского о назначении его председателем Военно-революционного комитета города Луги. Солдаты попросили посланца большевиков рассказать, что делается в Пите-

ре. Около часа длилась взволнованная речь Семена. Неожиданно распахнулись двери столовой, и, в сопровождении вестового, появился подполковник, командовавший дивизионом, за ним следовали Воронович и группа офицеров. Послышался лязг винтовочных затворов.

— Да что же вы делаете? — крикнул Воск. — Кровопролития желаете? А дома у вас жены, дети. Нет уж, выступать будем по очереди.

— Солдаты, вас обманывают! — Воронович решил щегольнуть всем набором эсеровской стряпни. — Вам лгут, обещая мир! Союзники воспользуются правительственной неразберихой и с германцами пойдут на Россию. Вам обещают хлеб, землю, ключи от заводов — и это ложь! Темнота и анархия все погубят. Пока не поздно, попросим большевичков из Луги!

Солдатская масса заворочалась, загудела.

— Может, нам уйти? — во весь голос крикнул Воск и этой уловкой добился неожиданной тишины. — А куда вы придете? Этот святой Апостол, — жест в сторону Вороновича, — пригласит союзничков в Лугу. И покажется все по-старому: булочка — графьям, жмыхи — беднякам! А мы говорим: кто сеет — тот и ест. Заводы встанут? Что-то наш Сестрорецкий не встал и винтовки выпускает, а хозяйничаем на нем уже мы, рабочие. А насчет мира... Не мы мировую бойню затеяли, но мы, большевики, ее погасим. Уж ради одного этого, — закончил под аплодисменты, — не уйдем!

Виктор Годлевский был буквально поражен сгустком восковской «гигантской энергии», «тем успехом, с которым он в течение 15—20 минут привлек на свою сторону аудиторию, совсем не большевистски настроенную».

Появление Воскова на заседании исполкома Совета эсеры и меньшевики встретили улюлюканьем, свистом, ехидными репликами: «Мир у кайзера вымаливаете?», «Слыхали: землю — крестьянам, хлеб — горожанам...».

Он терпеливо ждал тишины. А как хотелось вытащить из кармана наган и хотя бы попугать их, орущих, реву-щих, издевающихся, стрельбой в потолок. Но вместо этого он удивительно спокойно сказал:

— Разъясняю по пунктам. Мира будем добиваться. И не стыдимся этого. Мира для тех, кто под пулями днем и ночью, кого голод, холод и тифозная вошь в окопе жрут! Насчет хлеба. Странно получается: вас избрали в первый рабоче-крестьянский Совет и вы же злорадно играете на вековых собственных инстинктах неграмотных людей.

...Восков, Годлевский обходили дом за домом.

— Посети, Виктор, Царена,—предложил Семен,— а я махну к Камарзину, оба избраны в Совет от независимых граждан.

Камарзин жил на Киевской, и Восков уже знал, что лужане ценили его хозяйственную сметку, трезвый взгляд на события. Его слово многое значило в Совете, и Семен твердо решил добиться понимания.

Элегантно одетый человек встретил его на веранде, предложил сесть, начал разговор без обиняков:

— Мне уже сказали, что некий большевик Семен Петрович Восков обходит граждан Луги и вербует их в свою партию.

Восков засмеялся.

— А мне сказали, что Александр Степанович Камарзин слишком любит свою Лугу, чтобы отдать ее на растерзание случайным авантюристам типа Керенского или его приверженца Вороновича.

Они говорили долго и откровенно. Камарзин расспросил Воскова о его жизни, узнав, что он много лет прожил в Америке, с любопытством осведомился, как ведут хозяйство фермеры. Живой интерес он проявил к тому, как рабочим удалось наладить в Сестрорецке производство. И — под конец беседы:

— Допустим, я уговорю своих коллег по Совету в

надвигающемся конфликте, назовем его так, Семен Петрович, отказать в доверии Керенскому. Что выиграет от этого Луга?

— Когда американский журналист Джон Рид уезжал из Сестрорецка, — нашелся Восков, — он сказал моим товарищам, что их работа в условиях разрухи поразительна. Пусть преувеличил, но ухватил главное. Революция создает, а не разрушает. Поверьте мне, это так!

Камарзин проводил Воскова до калитки, тепло попрощался:

— Я сделаю что смогу. Надеюсь, мы еще встретимся.

Восков пробился на заседание Лужского Совета. Камарзин потом рассказывал старшему сыну, что Воронович и его правая рука — эсер со странной фамилией Буйвол-Кот — сами встали в дверях, чтобы помешать посланцу ВРК разоблачить перед лужанами правительство Керенского. Но они забыли, с кем имеют дело. Восков буквально «въехал» в комнату заседаний на спинах людей, оборонявших вход. Столь необычное вторжение привело членов Совета в веселое расположение духа. Восков зачитал краткий список преступлений Керенского, аудитория притихла. В этот момент из четвертого ряда выскочил черноволосый приземистый казак и с криком «Зарублю, красная чума!» выхватил из ножен саблю, бросился к трибуне. Семен лишь усмехнулся, рука автоматически потянулась к нагану, но усилием воли сдержал себя, как бы не замечая взбесившегося казачьего атамана Попова. А того уже схватили за руки сидевшие рядом депутаты и солдаты, водворили на место.

Поднялся невообразимый шум. Перекрывая его, Восков крикнул:

— Вот куда приводит нас керенщина. Завтра атаманы выкатят на вас пушку.

И он не ошибся: через два дня казаки Попова попытались арестовать членов Лужского ВРК. На защиту

ревкома встали уже распропагандированные Годлевским драгуны. В настроении гарнизона произошел перелом.

22 октября заявил о своей поддержке большевиков артдивизион.

23 октября несколько казачьих сотен отказались выполнять приказы Керенского.

24 октября большевистская фракция Лужского Совета заявила, что последний признает сегодня одну власть — Военно-революционного комитета.

Годлевский впоследствии вспоминал, что они «с Восковым обходили гарнизон чуть ли не поротно» и ко дню вооруженного восстания сумели переориентировать Лужский Совет, в котором «фракция большевиков и большевистски настроенных товарищей» составила 83 человека.

...Вести из Питера приходили с опозданием, а в эти дни каждый час был насыщен событиями. Временное правительство, почувствовав нарастание революционного шквала, разработало «план разгрома большевиков», потребовало от Ставки форсировать отправку в столицу надежных войск, подняло на ноги военные училища, готовило аресты всего состава ВРК. 24 октября ЦК партии расставил свои силы на важнейших участках борьбы. Директива ПК о немедленном свержении «временщиков», воззвание ВРК с призывом сорвать заговор контрреволюции и его приказ о направлении в Смольный двух тысяч красногвардейцев стали программой революционных отрядов. Повстанцы добились крупных успехов, была выиграна «борьба за мосты», заняты телеграф, ряд вокзалов, взяты под охрану предприятия.

В середине дня 24 октября к Воскову прибыл связной из Петрограда. Усталый, еле передвигавший ноги, он натужно хрипел:

— Добиваем Временное. Зимний не сегодня-завтра наш. ВРК подходы к Питеру беспокоят. Антонов-Овсе-

енко передает тебе: штабисты из округа в Лугу зачастили, разузнай, что там еще задумали.

Семен разыскал Годлевского, распорядился разведать про связь Вороновича со штабом округа, виновато сообщил:

— Виктор, я в Петроград на денек махну...

— А что как арестуют вас по дороге?

— Не впервой,— сказал Восков,— революция освободит.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!

оток людей, пробивавшихся к главному подъезду ночного Смольного, с каждым часом становился более плотным и слитным. Поминутно подъезжали автомобили, броневики, даже пролетки и тачанки. В комнаты ВРК было не пробиться, чередой людей тянулась сюда вдоль всего полукилометрового коридора. Семена многие узнавали, окликали, здоровались, каждый спешил сообщить о своих «братанах». «Привет, председатель! — зычно приветствовал его член завкома путловцев. — Твои винтовочки кстати!» «А мы, кронштадтские, гостевали у тебя! — вскричал лихой морячок. — Центробалтом сюда присланы!»

Антонов-Овсеенко стоял у карты города и методично накалывал на нее флажки. Искоса взглянув на Семена, будто продолжил только что прерванный с ним разговор:

— Керенский поутру перешел в наступление: бросил юнкеров на наши типографии, да обмишурился, готовит налет на Смольный, стягивает к Зимнему свои ударные батальоны. Владимир Ильич потребовал от нас са-

мых решительных действий, быстроты и натиска, почти не выходит из ВРК...— Почувствовал удивление Семена.— Вы не знали? Ленин уже в Смольном. Его интересует каждая деталь, а подходы к Питеру — особенно. Докладывайте.

Выслушал сообщение Семена о положении в Луге.

— Немало, уже немало. Эсеры еще там воду мутить будут, но с оглядкой на свой же Совет и свой же гарнизон. Честно говоря, хотелось поддержать вас там до двадцать седьмого — двадцать восьмого*. По нашим данным, эшелоны с казаками уже вызваны и движутся в Петроград. Так что...

Взглянул на часы, хотел уж было распорядиться, но, перехватив мучительный зевок Семена, подметив землистость его лица, видимо, изменил первоначальное намерение:

— Немедленно известите Годлевского, направьте к нему связного — хотя бы из своих оружейников, они пока здесь. Попутно проверьте, все ли резервы завода — в деле. Ну и... Чуток отоспитесь, товарищ. А потом возьмите у коменданта машину и выезжайте на перегон Гатчина — Луга. Остановить воинские эшелоны — задача невероятной сложности, но если колеса забуксуют — это как раз то, что нам требуется.

Восков кивнул, двинулся по коридору, в первом этаже встретил своих, сестрорецких, — командиров крас-

* В отдельных биографических заметках о Воскове указано, что он пробыл в Луге до 27 октября безвыездно. Однако многочисленные воспоминания сестрорецких красногвардейцев свидетельствуют о его выступлении на заводе в день вооруженного восстания, формировании Восковым второго отряда сестроречан и участии вместе с ними в захвате ряда стратегических объектов в Петрограде 25 октября. В этот день, свидетельствовал А. Вильямс, он встретил Воскова в Смольном. О выезде Воскова из Петрограда на завод за вторым отрядом 25 октября говорится и в книге Е. Ф. Ерыкалова «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде».

ногвардейцев Федора Грядинского и Казимира Киршанского. Сестроречане рассказали своему вожаку о последних событиях на заводе, о том, как многое открылось им в эти волнующие дни.

Они уже знали о прибытии Ленина и о том, что Владимир Ильич взял в свои руки весь ход восстания.

— Сколько штыков в отряде? — спросил Семен у командиров.

— Семьсот, — сказал Федор.

— От шести тысяч рабочих? Почему так мало? Еду на завод.

— Товарищи! — окликнул их проходивший мимо матрос. — Вы не сестрорецкие? Командира к Овсенко!

...Ленинский план восстания стремительно претворялся в жизнь. Красногвардейские отряды, пошедшие за большевиками воинские части направлялись на захват вокзалов, телефонной станции, почтамта, банков, гнезд контрреволюционного офицерства, на охрану мостов, восставшие полностью контролировали стратегически важные магистрали.

Было два часа ночи на 25 октября, когда ВРК поручил сестроречанам овладеть тринадцатью типографиями города. Восков попрощался с друзьями, хотел было двинуться на Финляндский вокзал, чтобы добраться до Сестрорецка, как вдруг встретил на ступенях подъезда своего давнего соратника Григория Чудновского. Приветственно подняв кверху руку, комиссар ВРК, перекрывая гул голосов и грохот броневых машин, крикнул Семену, забыв, что виделись они не вчера и не позавчера, а две недели назад, в «военке»:

— В общем, как я и чувствовал, Керенский по наивности считает Преображенский полк своим, но, поверьте, Восков, преображенцы тоже будут штурмовать Зимний. Проезжал сейчас по городу, — добавил он с гордостью, — наши посты держатся четко, достойно. А на

Жуковской — будто стадо слонов топчется: рев, машут флагом, бьют стекла в типографии. «Кто такие?» — поинтересовался. Угадаете? «Анархия — мать порядка».

— Да это же наш объект захвата! — Семен даже растерялся. — Сестрорецким красногвардейцам поручили... Типография Суворина.

Он знал, как нужна сейчас большевикам крупная типография. Упросил шофера какого-то броневика подбросить его до перекрестка Жуковской и Эртелева переулочка. Не доходя двух домов до типографии, увидел в подъезде группу красногвардейцев. К нему подошел Киршанский.

— Чертовы анархисты! Успели до нас... От переговоров отказываются.

— А что, если пойти на хитрость? — Восков задумался. — Не вызвать ли их оттуда паникой, слухом о казачьей атаке, стрельбой?.. На потасовки они падкие. Остальное зависит от нашей сноровки.

Он не ошибся. Пока несколько бойцов из группы Киршанского имитировали перестрелку за углом, анархисты действительно выбежали на шум из здания. Тем временем, обезоружив нескольких часовых, в типографию ворвалась основная часть отряда Киршанского и прочно удержала свои позиции. Слыша, как вожак анархистов на всю улицу распекает своих людей, тихонько посмеиваясь, Восков продолжил свой путь.

На Финляндском вокзале разыскал своего знакомца из Выборгской Красной гвардии, назначенного сюда комиссаром, хотел попроситься на попутный паровоз до Сестрорецка, да застал у комиссара связного из ВРК, тот слышал, что Воскова час назад спрашивал Подвойский.

Семен двинулся обратно в Смольный. В помещении ВРК застал Свердлова, он стоял у карты города.

— А мне говорили, Восков переворачивает Лугу. Удачно, что здесь. Впервые после работы в подполье сегодня выступит Ленин. Открыто. Когда-нибудь об этом дне напишут книги.

Вошел Подвойский, как всегда спокойный, сосредоточенный.

— Вы, товарищ, пошлите связных ко всем нашим комиссарам в войсковые части... Вы, товарищ, проверьте, очищена ли от офицеров гостиница «Астория»...

Повернулся к Воскову.

— Не уехали на свой оружейный? Тогда... Ваш сестрорецкий отряд получил новый приказ: разоружить юнкеров Николаевского инженерного. Туда послан крепкий комиссар, и там с избытком сил. Но, зная немного вашу натуру, я попрошу проследить, чтобы не было потеряно дорогого времени... Владимир Ильич предостерегает нас от малейшего промедления, машину восстания он пустил на самую высокую скорость. Сегодняшний день особенно важен, особенно!

Ярко горел в ржавых лучах осеннего солнца шпиль Инженерного замка. Красногвардейцы заняли исходные позиции на Марсовом поле, скрытые штабелями дров, которые высились близ казарм лейб-гвардии Павловского полка. Командиры обсудили тактический план, решили перекрыть все выходы из замка.

— А что за женщины между колоннами? — спросил Восков, глянув в бинокль.

Вопрос застал врасплох. Через четверть часа разведка донесла, что вместе с юнкерами замок защищает отряд из так называемого женского ударного батальона смерти.

— Небольшое, но осложнение, — заметил Семен. — Юнцы разбегутся быстрее этих обманутых фанатичек Керенского. Постарайтесь, товарищи, отделить их от юнкеров.

Заметки участников разоружения Николаевского инженерного училища дают представление о том, как развертывалась эта операция: «...Начали перебежками...»; «К сотне [Александра] Никитина в качестве рядового бойца примкнул Семен Восков»; «Вооруженные рабочие заняли все подступы к зданию, после чего Никитин и Грядинский с несколькими красногвардейцами, среди которых был и Восков, с винтовками наперевес ворвались во внутрь помещения и именем победившей власти рабочих и крестьян предложили юнкерам сдать оружие. Юнкера вынуждены были принять ультиматум...».

— Очень важный день,— пробормотал Восков, когда юнкера начали сносить винтовки в центральный учебный зал замка.— Очень...

Никитин встряхнул его:

— Семен Петрович, вы на ходу спите...

Восков глубоко вздохнул, засмеялся.

...В четырнадцать тридцать пять 25 октября, сидя в Актовом зале Смольного, он вместе со всей аудиторией радостно приветствовал Владимира Ильича, вышедшего из 110-дневного подполья, и бурно аплодировал пламенным ленинским словам: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!»

Выходя с этого исторического заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Семен уверил себя, что теперь-то уж точно попадет в Сестрорецк. Забежал в ВРК, чтобы получить последние инструкции. Именно здесь его и перехватил Альберт Рис Вильямс. Американский журналист впоследствии писал, что Восков «был бледен, оброс трехдневной щетиной и явно куда-то спешил, но все же остановился, похлопал меня по спине и счастливым, охрипшим голосом сказал: „Теперь только бы нигде ничего не сорвалось! Владимир Ильич требует: никаких больше задержек!“» Семен

успел добавить, что его ждут неотложные дела, приказано выяснить обстановку под Петроградом, дислокацию войск, на которые может опереться Керенский.

Но сначала — к своим, на завод.

Весть о приезде Воскова мгновенно облетела все мастерские. Несмотря на поздний час, заводской двор оказался забитым рабочими. На митинге оружейников он выступал радостный, совершенно счастливый.

— Товарищи! Свершилось!.. Во главе восстания — наш любимый вождь Ленин! Временное правительство низложено!

Овацни, возгласы... А он говорит, что революции нужны штыки и рабочие руки. Он призывает направить в Питер второй отряд.

Темень, лиц не видно, но фонарь освещает стол и разложенные на нем списки добровольцев. Восков высоко поднимает над головой белые листы.

— Это и есть, товарищи, победа нового строя! Да здравствует революция!

Революция стремительно набирала темп. На подступах к Зимнему уже были стянуты ударные силы оставших.

ЭШЕЛОНЫ ПОВОРАЧИВАЮТ

Председатель Лужского Совета проявил завидную расторопность. Не прошло и нескольких часов после того, как 26 октября связной ЦК партии эсеров и вдруг возникшего Комитета спасения родины передал ему воззвание своей партии, а Воронович уже успел

оповестить всех членов Совета об экстренном заседании. И вскоре к зданию бывшей земской управы потянулись люди. Открыв заседание, председатель со скорбью в голосе сообщил, что накануне партия большевиков самочинно захватила власть.

— Вас подло и преступно обманули...— драматически вещал Воронович.— Открывшийся съезд неправомочен... Сплотитесь вокруг всероссийского Комитета спасения...

Восков направился к председательскому столу, но его опередил Буйвол-Кот:

— А нас, мужичков, вы спросили, граждане большевики, желаем мы ваш переворот али нет? Или не мы на богатеев спины гнули?

— Лично вы, господин Буйвол-Кот, не гнули,— спокойно отпарировал Восков.— Вы с отцом содержали лавку. Но я приехал сюда разбираться не лично с вами. Свершилось великое событие. Временщики низложены, Зимний взят революционным народом, и у этого народа отныне власть. Большевистская партия верит, что лужане присоединятся к революционному выступлению масс.

Поднялся с места один из депутатов-меньшевиков:

— Я вношу резолюцию протеста и недоверия оратору. Наша партия не приемлет экстремистских действий. Мы тоже гуманисты, но...

— Что же вы, господин гуманист,— срезал его Восков,— не расскажете Совету о том, как лидеры вашей партии не далее как позавчера пропели аллилуйю Керенскому и его министрам? О том, что это ваша партия вместе с эсерами для задушения революции создала Комитет «спасения»? Спасать-то кого собираетесь? Старый прогнивший мир от нового? Века эксплуатации от надежд и чаяний исстрадавшегося народа?

Под возгласы одобрения Восков зачитал подписанное минувшей ночью обращение Военно-революционного

комитета: «Военно-революционный комитет призывает Лужский Совет рабочих и солдатских депутатов не пропускать в Петроград эшелоны, которые направляются туда по велению низложенного правительства».

— Повестка исчерпана, заседание закрыто! — поспешно прокричал Воронович.— Одна партия не вправе навязывать...

— Революцию не навяжешь, — громко засмеялся Восков.— Народ ее либо поддерживает, либо отвергает. А приказы низложенного правительства исполнению не подлежат. Эшелоны не дойдут до Петрограда!

...Кавалеристы собрались на плацу, офицеры стояли в стороне отдельной группой. Восков чувствовал, что кавдивизия еще слабо осведомлена о последних событиях, что агитаторов-большевиков не слышала. Как потом признался друзьям, рубашка у него стала потной еще до разговора с солдатами. Он начал с того, каким застал Смольный к ночи 25 октября, как горели в отсвете костров лица солдат и матросов, как готовились они к штурму Зимнего...

— Товарищ Ленин предлагает вам, солдаты, мир, хлеб и землю, — закончил он.— Кто может стоять против этого? Враги трудящихся. Они пытаются собрать сюда ударные батальоны карателей со всех концов России. Остановите их, поверните эшелоны назад — и вы поможете революции.

Не было криков. Стояла странная тишина. Кавалеристы разошлись по эскадронам. Годлевский пробормотал: «Что будет?»

— Терпение, — посоветовал Восков.— Они привыкли рубить на скаку, но не решать на скаку.

Пошутил, а подкралась шальная мысль: «Сейчас схватят и без песен...»

...К группе большевиков подходят взводный и председатель дивизионного комитета, докладывают:

— Так что четыреста кавалеристов выражают полное доверие новой народной власти.

...Через несколько дней «Правда» опубликовала резолюцию этого солдатского митинга: «...заслушав доклад тов. Воскова о совершившемся факте перехода власти Военно-революционному комитету при Петроградском Совете, приветствуем Петроградский Совет и Военно-революционный комитет и окончательное решение Всероссийского съезда Советов о закреплении власти за народом. Горячо протестуем и осуждаем действия Лужского Совета, не принявшего никаких мер к задержанию поступающих эшелонов к Петрограду... 26 октября 1917 г.».

Вместе с Ильей Златкиным Семен отправился на станцию. Начальник ее показался поначалу милым и добродушным старичком, но в словах его почувствовалось злорадство, когда он сообщил посланцам ВРК, что всем прибывающим эшелонам по распоряжению Керенского открыта зеленая улица и на всех стрелках дежурят казачьи патрули...

— Низложенные не приказывают,— разъярил Восков.— Лекцию о революции я вам читать не буду, но эшелоны должны постоять на путях...

Начальник держался независимо. Восков почувствовал, что гнет не туда, сменил тон:

— Послушайте, я не верю, что вас устраивало всю жизнь исполнять чужие приказы. Неужели не хочется хоть раз в жизни проявить свою волю, совершить смелый поступок?

И понял, что достиг своего. Начальник порозовел, высоко поднял голову, озорно прищурился:

— Вы говорите точь-в-точь как моя дочь. Она учительница и называет меня осколком старого мира. Если вы доверяете мне, господин красный комиссар, я немного задержу эшелоны на станции.

У лужских большевиков появились могучие союзни-

ки — ленинские Декреты о земле и мире, принятые накануне II Всероссийским съездом Советов... Телеграф отстукивал первые вести о широчайшей всероссийской поддержке новой власти...

В эти самые дни на подступах к Петрограду, не щадя сил и жизни, действовали сотни большевистских агитаторов, выполнявших приказ Военно-революционного комитета — не пропускать в Петроград ни одной части, если не проверена ее преданность революции.

...В Лугу прибыл один из первых эшелонов с вызванными Керенским войсками. Начальник станции перегнал состав на боковую ветку. Чиновник задыхался от волнения.

— Я не могу вам подарить более получаса...

Восков, в потертом пальто-реглан и узкополой шляпе, поднялся в один из вагонов. Как ни в чем не бывало, подсел к солдатам, спросил, куда едут, зачем.

— Немецких шпиёнов бить, — объяснили ему.

— Во здорово! — удивился он. — А ты видел их?

— Не, — робел солдат, — не доводилось.

— Тогда гляди на меня, — выбросил он вперед свои шершавые руки, — и бей. Занозы в этих руках не сосчитать. Столяр я. Только больше в тюрьмах сидел, чем столярничал. Жандармы меня били в тюрьмах, толсто-сумы — в дни стачек. И все шпиёном меня обзывали. А ты, чудак, и развесил уши.

Смеялись, не верили, спорили, хлопали «шпиёна» по плечу...

В вагон зашел офицер, мгновенно оценил ситуацию, приказал «арестовать немецкого шпиона», но слова его потонули в дружном хохоте.

Ночная вахта на вокзале продолжалась. «Один за другим на ст. Луга стали прибывать эшелоны финляндских полков, — рассказывал Годлевский. — Работы было по уши, и одним из самых энергичных работников был т. Восков. Он тут же на станции, а то и в вагонах,

устраивал митинги, а если не удавалось за недостатком времени склонить эшелон к возвращению, брал с собой нескольких товарищей, ехал с эшелоном по направлению к Петрограду, а через полчаса вместе с тем же эшелоном возвращался обратно».

Да, повернуть эшелон назад, когда счет времени измеряется не сутками, а минутами, когда за эти минуты ты должен объяснить, кто ты, зачем пришел к солдатам, заставить их поверить твоим словам и тебе, заставить не подчиниться воинской дисциплине, приказам офицеров, — такое дано свершать поистине сильной личности.

...Весь день 27 октября шло бурное заседание Лужского Совета. Глубокой ночью яростное сопротивление соглашателей было преодолено. Но к этому часу Воскова уже в Луге не было. Его и Годлевского ВРК вызвал в Петроград.

Виктор поджидал своего товарища у паровоза, тот прибежал запыхавшийся, оживленный.

— Куда вы исчезли, Семен Петрович?

Семен смущенно улыбнулся.

— Полтавчане — сентиментальные люди. Как было не зайти к дочери начальника станции и не сказать ей, что папаша ее вовсе не осколок старого мира, а вполне современный человек.

Доехали до Гатчины, а там пути оказались разобранными. Дважды их задерживали казачьи патрули. Но мужество, находчивость и остроумие Воскова выручали. До Питера добрались на попутной машине. Шофер им попался совсем мальчишечка. На вопрос, что нового в Питере, широко улыбнулся:

— Самое что ни на есть новое — новое правительство. Председатель — товарищ Ленин,

АГИТАТОРЫ ТРЕБУЮТСЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

Выйдя с перрона Варшавского вокзала к Обводному, Семен увидел, как у афишной тумбы женщина в кожанке молотила кулаками плотного унтер-офицера. С головы женщины слетел берет, рыжие волосы разметались по ветру, и Семен узнал Стасю.

— Подлец! — Стася, тяжело дыша, подняла с земли листовки. — Клеил на столбы и на стены.

Семен бегло взглянул — снова Комитет спасения: «Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны...» Сдал унтера первому патрулю, пытался успокоить Стасю:

— Эта демагогия не новая. Я вот сутки мотался по красновским тылам... Сегодня двадцать девятое? Что тут у вас?

— Не сказали тебе красновцы? — усмехнулась Стася. — Юнкера восстали. А я — на позиции, литературу везу.

Подняла тяжелый рюкзак, смущенно сказала:

— Восков, дети здоровы, но очень скучают...

Откуда-то с Петроградской ухнуло орудие. В вестибюле Смольного перекликались голоса: «Айда на Гребецкую, братва, владимирцев разоружать!» С площадки второго этажа сбежал Вильямс.

— Восков, дорогой Восков! Представляешь, я только что с телефонной станции, пробрался туда как санитар, юнкера сначала взяли мистера Антонова-Овсеенко в заложники, а потом упросили меня быть их парламентаром и объявить ему, что сдаются...

Доклад Семена принял Подвойский. Как раз в эту минуту он отдал распоряжение Благодорову, комен-

данту Петропавловской,— силами красногвардейцев и Павловского полка овладеть Инженерным замком и захватить заговорщиков.

— Товарищ Ленин требует, чтобы с заговором юнкеров было покончено в считанные часы, и мы сделаем это.— Взялся за карандаш, что-то пометил в блокноте.— Стало быть, в казачьих частях Краснова шатания? Это недурственно, товарищ Восков. Я немедленно доложу Владимиру Ильичу. Вот что... Присоединяйтесь к своему отряду — они поддерживают Благодного со стороны Марсова поля. Постарайтесь проследить, чтобы главари мятежа не уползли или... выясните их адреса.

Исследуя этот день в жизни Семена Воскова, его биографы отметят, что «он возглавил Сестрорецкий отряд Красной гвардии, который участвовал в разоружении мятежных юнкеров в Инженерном замке...».

Комбинированная операция по овладению Инженерным замком, важным очагом юнкерского мятежа, не поставила точку под поручением, данным Воскову. Узнав от захваченных юнкеров, как при известии о подавлении мятежа во Владимирском училище весь Комитет спасения сбежал из замка «в поисках личного спасения», Семен в ходе этого допроса кое-что разведдал о нелегальных квартирах мятежников и пустил по следу главарей группу надежных красногвардейцев. Бывает же такое везенье: один из его знакомых иностранных корреспондентов, которого он встретил, сообщил, что Джон Рид крутится вокруг явки главаря мятежа Полковникова, где-то на Невском, у дома Юсуповой. Рида Семен видел лишь мельком, тот будто растворился в толпе. Но нелегальную квартиру Восков обнаружил — правда, без мятежников, зато заваленную их бумагами и приказами. Взял дом под наблюдение...

По поводу сведений, доставленных им в Смольный, услышал краткую и знакомую формулу: «Немало, уже

немало!» И — сразу же: «Оружейники ваши здесь, Семен Петрович?»

Отряд красногвардейцев в 500 штыков, сформированный Семеном 25 октября, получил предписание выступить к Пулковским высотам.

«А мне с кем прикажете выступать?» — спросил Восков у Подвойского и получил ответ: «О вас не забыли, Семен Петрович. В соседней комнате товарищ Серго. Поговорите с ним, но дождитесь конца заседания Военной организации».

Усталый, запыленный, надорвавший горло уже на десятке митингов, ротных собраний, агитатор ЦК Орджоникидзе посмеивался над нетерпением Воскова.

— Сестрорецкие товарищи и без тебя хорошо повоюют. — И серьезнее: — С большевистскими агитаторами сегодня встречается товарищ Ленин. Надолго не отлучайся, будешь нужен.

И действительно, вечером Ленин имел серьезный разговор с испытанными ораторами-большевиками Орджоникидзе и Мануильским. На революцию надвинулась опасность: несостоявшийся правитель Керенский и возомнивший себя «военным стратегом» генерал Краснов перебрасывали казачьи части на прорыв оборонительной линии, которой восставший народ заслонил красный Питер.

« — Борьба затягивается, — говорил Ильич в этой беседе, — и есть опасность, что части, вызванные на фронт, начнут разлагаться. Муравьев* требует присылки хороших опытных агитаторов, которые сумели бы поддержать настроение частей. Поезжайте!

...Мы круто повернулись, — вспоминает Д. З. Мануильский, — и, ни о чем не расспрашивая дальше, напра-

* Главнокомандующий округа в первые дни наступления войск Керенского — Краснова, впоследствии участник эсеровской авантюры на Восточном фронте.

вились к выходу. Через час паровоз увозил нас с Балтийского вокзала в Красное Село». В документах ВРК сохранилось предписание комиссару Балтийского вокзала за № 1769 от 29 октября 1917 г. «отправить на подготовленном для сего паровозе в Красное Село в распоряжение Революционного штаба товарищей... Серго Г. К. ...Безработного [Д. З. Мануильского] ... Воскова...»

Однако с этим паровозом Семен в Красное Село не выехал. Очевидно, Подвойский имел на Воскова особые виды. Вернувшись в Смольный из штаба округа с заседания Военной организации уже в качестве командующего фронтом борьбы с войсками Керенского — Краснова, он коротко пересказал дожидавшимся его людям, что было решено на совещании. Передал указание Владимира Ильича: «Необходимо пробиться в тыл красноводам самым смелым, решительным и мужественным молодым рабочим и матросам с тем, чтобы они взяли в свои руки инициативу организации там всех солдатских масс».

...И снова Восков проникал в казачьи части Красновода, выступал на митингах, рассказывал правду о событиях в Питере. Его не раз задерживали казачьи офицеры и не раз спасала от пули солдатская масса.

Буквально за час до сражения Семен примчался к своим сестроречанам под Пулково. Собрал на позиции молодых бойцов, показывал им, как надо на ходу перезаряжать винтовку, как орудовать штыком. Шутил:

— Не взмокнешь — не победишь: победа потом и солью пахнет.

И, когда цепи защитников революции двинулись с Пулковских высот на ошеломленных, растерянных, никак не ожидавших этого штурма казаков, Восков бежал впереди своих сестроречан:

— Товарищи, не подведите! Только вперед!

Контрреволюция потерпела и военный провал, и по-

литический: на фронтах огромной протяженности — от Северного до Юго-Западного — ей не удалось отыскать частей, готовых за нее до конца сражаться.

Вот и еще одна победа. Позади еще один день революции. Уже шесть суток Семен Восков почти не смыкал глаз...

ПРАВО КОМАНДОВАТЬ

Емейный пикник обещал быть удачным. И погода удалась: солнце вызолотило дорогу к берегу Разлива, устланную листвой, играло хрустальными брызгами на тонких пролежнях утренней изморози у стволов столетних сосен. Даня торжественно нес впереди модель яхты — поделку и подарок отца. Но пикника не вышло: встретились с Восковым братья Емельяновы — Иван и Василий, сообщили, что мчатся в Ольгино, где обнаружен склад с оружием. Восков неловко потоптался, Стася потрянула головой:

— Пикник продолжим сами, поезжай с товарищами, Восков.

...Забот у председателя завкома было с избытком. Уже в середине ноября ВЦИК, который возглавил Я. М. Свердлов, утвердил «Положение о рабочем контроле». Новые широкие возможности получили завкомы. Вместе с группой большевиков и рабочим активом Восков разработал и представил Советскому правительству предложения по национализации завода, которая была осуществлена 17 января 1918 года. Составлялся план «демобилизации» завода. Время было трудное, люди мечтали о детских кроватках, самоварах, кастрюлях... Восков лично входил во все детали, поддержал

идею переоборудования одной мастерской для ремонта автомобилей, одобрил наметки по выпуску сверл, посуды, конторской и школьной мебели. В начале декабря было обнародовано обращение Совнаркома «Ко всем товарищам рабочим России» о переходе к производству предметов мирного обихода. Семен Восков, в третий раз избранный председателем заводского комитета, разъясняет смысл переориентации завода, собирает вокруг новых планов инициативных, думающих инженеров, рабочих, мастеров. Кто-то из его помощников подметил, что к проекту задания он приписал: «Производство винтовок оставить без изменения». На вопрос засмеялся, успокоил товарищей:

— Будут вам и кастрюли, и мебель. Совместим с винтовочками. Без них революцию, дорогие товарищи, оставлять боязно. Согласны? Враги у нас еще не перевелись.

17 февраля завком упразднил должность начальника завода и решил «взять на себя руководство всеми, как административными, так и хозяйственными делами...».

Не раз Сестрорецкий завод посещали корреспонденты иностранных газет, аккредитованные в Петрограде, не раз бывал здесь после Октября и Джон Рид. Приехав с Луизой Брайант и представив свою жену Семену и Стасе, Рид укоризненно сказал:

— Самуэль, как же вы не сообщили, что здесь создается настоящее чудо?

— Дорогой Джон,— смеясь, ответил Восков.— Око за око... А почему это вы, зная, что я врываюсь в Инженерный замок в поисках заговорщиков, встретили меня на улице — и ни слова о том, что побывали у них на нелегальной квартире по Невскому, восемьдесят шесть?

— Восков,— Рид был изумлен,— кто вам дал их адрес? Я просто не знал, что он вам нужен...

— Мистер Восков,— заговорила Луиза Брайант.— Я

бы хотела лучше узнать о положении женщины, ее правах... Некоторые мои коллеги распространяют небывлицы на этот счет. Как у вас в Сестрорецке решаются эти вопросы?

Вместо ответа он познакомил гостей с молодыми работницами, со своим другом Сашей Андреевым и его женой Лидой, предложил присмотреться к укладу этой семьи, к их интересам.

...Возможно, Луиза Брайант вспомнит свои встречи в Сестрорецке, когда перед сенатской комиссией Овэрмена бескомпромиссно заявит: «Я никогда не была ни в одной стране, где бы женщины были так свободны, как в России...»

...Возможно, Альберт Рис Вильямс именно на основе своих многих встреч и бесед с Восковым и его единомышленниками спустя всего год с небольшим после Октябрьского вооруженного восстания с полемическим азартом будет говорить все перед той же комиссией Овэрмена: «Почему же русские так преданы Советам?.. Советы дали народу... то, в чем он нуждается не меньше, чем в хлебе. Впервые в жизни у народа появилась организация, понятная и близкая ему, организация, где самый маленький человек может сказать все, что думает...»

Скоро корреспонденты иностранных газет разъедутся по домам, но пока они еще в Петрограде, охваченном новой тревогой. Кайзеровская Германия, воспользовавшись авантюристическим шагом Троцкого, сорвавшего переговоры в Брест-Литовске, вероломно нарушила перемирие и 18 февраля развернула наступление по всему русскому фронту.

Призывными гудками был охвачен город на Неве. Рабочие приходили на митинги с винтовками. Во главе петроградского Комитета революционной обороны встал Свердлов.

21 февраля, в день написания Лениным декрета-обращения «Социалистическое отечество в опасности!», в Смольном и у его подъездов, как и в дни Октябрьского вооруженного восстания, собрался весь цвет питерского пролетариата. Было созвано экстренное заседание Перросовета, на котором присутствовал и Восков. Получив все нужные разъяснения, он сразу же вернулся на завод. Тревожный гудок собрал в предрассветный час оружейников в заводском дворе.

— Мы взяли власть в свои руки и готовы защищать ее до последней капли крови,— энергично сказал Семен.— Тот, кто честен и верит в революцию, должен сейчас же взять винтовку и пойти с нами на врага.

Свердлов высоко оценил самоотверженный порыв сестрорецких оружейников: «...формируем и отправляем отряды Красной Армии,— сообщал он в редакцию «Известий».— Подъем в рабочих районах большой. Один Сестрорецкий завод отправил сегодня 1000 человек».

В ожидании приказа о выступлении отряд сестрорецких рабочих временно разместился в Новочеркасских казармах на Охте. Для Воскова эти дни 24—25 февраля совпали с проведением первого губернского съезда Советов, который избрал его в исполком и поручил возглавить Комиссариат по делам земства. В перерывах между заседаниями он мчался на Охту, собирал своих бойцов, рассказывал им, что происходит на съезде, в городе, на фронте. «Он не был формально назначен командиром отряда,— вспоминал большевик Александр Андреев,— но он был нашим командиром по духу, по той высокой ответственности, которую он возлагал на себя».

...Поступил приказ: сестрорецкому отряду выступить на Карельский перешеек, на защиту рубежей города и для помощи финским красногвардейцам. Путь предстоял до станции Рауту, где засели белофинны и откуда они грозились перерезать железнодорожную ветку. Выборг — Петроград. Пятьсот защитников революции за-

нимали вагоны, поданные на Финляндский вокзал. Вместе с ними отправлялись в бой финские рабочие, москвичи, уральцы.

Вагоны им дали классные, с широкими окнами, а на окнах — фланелевые занавески, на которые уже позарился один боец, все искавший портянки. Семен жалостливо посмотрел на него — так, что парень в комок сжался, — и ласково предложил:

— Так ты, милый, уж заодно и фуфайку себе из второй занавески пошей, раму оконную разбери — домой прихватишь... Вот такой интернационалист и поедет на помощь финским революционерам...

Парень не знал, куда деваться от хохота товарищей, даже заревел от отчаяния, а Восков вдруг тихо сказал:

— Анархия и жадность — не спутницы победы. Запомните это.

Эшелон прибыл на станцию Рауту поздним вечером, мороз был трескучий, градусов за тридцать. Белофинны держали станцию под прицелом пулеметов и не давали залегшим у состава красноармейцам поднять головы. Невыгодные позиции, отсутствие в отряде лыж, слабое знание местности поначалу тревожило. И здесь проявился незаурядный талант Воскова-организатора, сумевшего быстро наладить связь с финскими красногвардейцами, разыскать в отряде ребят, немного понимающих по-фински, создать объединенный штаб, вместе с командирами подразделений Федором Грядинским, Степаном Степановым, Аркадием Кочергиным выработать общий тактический план.

Первый из командиров должен был отвлекать противника с фланга, пока второй со своими бойцами шел напрямик на село. Но белофинны неожиданно ударили по правому флангу, и отряду Степанова ничего не оставалось делать, как ринуться на помощь соседу. «Лыж не было, — писал в своих воспоминаниях С. Ф. Степанов, — снег выше пояса. Продвигались по канаве вдоль

дороги. Нам все же удалось пройти незамеченными и без потерь, несмотря на то что дорога простреливалась. Когда мы приблизились к сотне Грядинского, Восков выпрямился во весь рост и, взяв винтовку наперевес, с криком «Вперед! За революцию! Вперед!» поднял бойцов в атаку. Белофинны не ожидали такого натиска и отступили...»

Село несколько раз переходило из рук в руки. Бои на холмистой местности, где белофинны знали каждый бугорок и каждую низинку, затянулись. Но с каждым днем отряд сестроречан набирался опыта, «вживался» в местность.

Восков регулярно обходил все засады, группы, учил необстрелянных бойцов отбиваться от противника, предупреждать его вылазки и хитрости. К вечеру Семен обязательно добирался до объединенного штаба, договаривался о действиях на завтра, возвращался к ночи. Все попытки белофиннов захватить станцию оканчивались неудачей. Однако и сестроречане несли потери. В отряде запомнили, как был тяжело ранен паренек, недавно избранный в завком. Восков немедленно отрядил двух пулеметчиков доставить раненого в походный лазарет, хотя и понимал, что отряд на четверть часа остается без прикрытия. Трогательно просил Восков сделать для паренька все возможное.

«Мы прозвали Семена Петровича между собою «скользящий военачальник»,— рассказывал много лет спустя А. А. Андреев.— Он обладал удивительной интуицией выбирать для себя самые боевые участки, скользя на лыжах или просто ползком незаметно вливаться в атакующую группу и в нужный момент личной храбростью или неожиданным маневром, к которому легко присоединялись остальные, выигрывать позицию». «А мы, тогда рабочие девчонки,— вспоминала начальник санотряда в Рауту М. Н. Грядинская,— больше оценили высокую человечность своего председателя завкома. Он

помнил, как вела себя в бою каждая из сорока наших санитарок, и если видел, что кто-то дрогнул, не корил, а спокойно и добродушно объяснял, как топят страх».

Белофиннам так и не удалось захватить станцию и перерезать железнодорожную ветку. Из Питера на смену сестрорецкому отряду прибыли свежие силы. Семен на обратном пути говорил своим бойцам:

— Смотрите, как многое мы выиграли. Первое — научились воевать. Второе — приобрели новых друзей, финские революционные рабочие не забудут нашей помощи. — Скосил взгляд на бойца, которого корил за фланель. — Ну, и организованности у нас прибавилось. Я заметил, товарищ, как ты стрелял. Неплохо стрелял. Ну как, лежит у тебя еще глаз на эти чертовы занавески?

— Не лежит, Семен Петрович, — смеялся со всеми боец.

„В СОБСТВЕННОСТЬ ПРЯМЫХ НАСЛЕДНИКОВ“

оллегиальное управление заводом — молодой директорат — выручала копилка обычной житейской мудрости, другого опыта не было. Работы — невпроворот. Между тем присутствия Воскова требовал и большевистский райком, и ПК, и ВЦИК, в состав которого его избрали...

Звонок из Петрограда круто повернул его жизнь. Говорил Павел Пахомов*, вошедший вместе с Восковым

* П. Л. Пахомов (1890—1943) — активный большевистский пропагандист, член РСДРП(б) с 1911 г., руководитель рабочих б. Франко-Русского завода, участник штурма Зимнего дворца и обороны Петрограда.

в Коллегию по управлению губернией. Агитатор-самородок, бескомпромиссный с врагами, Пахомов с товарищами был по-крестьянски застенчив.

— Не наскучил тебе Сестрорецк? — мягко спросил он. — Попрощался с сестроречанами?.. Нет еще? А меня на кого оставил в губисполкоме? На бывших земцев и правых эсеров?.. — Помолчал. — Свердлов напоминает, что ты был кооптирован в губисполком от нашей партии еще в декабре...

Восков понял, что раз уж трудяга и молчун Пахомов жалуется, значит, дела в губисполкоме шатки и тянуть с отъездом дольше нельзя. Семен созвал завком, объяснил положение дел, просил распределить заново обязанности.

— Столько всего пережито... Товарищи, дорогие, я надеюсь на вас. Чтоб все как раньше!

Стася, уложив его чемодан, сказала просто:

— Семен, у меня к тебе просьба. — Первый раз она назвала его по имени, и он понял, что дело серьезное. — Я попросила Держинского принять меня. Ты знаком с Феликсом Эдмундовичем?

— Мы видимся в Смольном, вместе сидим на заседаниях...

— Я хочу работать под его началом. У меня сильная воля, Семен. Расскажи ему про меня.

Восков, видимо, этого не ожидал. Несколько озадаченный, он сел на чемодан, потер бритую голову, кивнул.

— Я знаю, Восков, ты сейчас думаешь о детях. — Стася закусил губу, боясь расплакаться. — Мы с тобой что-нибудь предпримем. Я найду какую-нибудь старушку...

— Не оправдывайся, — мягко остановил он ее. — Есть натуры, которые могут и должны проявлять себя на большой и опасной работе. Ты из таких, Стася. — Помолчал. — Пока я в Питере, дети будут иметь уход.

Я слышал, в Лахте создается детский приют. Не торопись, подумаем.

...Впервые за много лет его одолела бессонница. Стараясь не скрипнуть половицей, встал, взял со стола приготовленную стопку брошюр, две книги, спустился в кухню, зажег фитилек лампы, зашуршал страницами. Тринадцатый день революционной власти. Предсовнаркома Ленин выступает с обращением «К населению»: «Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании... производства или в скрывании запасов хлеба...» Это надо помнить, переходя на работу в губернию! Так, и это — Советской власти почти полтора месяца: «Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и каждый пролетарий, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя руководителем и повести за собой массы».

На его склоненные над столом плечи легли мягкие женские руки:

— Восков, тебе осталось спать три часа...

...В комнатах губисполкома, расположившегося в бывшей губернаторской канцелярии на улице Глинки, царила тишина. Старичок швейцар, с благообразной, доходившей ему до пояса бородой, широко распахнул перед Восковым тяжелую зеркальную дверь.

— С возвращеньцем, Семен Петрович.

Швейцар помнил Воскова еще по январским дням, когда сформировался первый состав исполкома. Люди ходили из комнаты в комнату, не зная, с чего начать. Восков сразу поставил вопрос о ликвидации изжившего себя земства, о концентрации власти на местах и экстренной необходимости взять под контроль все складированное в пригородах и губернии продовольствие, не

боясь посягнуть на личные запасы имущих. Эсеро-меньшевицкая фракция губисполкома, составлявшая большинство в первом его составе, подвергла предложение Семена обструкции. Прошла неделя-другая, конкретную программу обследования складов, пакгаузов и подъездных путей выдвинул в ультимативной форме перед Петросоветом и продовольственными органами столицы Ленин. Восков совместно с Бадаевым* и группой большевиков продовольственной управы принял участие в работе «Совета десяти», который тайно подготовил в январе широкую реквизицию продуктов. Большевицские позиции отстаивал вместе с Семеном рабочий Ямбургского уезда Павел Пахомов, который возглавил работу Коллегии по управлению Петроградской губернией — органа, созданного Смольным в параллель губисполкому для скорейшей советизации отдаленных уездов и волостей. Сколь ни скромны были результаты первоначальных усилий обоих этих людей — организаторов Петроградского губсовета первых созывов, но они оставили заметный след.

И вот теперь, после слияния коллегии и губисполкома, Восков и Пахомов вновь встретились. На одном из первых заседаний губернского исполкома был вынесен вопрос о поддержке борьбы партии за Брестский мир. Восемнадцать глубоко аргументированных выступлений Ленина на VII съезде РКП(б), последовательная и мужественная борьба большевиков за выход революционной России из войны, решительное отражение ленинцами наскоков «левых коммунистов» с их фарисейским лозунгом «революционной войны» и демагогии Троцкого о «капитуляции» революции вызывали восхищение ис-

* А. Е. Бадаев (1883—1951) — популярный большевицкий вожак Невской заставы, депутат питерских пролетариев в IV Государственной думе, председатель первой большевицкой Центральной продовольственной управы.

тинных патриотов и все новые нападки авантюристов всех мастей и откровенных контрреволюционеров.

Заседание открылось сообщением Пахомова, он сделал обзор работы съезда партии, предложил одобрить ленинскую позицию. Не успел закончить, как на трибуну поднялся левый эсер, начал разглагольствовать о том, что победивший народ, дескать, достоин лучших условий мира...

— Да хватит вам водить людей за нос, — не выдержал Восков. — Ленин метко окрестил вашу позу коротким словом «шляхтич», для которого мир — позор, война — честь. «Они рассуждают с точки зрения шляхтича, — сказал Ленин, — а я — с точки зрения крестьянина».

Эсер снова забубнил о победившем народе, и Восков осадил его:

— Дайте же победившему народу и сказать. Есть здесь крестьяне — пахари, огородники, коровницы? Вот пусть они и говорят.

И люди заговорили.

...При голосовании все крестьяне — члены исполкома — поддержали ленинскую позицию по вопросу Брестского мира. По дутому авторитету эсеров, любивших величать себя защитниками крестьянских интересов, был нанесен чувствительный удар.

...Стасю Семен не видел, звонил в Сестрорецк, узнал, что дети здоровы, попросил товарищей навести справки, нет ли свободных мест в Лахтинском приюте. Собирался навестить детвору, но переезд правительства в Москву прибавил дел. Петроградские большевики спешно формировали исполнительные органы Петроградской трудовой коммуны. Среди ее организаторов и первых руководителей вместе с Калининым, Луначарским, Володарским, Урицким и другими видными деятелями партии был и Семен Восков.

Эсеры и меньшевики, входившие в губисполком, прилагали отчаянные усилия, чтобы перетянуть на свою сторону крестьянство. Перед партией, рабочим классом, как писала «Правда», встала задача «помочь трудовому крестьянству осознать несовместимость его классовых интересов с интересами деревенской буржуазии...»

6 апреля 314 посланцев губернии собрались в Смольный на открытие своего съезда. В первый же день работы представители мелкобуржуазных партий, нарушив предварительную договоренность о паритетных началах формирования президиума, пытались проташить в него побольше своих сторонников. Меньшевик Дементьев потребовал два места для некой «беспартийной крестьянской группы». Председательствовавший на заседании Восков проявил высокое партийное чутье, искусство организатора, полемиста, вскрыл уловки соглашателей, привлек на свою сторону большинство аудитории.

— Среди так называемой беспартийной группы,— говорил он под смех зала,— так много старых знакомых — меньшевиков и правых эсеров.

— Мы всегда готовы предоставить место беспартийной прослойке,— парировал он язвительные реплики с мест,— но не тем деятелям, которые влезают в эту группу и контрабандой хотят проводить свои обанкротившиеся политические идеи.

Когда меньшевистски настроенные делегаты стали провокационно заявлять об «ущемлении крестьянства», Восков расхохотался и вывел их на чистую воду:

— Странно также, когда эта группа называет себя «крестьянской». Я хотел бы знать, кто здесь дворяне и кто крестьяне... Мы никому не позволим,— заявил он под аплодисменты зала,— по фальшивым паспортам пролезть в президиум.

Восковская фраза — «кто здесь дворяне и кто крестьяне» — стала расхожей.

Делегаты проголосовали за список президиума, предложенный межфракционным совещанием большевиков и левых эсеров. Меньшевики и правые эсеры цеплялись за малейший повод, чтобы сорвать работу съезда, и председателю приходилось все время быть начеку. Восков выступал по земельному и по продовольственному вопросам. Он вскрыл существо особых притязаний вновь вылезшей «крестьянской группы», отстаивавшей интересы кулаков. Резолюции большевиков о создании «энергичной революционной власти» для объединения всех северных губерний, о поддержке внешней политики Советского правительства, о переходных мерах для помощи беднейшему крестьянству, коммунальном пользовании земельными наделами, о строгом распределении местных продуктов «только среди голодающего населения» и ряд других были одобрены съездом. Обращаясь с напутствием к делегатам, Восков оттенил символическое значение их работы:

— А ведь это здорово, товарищи, что дом по улице Глинки, принадлежавший петроградскому дворянству, съезд объявил собственностью прямых наследников — крестьян Петроградской губернии!

Избранный съездом губернский исполком, первый представительный высший орган власти трудящихся села, избрал своим председателем большевика Семена Воскова. Его новые противники уже успели почувствовать восковскую напористость, умение провести в жизнь захватившую его идею. На первом же заседании, напомнив о ленинском воззвании «К населению», Восков предложил послать в губернию за продовольствием отряды рабочих, вооруженных для своей защиты. Раздались свистки, возгласы эсеров:

— Это смахивает на грабеж!

— Мы оповестим печать! Мы умываем руки!

Восков с тихой яростью в голосе предупредил крикунов:

— Если вы не хотите вместе с нами спасти голодных рабочих, крестьян и их детей — уходите вон из исполкома!

Губисполком под председательством Воскова окончательно упразднил земство, повел борьбу за сплочение бедноты. За довольно короткое время, писал один из членов исполкома, «губисполком, начавший свою работу со штатом из одного швейцара, развернул работу восьми отделов с охватом всей жизни губернии».

При организации Петрокоммуны, еще до слияния ее с Союзом коммун Северной области, на Воскова были временно возложены обязанности комиссара Петроградского военного округа. Политическое воспитание защитников Республики Советов, формирование новых частей требовали частых разъездов. Вместе с А. В. Луначарским, Б. П. Позерном, С. И. Гусевым, которые много сил отдавали укреплению боевого духа в частях молодой Красной Армии, комиссар Восков регулярно бывал в казармах и на стрельбищах. В марте он побывал на форту Ино, который был одним из ключевых в Финском заливе и образно назван Лениным «защитой Петрограда». Митинг на острове, ставшем объектом притязаний и нападений врагов, вылился в организацию еще одного отряда регулярной Красной Армии.

Авторитет Воскова в войсках был высок. Недаром глава миссии американского Красного Креста в России Раймонд Роббинс в телеграмме, посланной 4 апреля 1918 года в Вологду послу Фрэнсису, сообщал, что, пока люди типа «командира Красной гвардии Воскоффа — личного моего друга, человека храброго и настойчивого...» находятся у руководства защитой Петрограда, можно не сомневаться «в стабильности» ситуации.

Пахомов и Восков готовили очередной декрет губисполкома. Затрещал телефонный аппарат. Семен взял трубку.

— Восков, — услышал он Стасин голос и даже

вздрыгнул от радости.— Здравствуй, Восков. Разминулись мы с тобой. Я пришла в губисполком, а ты уехал на форт. Вызывают в Москву... Словом, еду. Спасибо, что переговорил с Феликсом Эдмундовичем, ну и... Ты — настоящий человек, Восков.

— Как дети? — спросил он неожиданно севшим голосом.

— Дети со вчерашнего дня в Лахте. Твои товарищи о них позаботились,— с грустью заключила.— Видишь, что бывает, когда в семье две личности с революционными наклонностями...

— Все идет как надо,— прервал он жену.— Очень жду тебя.

Голос Стаси замолк, но он еще долго прижимал к уху телефонную трубку.

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ

Луначарский никак не мог дозвониться до Воскова. В шестом часу вечера его вновь соединили с Комиссариатом продовольствия, ответил помощник Семена:

— Компрод ну вот минуточку назад с вокзала мне позвонил. Махнет в Тихвин. А у вас к нему какое дело, товарищ наркомпрос?

— Дело у меня щекотливого свойства.— Луначарский прокашлялся.— Хотел посоветоваться с комиссаром, не сумеем ли подкормить артистов... Бедствуют.

Помощник комиссара для приличия тоже кашлянул:

— Это может решить один Восков. Но наперед скажу — в нынешнем месяце скорее всего откажет. Разве что из фонда овощей...

— Спасибо за справку.— Луначарский помолчал и повесил трубку.

А Восков в это время, зажатый на верхней вагонной полке между мужиками, еще умудрялся что-то записывать в блокнотик огрызком карандаша. Как хорошо знали этот карандашный огрызок многочисленные ходки в Комиссариат продовольствия из восьми голодных губерний Союза коммун Северной области. Как разглаживались морщины и улыбками высветлялись лица крестьян, когда на свет появлялся этот карандашик, а за ним и восковские резолюции: «Выдать из семенного», «Проверить на месте». И характерный росчерк: «Облкомпрод Восков».

Облкомпрод... Он все мечтал вернуться к своим сестроречанам. А тут позвонили из Москвы — вызвали к Свердлову.

Свердлова ждали с минуты на минуту. В приемной Председателя ВЦИК — столпотворение. Семен с трудом проталкивался к столу секретаря, выкликавшего какие-то фамилии, урезонивал недовольных:

— Не сердчай, браток, по вызову я... Эй, Балтика, ты что это в пол врос, не лимонкой же такой крейсер сдвигать...

Стремительно вошедший Свердлов сразу заметил Воскова:

— Как хозяйство, Семен Петрович? Людей кормишь?

Восков помрачнел. Тощая восьмушка хлеба в день — вот почти и весь паек питерцев. «Хлеба нет,— очень жестко оценит вскоре бедственное положение Петрограда В. И. Ленин в телеграмме всем губсовдепам и губпродкомам.— Выдаются населению остатки картофельной муки, сухарей. Красная столица на краю гибели от голода. Контрреволюция поднимает голову...»

— Паек, Яков Михайлович, убывает,— признался

Восков.— Хлебную политику проводим твердо, наши партийцы делают все возможное, но...

— А чтобы ты и невозможное сделал, Семен Петрович,— раздельно, будто диктуя телеграфную депешу, отчеканил Свердлов,— есть мысль поручить тебе Комиссариат продовольствия Союза коммун Северной области. Возражения спрячь. Товарищ Ленин приравнивает борьбу за хлеб к борьбе за Советскую власть. И Петербургский комитет, и ЦК согласны с твоим назначением. Будем рекомендовать съезду Советов, а к делу приступай завтра с утра.

Крепко пожал ему руку.

— Будь напорист, зерно береги, умей считать. Про детей помни. Своих-то часто навещаешь? Как они?

— Неделю назад вроде бы здоровы были...

— Да, личная жизнь нам трудновато дается. Но, думая об интересах народа, нельзя начисто перечеркивать свою семью, свои радости. Так можно и зачерстветь, Семен Петрович. Ну-с, открывай хлебную баталию.

6 апреля Восков начал выполнять обязанности компрода. 26 апреля съезд Советов Северной области, на котором он председательствовал, провозгласил объединение восьми губерний России в новый административно-хозяйственный регион — Союз коммун. Семена избрали комиссаром продовольствия.

Твердо проводя в жизнь ленинскую продовольственную политику, Восков не признавал компромиссов, яростно отражал наскоки эсеров:

— Да, если надо — силой, но мы произведем строгий учет всех продуктов. И не пугайте нас тем, что это, мол, покушение на завоевания революции, на свободу... Мы не собираемся заниматься дискуссиями, когда приходится спасать людские жизни.

Терпеливо разъяснял на всевозможных совещаниях в Питере и на местах:

— Мы считаем основным установление строгой государственной монополии на главные продукты потребления. В вопросе о хлебной монополии не может быть двух мнений.

«...Сотни рабочих, красноармейских делегаций... сотни ходоков,— вспоминал сотрудник компрода.— Нас — двое, Восков с походной печатью в кармане, один секретарь и одна машинистка. Написанные Восковым химическим карандашом несколько слов имели магическое действие... Его ловили вне здания, на улице, в автомобиле, в Смольном, в вагоне, во время поездок». И, неизменно улыбчивый, добродушный, «походной печатью и химическим карандашом он творил чудеса». Семена можно было вызвать в глушь на крестьянский митинг письмом, телефонным звонком, телеграммой. «Казалось,— писал очевидец,— он весь был соткан из быстроты и решительности».

В Тихвин Семен выехал, прослышав про злостные слухи, пущенные кулачем о продразверстке, про волнения среди неустойчивой части крестьянства. Разговорился с соседом по вагону, все подробно выпросил, записал, отыскал среди пассажиров молоденького активиста сельсовета из-под Тихвина, попросил охарактеризовать настроение местных жителей.

— Товарищ Восков,— робко сказал паренек.— Настроение такое, что могут из-за угла пукнуть.

— Это ты брось,— оборвал его комиссар.— Стреляют люди с отчаянья, а наша задача до отчаянья их не допускать, разъяснить им политику Советской власти. Придем — собери верных ребят...

Поезд застрял на какой-то станции, Восков вышел из вагона. Не прошло и десяти минут, как вокруг него собралась толпа мужиков. Он встал на чей-то сундучок. Взяли его в оборот мужики. Но и Семен за словом в карман не лез:

— Ты к чему, дядя, призываешь? — спрашивал он

речистого крестьянина, который все жаловался, что комитеты бедноты считают зерно, а детишкам от этого не легче — пухнут с голодухи.— Много царь Николашка и его подручные про твоих детей думали? Или за день хочешь светлое царство социализма на своей разоренной земле построить? Так не бывает, дядя. А ты бы лучше помог власти зерно собрать да подсчитать, жуликов и хапуг на чистую воду вывести. Глядишь, и детишкам больше перепадет.

К нему подошли три парня, решительно заявили:

— Поедем с тобою в Тихвин, товарищ комиссар. Тебе с нами спокойнее будет, да и поможем.

Вот что писал в «Петроградской правде» очевидец его выступления перед тихвинцами: «Одетый в рабочую куртку, в кепке, тов. Восков подымается на крышу одного из ларьков на площади. Простым языком тов. Восков говорит о трудном моменте, который приходится переживать Советской России. Мещанско-буржуазная масса пыталась прервать речь тов. Воскова, устроить ему кошачий концерт. Кто-то закричал. Народ шарахнулся в сторону. Тов. Восков спокойно стоял на своем месте, сказал: «Вы меня не собьете» — и стал продолжать речь. Наступила тишина. Со вниманием слушали первого выступавшего в Тихвине рабочего комиссара. Пытался один из меньшевиков возражать, заговорил о свободе торговли, но это казалось лепетом ребенка».

Еще долго после митинга он отвечал на вопросы.

— А у нас, мил человек, — пожаловался крестьянин из Шугозера, — лавочники на хлебушко цены назначают не по-божески.

Восков посерел лицом, подозвал к себе волостного продкомиссара.

— Ты... вот что... — медленно расстегнул кобуру, извлек наган и, перехватив ужас на лице стоявшего перед ним работника, успокоил его, но насмешки не скрыл: —

Забери-ка у меня оружие. Негоже при оружии выходить из берегов. Но и брехней заниматься нельзя. Это я про телефонный звонок ко мне в Питер. Сбрехнул, что прижал спекулянтов? Сбрехнул, да?

— Ошибка вышла,— еле выдавил из себя волостной комиссар.

— Так вот,— Восков спрятал наган в кобуру,— я тебя под трибунал отдам, если ты еще хоть раз скроешь правду. Лавочников под ноготь возьми, чаще совет держи с мужиками. Имей в виду — проверю.

— Люди приходят, и все с одним,— жаловался другой волостной комиссар,— «Дайте хлеба!» А у нас с вами только печать...

— У нас власть. Хлеб не у меня в Питере, а здесь у вас — по ямам у кулачья гноится. Перетряхните свою волость, а сами не можете — попрошу моих сестроречан, помогут.

Помогли. И не только сестроречане: двухтысячный отряд питерских рабочих, коммунистов летом и осенью восемнадцатого года поработал в глубинках северных губерний с большой пользой.

...Дольше всех «пытал» комиссара председатель уездкома.

— Есть тут одна знаменитость, еще при Витте в министерстве по торговой части служил. Мужик башковитый.

— Так ты бы его комиссаром по продовольствию назначил,— улыбнулся Восков.

— Я бы и назначил,— смутился председатель.— Да вишь ты, Семен Петрович, титул он имел: титулярный советник. Черт его знает, побольше это графа аль поменьше...

— Поменьше,— успокоил его Восков.— Мы, большевики, не такие уж богаты, чтобы толковых людей терять. Про писателя графа Толстого слышал, небось? Попы его анафеме предали, а для Ленина Толстой — люби-

мый писатель. Так-то, браток. Не все прошлое — бывшее.

Вернувшись в Петроград, Восков позвонил прямо с вокзала в свой комиссариат, узнал новости. Будто извиняясь, объяснил:

— На часок задержусь... К детишкам съезжу...

Начальница детского приюта, узнав Воскова, побледнела, потом расплакалась.

— Детишкам вашим уже лучше,— вымолвила сквозь слезы.— А Женечка вчера даже по ступенькам прыгала. Делаем что можем, Семен Петрович. Нормы питания сами знаете какие...

— Знаю,— сказал тихо.— Ни в чем вы не виноваты, Анна Николаевна. Пришлите сюда моих.

Женя, завидев отца, кубарем скатилась с лестницы, обхватила его за шею, звонко закричала:

— Папка приехал! Значит, переезжаем!

Витя, на полтора года постарше,— ему шестой шел,— долговязенький, с тонкой, просвечивающей кожей, очень похожий на отца, спустился, напротив, медленной, нетвердой походкой, держась за перила, чувствовалось, что каждый шаг дается ему с трудом. Даня, тоже вытянувшийся, без кровинки в лице, его поддерживал.

— Что, папа, к себе нас берешь? — спросил Даня.

— Куда это «к себе»? — глухо откликнулся Восков.— Кочка у меня в общежитии. Когда я в поездках, кто-нибудь ее занимает.

Погладил дочь, потрепал за светлый вихор Витю, спохватился, полез в карман, достал горстку карамелек, неловко протянул детям.

Навестив как-то с Семеном его детвору, Альберт Вильямс отметит для своей будущей книги удивившее его обстоятельство в характере Воскова: «...он никогда не принесет домой ни одного лишнего куска хлеба, хотя знает, что дома его встретят голодные глаза детей. Дети

получают по восьмушке хлеба, испеченного из муки пополам со жмыхом».

...Из приюта Восков проехал в губисполком, оттуда — в свой комиссариат. Помощник яростно отчитывал кого-то по телефону и тут же кому-то подписывал бумаги.

— Ловко работаешь, Пучков, — засмеялся Восков. — Гляди только не промахнись, не отпиши кулаку бахчу...

В маленькой комнатке, выходявшей окнами на Неву, поднялся смех, Воскова окружил десяток людей, они размахивали накладными, квитанциями, сводками, называли какие-то цифры, деревеньки, имена. Комиссар громко сказал:

— Печатку буду ставить в полной тишине.

Когда смолк шум, осмотрел посетителей, заметил в углу седоволосого человека в шляпе, закутанного в странное парчовое одеяние, похожее на поповскую рясу, с удивлением спросил:

— Вы не из церковников, папаша?

— О нет, — звучным густым баритоном ответил человек. — Этот костюм достался мне по роли, Шуйского пел в «Годунове». Представляюсь: солист оперы имени бывшего принца Ольденбургского — ныне народной сцены... Имею реляцию.

— О них Луначарский звонил, — пояснил Пучков. — Я сказал, что в апреле мы без резерва...

Восков проглядел прошение, нахмурился. Да, Пучков, объяснил ты точно...

Солист набрал воздух и раскатисто спел гамму.

— Разве это «ля»? — насмешливо спросил он. — Дайте мне кусок хлеба или, на худой конец, брюквы, и я вам своим «ля» стены взорву... Голоса пропадают, товарищ народный комиссар продовольствия!

Восков долго листал свой блокнотик, сверился с цифрами, вздохнул:

— Ну что ж, брюквы и свеклы, пожалуй, немного

выделим. Чтоб голоса не пропали. Искусство — хлеб духовный, надо и о нем заботиться.

Посетителей принимал дотемна. Телефон звонил непрерывно: «Отказываю вам, Северодвинск. Без сводки и цифр разговор у нас не получится», «Чем помочь? А вы сами себе, лужане, помогите. В уезде сотня речек, озера, рыбу ловите, ребят приспособьте, подростков...».

Когда поток людей схлынул, примостился в углу вместе с группой большевиков из уездов. Тщательно расспросил о людях, которых они рекомендуют на посты комиссаров продовольствия уездов и волостей. Уже ночью приехал руководитель городской продовольственной управы, вместе обсудили разнарядку пайков на май. Бадаев был малоразговорчив, хмур, цифры его не радовали, спросил у Воскова, нельзя ли организовать дополнительный продэшелон для питерцев из-под Каргополя или с вологодской земли. Наконец Семен остался вдвоем с помощником.

— Вы как хотите, Семен Петрович, а я прямо на стульях лягу. Верите, трое суток без всякого сна...

— Ложись, ложись. Я тут резолюцию досочиняю...

Почти до рассвета составлял обращение ко всем работникам продовольственного фронта: «Предлагаю впредь в первую очередь заботиться о систематическом снабжении детских приютов и колоний и детей рабочих, живущих у родителей, сирот — молочными продуктами, яйцами, хлебом, мясом в ущерб жилищной части населения...»

Эти строки обойдут все петроградские газеты и лягут в основу решений специальных конференций по детскому питанию.

Заснул он прямо за столом, а в восемь был уже на ногах.

Заварил в своей походной кружке морковный чаек, выбрился, созвонился с Бадаевым, уточнил дневную

пайковую норму по городу и, заметив, что Пучков уже открыл глаза, посмеялся:

— С виду ты хлипкий, а храпишь — так штукатурка сыпется. Покажи материалы к чрезвычайному совещанию...

Это «продовольственное» совещание особой важности при участии городских и губернских организаций, проводимое по инициативе Комиссариата продовольствия Союза коммун, решено было созвать 12 мая. А за три дня до этого для всей страны телеграф отстучал непреклонный ленинский приказ: «Именем Советской Социалистической Республики требую немедленной помощи Петрограду».

Газеты подробно описали, какую «суровую отповедь сепаратистским тенденциям, выраженным в речах некоторых ораторов», дал на совещании Восков. ...Будто бомба взорвалась: большевики стоят за классовое распределение пайка, за усиленный паек «для работающих исключительно тяжелым, интенсивным физическим трудом». Грубые выпады эсеров Семен оборвал:

— Слышу голос контрреволюции. А именуется вы друзьями рабочих!

Полный текст резолюции, предложенный Восковым, был принят.

Пост комиссара требовал его участия в работе многих организаций: Семена ввели в президиум Совнархоза Северной области, назначили заместителем председателя Петроградской ЧК.

Как-то Вильямс принялся расспрашивать Воскова об отношении ЧК к «бывшим».

— Бывшие, они всякие бывают,— взглянув на собеседника, Семен рассмеялся.— В наши голодные, но счастливые дни новая власть проявляет необычайное великодушие... Хочешь, Альберт, по секрету расскажу. Я сидел у Урицкого, когда он принимал одного жалобщика. Отпрыск побочной царской ветви, он по декрету

не мог прожить в Петрограде, ныл, что не может никуда уехать, так как у него не осталось ни одного слуги. «Ну, это не беда,— сказал Урицкий,— вот он,— показал на меня,— обходитесь без слуг, я тоже обхожусь без них... Попробуйте и вы, поезжайте куда-нибудь, устройтесь на работу... Можно поработать и в огороде. Весна вон на носу».

— Я так просто мечтаю,— блаженно улыбнулся Восков,— поработать в саду, в огороде, с детьми змея запустить...

ЦЕНА ДОВЕРИЯ

В июне 1918 года был принят декрет ВЦИК и Совнаркома об организации комбедов и снабжении деревенской бедноты. Эти комитеты должны были оказывать содействие «местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев». От борьбы с помещиками партия перешла к исторически более трудной задаче — к «углублению социалистической революции в деревне».

Восков остро почувствовал, с каким предубеждением встретили это движение крестьянства соглашатели, до него дошла пущенная ими злая шутка — «комитеты деревенских лодырей», и комиссар не пропускал случая завязать бой за комбеды на крестьянских сходках и митингах.

— А вы думали, господа эсеры,— говорил он,— что мужичок-простачок и без вас — свинопас? Ан нет! Олонецкие бедняки другое записали в наказе комбеду: подчините всех мироедов под свое влияние; все бедняки в общую семью...

Ликующе размахивал Восков протоколом совместного заседания комбеда и Коростынского волостного Совета, что под Старой Руссой:

— Каков вызов нынешних землевладельцев бывшим! Какие словечки отыскиали: «...Аннулировать в пределах волости все документы на землю и этим выбить из рук частновладельцев козыри, на которых они разыгрывают контрреволюцию...»

Вернувшись с боевых позиций из-под Нарвы, куда он выезжал с отрядом сестроречан, Восков узнал, что эсеровская группа губисполкома протащила на председательский пост своего ставленника. Предупреждая маневры соглашателей, Семен со своими товарищами-большевиками всячески старался упрочить авторитет комбедов в волостях и уездах, затеял на заседании исполкома бой и добился решения о направлении на село учетчиков зерна.

— Крестьянин нас не поймет! — бесновались эсеры.

— Зато он хорошо понял голодуху! — парировал Восков.— Воззвание Ленина и Цюрупы к питерцам помните? В этот критический момент необходимы «десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, не способных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов...» Предупреждаю: обойдусь и без вашего согласия, контрольно-учетные пункты декретирую от имени комиссариата, но уж вас, голубчики, ославлю.

И вынудил их проголосовать за «красных учетчиков».

...Вечером 20 июня позвонил с вокзала в свой компрод и услышал взволнованный голос помощника:

— Семен Петрович... Беда! Володарского нет.

— Как нет? Что говоришь? — надрывался в трубку Семен.

— Стреляли в него между двумя митингами...

Семен сидел в комендантской лицом к окну, но не видел ни эшелона, стоявшего под разгрузкой продовольствия, ни людей, сновавших по платформе. Видел он перед собой молодое, тонкое лицо с пронзительным, насмешливым взглядом, слышал ровный, металлического звучания голос: «Третьего не дано...» Последний раз они встретились майским днем в трибунале. Семен заскочил туда, зная, что комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Союза коммун Володарский выступает в этот день обвинителем против буржуазных газет, клеветавших на Советскую власть. Он бросал в зал суда суровые слова: «Больше мы не можем позволить красть общественное спокойствие». «Его слово было резко потому, — скажет Луначарский, — что резало». «Суровый аскетизм, — скажет о друге Восков, — все время для партии, для рабочего класса...»

Удары врагов ожесточили Воскова. У него появилась еще большая острота восприятия, беспощадность в проведении продовольственной политики. Участник многих совещаний, которые вели Ленин, Свердлов, народный комиссар продовольствия Цюрупа, — Восков, по его собственному выражению, «кожей почувствовал», что крестьянина-бедняка нельзя изолировать от всей деревни, что интересы среднего крестьянства столь же дороги партии, как и нужды городских рабочих и деревенской бедноты, и что комбеды следует рассматривать, как «революционные органы всего крестьянства». Сын разорившегося селянина среднего достатка, он принял этот тезис разумом и сердцем и заявил на одном из совещаний продотрядов:

— Большевики гордятся тем, что донесли ленинскую мысль о союзе с середняком до глубинок. Товарищи, эта задача решается сложно, мучительно, мы несем жертвы, теряем прекрасных агитаторов, но мы не отступаем, потому что революция без хлеба захлебнулась бы.

Левые эсеры, прямо выступавшие против организации комбедов и потому под разными предлогами пытавшиеся изолировать их от середняков, буквально ополчились на комиссара продовольствия.

— Ай да артисты, ай да фокусники! — громил он их на сельских сходках и митингах. — При рождении комбедов вы злословили, что голытьба ни за что не революционизирует деревню. Не успел снег сойти, как она, оказывается, сама со всем справится и нечего ей с середняком брататься. Ну-ка объясните, что вас заставляет трижды на день менять маски!

А в день, когда из Пензенского уезда пришло тяжелое известие о зверском убийстве кулаками семи питерских продотрядников, Восков был страшен в ярости. Услышав, как на митинге эсеры пытаются объяснить этот случай «перегибами» местного комбеда, разоблачил их двурушничество:

— Вот чем ваши крапленые карты обернулись! Будь с ними середняк, черта с два выступило бы кулачье!

Как ни стремились оппоненты Воскова опорочить ленинские позиции по продовольственному вопросу, но смелый, логически безукоризненный доклад комиссара перед делегатами второй конференции РКП Северной области заставил на время умолкнуть и врагов.

— Сумеем ли мы наладить продовольствие? — летело в зал. — Да, сумеем. Рабочий класс сумеет справиться со всеми трудностями, которые стоят на пути к его освобождению.

В состав Северного областного комитета РКП, который возглавила Е. Д. Стасова, конференция избрала и С. П. Воскова. С энтузиазмом он участвовал в работе комитета по изданию агитационных листовок для жителей деревни и, по воспоминаниям современников, приложил руку к «Катехизису сознательного пролетариата»: «Добивай силу помещиков, капиталистов и кулаков у себя дома!.. С перин, с печей, с лежанок — рано

почивать на лаврах... Только жертвуя всем, даже жизнью, можно завоевать все».

По-прежнему он смело привлекал к работе в продовольственных органах и молодых, горячих ребят, которых отыскивал в глухих деревнях, и старых, повидавших виды агрономов, сельских учителей, ветеринаров. По-прежнему он колесил по уездам, особенно в середине лета, перед новым урожаем, когда классовая борьба между деревенской беднотой и частью среднего крестьянства, с одной стороны, и главной опорой контрреволюции — кулаками — с другой проникла, по определению Ленина, «в каждую деревню».

Узнав, что кулаки в Каргополе готовят восстание, Восков прихватил с собой одного комбедовца и собрался с ним в этот кишачий муравейник. Молодой олонецкий крестьянин, робкий и немногословный, поначалу стеснялся Семена.

— А ну, Валерий, сядь рядом! — улыбнулся Восков. — Отрезай от моей пайки кус хлеба, а я от твоего шмата сала полоской угощусь. Комиссара, комбедовец, тебе сторониться не след. Как мыслишь, комиссар — он кто? — И просто, легко сформулировал: — Комиссар — это кусок цемента для сплочения всего борющегося пролетариата. Ты — олонецкий хлебороб, а я — сестрорецкий столяр... так что давай не чуждайся.

От станции Няндомы, где они вышли с поезда, до Каргополя было верст восемьдесят. Наняли возчика. В крупных селах Восков останавливал телегу, беседовал с мужиками, дважды выступал на волостных съездах. Его спутник порой чувствовал, что большевиков здесь не очень жалуют, но вдруг только что укорявшие комиссара крестьяне начинали беседовать с ним по душам, забрасывали вопросами. «Мне было обидно, — рассказывал односельчанам олонецкий пахарь, — что я, вышедший из их среды, не пользовался таким доверием, которое оказывалось рабочему Воскову». Зашел у них по-

здним вечером разговор о том, почему любят мужики своего комиссара, почему доверяют ему. Восков сообразил, в чем корень вопроса, улыбнулся: «Полюбят и тебя, если будешь говорить простую правду».

...С горушки открылась им белокаменная громада церквей, обвитая пронзительно синей лентой Онеги. Медленно, будто нехотя, вековые широколапые ели приоткрывали пролески и дороги, бегущие к двухсрубным светлым домам с крупной резьбой по фасаду.

Каргополь встретил их настороженной тишиной. Город, где затаились кулаки и белые офицеры, ждавшие наступления Антанты, погружался в сумерки. Людей на улицах почти не было. С трудом Семен разыскал домик, где квартировал уездный комиссар продовольствия.

— Заходите, Семен Петрович,— шептал тот.— Будьте гостями, хотя, ежели по правде, плохое время для гостевания выбрали...

— Какое еще гостевание! — резко возразил Восков.— Приехал отчет с вас спросить и порядок навести.

— Кулачье свой съезд готовит,— все так же шепотом, поглядывая на печку, где спала хозяйка, продолжал уездкомпрод.— Офицерье в наших запросто стреляет. Обстановка невыносимая. Не знаешь, на кого надеяться...

— Обидно,— говорит Восков.— Чертовски обидно, товарищ комиссар, что вы умеете высматривать только врагов, а не друзей.

В дверь постучали.

— Кто до тебя приходил, Меланья? — крикнули пьяные голоса.— Не из центру?

— Вот видите,— шептал уездный комиссар.— Хозяйчики...

Вытащил браунинг. Но пьяные голоса уже удалялись.

— Так вот, товарищ комиссар,— как ни в чем не бы-

вало продолжал Восков.— Есть такая должность на земле — большевик. Она требует, чтобы в гуще людей узнавать не только врага, но и друга. С утра начнем эту работу.

А утром каргопольский продкомиссар был у военкома:

— Такая штука... Не понравился я ему, Антоныч. Не понравился — и вся недолга. Глаза продрал — ни следа.

— Я тебе покажу «ни следа», — схватился за голову военком. — Только проморгай мне Воскова!

Уездкомпрод нашел Воскова к середине дня на разъезде за десять верст от Каргополя. Восков сидел прямо на куче гравия, а вокруг него расположились мужики с мешками и котомками. Завидев уездкомпрода, Восков поманил его рукой.

Крестьянин с черной окладистой бородой мучительно долго пытался разобраться, зачем это товарищам большевикам понадобилось вводить хлебную монополию, свозить излишки хлеба в амбары распредпунктов. Восков дружелюбно спросил:

— Когда пяток малых рты за столом разевают, — дозволяешь им без команды мясо из горшка вылавливать?

— Ни-ни... И в урожайный год не допускал, — мужик затряс бородой. — Порядок должен быть в доме.

— Вот и мы, батя, в своем советском доме хотим навести революционный порядок, — спокойно разъяснял Восков. — Товарищ Ленин сказал, что голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатеи дают решительный бой господству трудящихся на самом важном и остром вопросе — о хлебе. Советская власть решила сама распоряжаться излишками хлеба — это ее право и ее долг. В этом — наше спасение.

Люди обдумывали его слова...

И снова он привез в уездный центр отряд молодежи, подобранный из его слушателей, прошел к военному.

— Дай ребятам оружие, комиссар, — предложил он. — Пусть они пошукуют белых офицеров по Каргополю.

— Одну мелюзгу на дуэль с золотопогонниками не выпущу, — заупрямился военком. — У тебя свои продзаконы, а у меня — свои.

— Я эти законы уже в четырнадцать лет постигал, — фыркнул Семен. — Ну, а мне доверишь их повести?

Они прошли по нескольким подозрительным адресам, чужаков не обнаружили. На подходе к перекрестку двух улочек заметили, как в окнах верхнего этажа дома чьи-то невидимые руки спешно задернули занавески. Поднимались на второй этаж по узкой скрипучей лестнице. Вдруг навстречу из темноты ударила пулеметная очередь. Привалились к ступенькам. Восков выхватил из кармана гранату, швырнул в чуть видный просвет двери. Когда рассеялся дым, услышали звон выбиваемых стекол. Стремглав бросились к выходу...

...Задержанные оказались офицерами из Архангельска.

Семена остановили двое в маленьком глухом переулке.

— Путь тебе на уездный съезд заказан, Восков. Уезжай — и навечно. На съезде всяко уж большевиков провалим.

Комиссар хрипло рассмеялся, нащупал в кармане рукоятку нагана.

— Слушайте вы, белые гады. Каргополя крестьяне вам не выдадут. А на съезд меня ждите. Там, в открытую, и схватимся.

Черные силуэты растаяли в сиреневых сумерках.

Восков кропотливо готовился к уездному съезду, несколько раз собирал местных большевиков и группу сочувствующих, находил любые возможности, чтобы

слушать людей, вызывать на спор, обсуждать с ними сложнейшие проблемы. Даже в маленькой каргопольской баньке, куда затащил Воскова уездный комиссар, среди моющихся разгорелся диспут по поводу листовки французских и английских генералов, и, конечно, в центре спорщиков яростно тер себя мочалом и сыпал прибаутками Восков.

— Ну и факиры! — насмеялся он. — И сахар, и одежду на третий день интервенции обещают! Что же они своих-то рабочих ни на третий, ни на сотый день досыта накормить не могут?

— Ай и ладно ты все излагаешь! — закричал хозяин бани, и вместе с паром из избы выплеснулась волна гремящего хохота.

Первый же генеральный бой, который он дал на съезде Советов, писал его олонецкий спутник, завершился победой: «До его выступления не насчитывалось и десятка сторонников большевистской тактики, но Воскову удалось провести резолюцию о защите Каргополя...» Бесновавшиеся эсеры, готовившие удар в спину крестьянства озверелые кулаки на время отступили в подполье. Враги были ошарашены, — Каргополье, которое они считали «кулацкой вотчиной», записало в резолюции V Чрезвычайного уездного съезда Советов: «...для охраны в волостях революционного порядка, для защиты от посягательств на наши выборные крестьянские советы... признаем целесообразной и необходимой организацию по всем волостям добровольных партизанских отрядов...»

В одной из глухих волостей его догнала тревожная депеша из Петроградской губчека: «Тов. Восков, события требуют незамедлительного присутствия в Петрограде. Проверь, кто входит в органы власти по всем северным губерниям».

Силы внешней и внутренней контрреволюции сомкнулись. Международная реакция многого ждала от июнь-

ского мятежа левых эсеров в Москве. В июле 1918 года меньшевики и правые эсеры активно подключились к антисоветским акциям, подготовленным дипломатами Антанты совместно с савинковским «Союзом защиты родины и свободы». Одновременно с кулацко-эсеровскими мятежами, которые империалисты запланировали в 23 крупных пунктах страны, ими была поставлена цель обезглавить большевистскую партию. От руки эсеровских террористов погибли Володарский, Урицкий. 30 августа во все концы страны пришло известие о покушении эсерки Каплан на Ленина. Гнев охватил Россию. Письма тружеников, красноармейцев пылали любовью к Ильичу. ВЦИК призвал рабочий класс ответить на удары врагов «беспощадным массовым террором против всех врагов Революции». Восков телеграфировал восьми губкомпродам: тщательно проверьте, как выполнено июньское решение ВЦИК, окончательно очистите аппарат от эсеров.

— Крестьянство с нами, — бескомпромиссно заявил он на заседании губисполкома. — От имени большевистской фракции повторяю требование народа к пособникам контрреволюции: прочь с дороги, прочь из всех органов руководства губернией!

И не успокоился, пока не убедился, что все левые эсеры, не отмежевавшиеся от предательской авантюристической политики своей партии, выведены из состава исполкома, а на всех руководящих постах в губернии — большевики.

Через несколько дней поезд увозил Семена и отряд продагитчиков в Донбасс. С мандатом Наркомпрода Восков исколесил три южные губернии и подготовил для Питера эшелон с продовольствием. Помня, что вот-вот откроется съезд рыбаков Северной области, который Семен давно готовил, он в пути дописал несколько статей для газет о рыбаках и их нуждах: «Так съезжайтесь же вы, — быстро писал Восков в разложенном на

коленях блокнотике, — славные рыбаки, труженики северных рек, озер и морских побережий... угнетенные до сих пор жадными кулаками-богатеями, съезжайтесь в красный, горящий революционным пламенем трудовой Питер. Здесь вы согреетесь у жаркого огня революции, в недрах которой строится новая светлая жизнь для всех нас. Рабочий С. Восков».

И комиссар продовольствия руководил съездом с присущим ему ораторским блеском и партийной страстью. Он знал, что молодые объединения рыбаков позволят создать для голодных губерний новый продовольственный резерв.

Олонецкие рыбаки приглашали его отобедать в Олонце, лужане — отужинать в Луге. Он смеялся, обещал, но сразу же махнул в Лахту.

Вид у маленьких Восковых был уже лучше, заведующая приютом показала Семену раскладку на день, он прочел: «Какао с небольшой добавкой молока». Улыбнулся:

— Немного терпения, и мы будем поить детей какао на одном молоке.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Луначарский скользнул взглядом по листку: «Пучков, договорись с А. Луначарским. Отдать Зимний крестьянам, бедноте. На 5—6 дней. Дело мирового значения. С. В.». Задумчиво произнес:

— Это какая-то шутка. Восков должен понимать, какое средоточие ценностей в Зимнем, Эрмитаже... Более двух часов живопись рассматривать трудно.

Организаторы съезда деревенской бедноты, проходившего в Петрограде в дни первой годовщины револю-

ции, вспоминали, что сотрудники комиссариата Луначарского действительно были крайне обеспокоены стремлением Воскова непременно широко открыть двери музейных залов для тысяч делегатов комбедов. Сам Восков позднее рассказывал своим однополчанам, что страшно боялся отказа Луначарского. Восков пояснил ему, что в Петрограде нет такого зала, который мог бы вместить семитысячную армию крестьян*. «И все же есть еще что-то такое, чего вы не договариваете, Семен Петрович», — заметил Луначарский. Восков рассказал, как на митинге в Олонецкой губернии в ответ на его приглашение крестьянам приехать в Питер в рабочие клубы, посмотреть «рабоче-крестьянский» Зимний, один из эсеров издевательски спросил, «пускают ли и в лаптях в Зимний». И комиссар продовольствия Союза коммун дал крестьянам слово провести «лапотную конференцию» в романовских чертогах. Слух об этом приглашении облетел уже все восемь северных губерний. «Картины будут в сохранности, Анатолий Васильевич, — твердо сказал Восков, — и музейный паркет мужички на дрова не разберут. А политически мы в их глазах сильно выиграем». И тогда Луначарский, по словам Воскова, заключил: «Если вы решились на это, столярный, а теперь и крестьянский лидер, то, пожалуй, и я решусь».

Уже во второй декаде октября во всех газетах Петрограда и северных губерний появилось извещение о созыве в городе революции 3 ноября 1918 года первого съезда комбедов от восьми губерний Северной области. «От сближения рабочих и крестьян зависит победа рабоче-крестьянской революции», — замелькали газетные «шапки».

Напряженно проходила работа оргбюро съезда. Представители комиссариатов Союза коммун, ПК

* По данным петроградских газет, в съезде комитетов деревенской бедноты приняли участие 22 тысячи крестьян Северных губерний вместо предполагавшихся 7 тысяч.

РКП(б), Северного областного комитета РКП(б), Петросовета, Петрогубсовета единодушно избрали председателем оргбюро С. П. Воскова и доверили ему открыть крестьянский съезд. Всех волновало, как разместить огромную массу приезжих.

— Мы откроем съезд на площади у Зимнего,— предложил Восков.

Оперативно создавались комиссии оргбюро: квартирная, продовольственная, информационная, художественная. Просмотрев программу зрелищ, Восков на минуту задумался и вписал: «Предоставить в театрах не менее 5000 мест. Целиком передать кинозалы «Сплендид-палас», «Пикадилли», «Паризиана».

— Вы бы лучше подумали, как подготовить крестьян к переменам,— услышал он едкое замечание за спиной.

Обернулся. Прямо взглянул в лицо засуетившегося человечка. Восков прекрасно понимал, что тот имел в виду. Пренебрегая злословием врагов, Ленин очертил перспективу точно: «Мы сольем комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами».

— Комбеды сделали великое дело,— сухо ответил Семен,— они подорвали базу кулачества, пришла пора новых форм.

Наступило 3 ноября. Огромное людское море заполнило Дворцовую площадь. Зажглись десятки костров, площадь превратилась в гигантский лагерь. Члены совета комиссаров Союза коммун обходят делегации...

...На задрапированное в красное полотнище возвышение, рядом с Александровской колонной, поднялись видные деятели большевистской партии, члены Советского правительства, организаторы этого грандиозного собрания бедноты. Семен Восков объявляет съезд тружеников села открытым, и волнами прокатываются над морем голов тысячеголосые приветствия.

— Товарищи,— говорит Восков, и рупор разносит его низкий, слегка хрипловатый от холодка и волнения

голос по всей площади, — объединение рабочих города и бедноты деревни давно уже крепло и росло. И сейчас этот съезд является лучшим доказательством силы объединения — за счастье, за волю, за свет и за равенство...

— Этот съезд будет отмечен в истории нашей области, всей России и всего мира как съезд тружеников, хозяев земли, которые, не гордясь своим могуществом и своей властью, но переполненные тихой радостью, творят великое дело освобождения...

И пока гудела толпа, Свердлов успел сказать Воскову:

— После тебя, товарищ комиссар, чтоб выступить, — надо много каши съесть, а паек ты выдаешь не сильный...

— Я счастлив, — обратился к крестьянам Свердлов, — приветствовать в вашем лице те революционные элементы нашей деревни, которые следом за городскими рабочими... устанавливали власть бедняков, власть рабочих, власть трудовых крестьян. — Напряженно, как натянутая струна, звучит голос оратора. — ...Перед нами стоит высокая, великая задача — держать высоко то знамя, которое мы подняли в Октябрьские дни во имя мировой революции.

Слушатели чутко реагируют на каждое слово ораторов. Людское море дышит, живет, волнуется. Обещание наркома просвещения Луначарского открыть перед гостями все богатства революционного Петрограда встречается ликующими возгласами, а сообщение военного комиссара Позерна о том, что перед делегатами сейчас «пройдет армия труда, и вы сами увидите ее мощь и силу», вызывает вдруг глубокую тишину.

Марш частей Красной Армии завершает это своеобразное первое заседание съезда.

— Товарищи! — объявляет Восков. — Переходите в Зимний дворец, напротив: там приготовили обед...

Крестьяне довольны: уважил. Обед в тех самых царских чертогах!.. Блеск глаз, озорные шутки.

В этот же вечер начались рабочие заседания и митинги губернских и уездных делегаций. Пучков проводил собрание в Белом зале с вологодскими и северодвинскими крестьянами, как вдруг посыпались вопросы: «А Восков где?», «Восков будет?», «Он нам расскажет?». Воскова знали, помнили, и он, уроженец украинского села, десяток лет отстаивавший за рубежом интересы крестьян-эмигрантов, казалось, был предназначен к тому, чтобы стать глашатаем этой крестьянской массы, проводником ее надежд и желаний. Он и раньше не боялся остроты идейного поединка и здесь стремился каждый вопрос и спор довести до сознания масс и разрешить во всеуслышание.

— Слышь, комиссар,— зацепил его вологодский крестьянин,— ты нам все твердишь про «монополию» да «монополию», а как же до нее Россия-матушка жила да еще пол-Европы кормила?

— Европу-то кормила,— не остался в долгу Восков,— да своих сынов морила! Ты, батя, постарше меня, ну-ка вспомни: много тебе землевладелец от урожая оставлял?

— Да ни боже мой,— крестился тот,— жаден был черт толстопузый, хлебушка до рождества еле хватало...

— А монополия тебя и опосля рождества прокормит,— смеялся Восков, и зал ему аплодировал.

Под сводами Зимнего звучало и такое:

— Как объяснишь, комиссар: к чему твердый хлебный паек, ежели у нас, под Каргополем, возможности побогаче?

— Не пойдет так, товарищ,— весело откликнулся Семен.— Советской власти и твои дети дороги, и соседские. А как не пришлют тебе соседи под твой Каргополь ни иголок, ни ниток — как проживешь? — И под хохот зала: — Штаны у тебя не свалятся?

Были бои и посложнее. Кулацкие ставленники все же проникли на съезд. На губернском заседании в Народном доме они затеяли провокацию.

— Ежели собираетесь прикрыть комбеды — к чему так возносили их?

— И будем возносить! — Восков не уклонился от вызова. — Они славно потрудились, и не одно поколение их вспомнит добрым словом. Но не скрою, есть намерение перестроить работу комбедов. А вы сами подумайте, товарищи-крестьяне: чересполосица и для земли не шибко полезна, а в политике и вовсе опасна. Вы — за обуздание кулачья? Вы землю беднякам нарежете? Нарезаете. А Советы? Тоже. Значит, цель одна у вас? Одна. К чему же два равноправных органа? Нужен тесный контакт их, лучшие ваши люди войдут в Советы, общие ваши удары сильнее станут.

Каждый день прибывали все новые делегации. Количество участников съезда в ночь на 4 ноября перевалило за 10 тысяч человек, в ночь на 5 ноября — за 15 тысяч... Восков и Пучков переходили из одного зала съезда в другой, посещали гостиницы, чтобы услышать отзывы гостей, ежедневно корректировали информационные вестники съезда. Зайдя как-то в агитационный отдел Комиссариата просвещения, Восков столкнулся со Стасей.

— Здравствуй, — выдохнул он. — Ты меня еще помнишь?

От неожиданности она не удержала в руках тук с брошюрами, и он грохнулся на пол. Стася расхохоталась, он схватил ее за руки, закружил.

— Подожди же, на нас смотрят. — Она попыталась вырваться, но не смогла. — Восков, у тебя пост высокий, не забывай...

— А кто сказал, — он остановился и хитро на нее посмотрел, — что высокий пост обязывает человека в семейной жизни быть телеграфным столбом?

Они долго смотрели друг на друга.

— Восков сегодня нарасхват, — улыбалась Стася, — все восемь губерний хотят его видеть и слышать...

— Дело не в популярности, — с легкой досадой сказал он. — Не все клеится. Все эти дни у меня забиты... Послушай, меня ведь предупредили, что ты приехала из Москвы. Где ты остановилась? Как нам встретиться поспокойному?

Стася мотнула головой:

— Я уже все подсчитала. До середины ноября у Воскова не будет на это времени. Да и я связана обязательствами. Знаешь, Семен, — призналась она, — я сумела пробиться туда, куда хотела.

Помедлила, вздохнула:

— Была сегодня у детей. Говорят, что через день видят своего папку. Ты молодец.

— Вот двинем вперед наши дела, — вырвалось у него, — и семьи будут жить спаянно, красиво. Знаешь что, уходи поскорее, Стася, а то снова закружу... Я ведь не из цемента.

— А ты говорил, что комиссар — это кусок цемента...

Он быстро обнял ее, оттолкнул, круто повернулся, вышел.

...Большевики одерживали на съезде одну победу за другой. «Ответ рабочей и крестьянской России, — записал съезд в резолюции, клеймящей интервентов, — может быть только один — к оружию!» Идея создания первых в стране Образцовых полков деревенской бедноты родилась на этом съезде. И с гордостью 22 тысячи комбедовцев, выслушав А. В. Луначарского, провозгласили в своей резолюции здравицу в честь «союза науки, искусства и труда!».

Была выработана правильная линия о контактах комитетов бедноты с Советами. Однако на втором пленарном заседании, где обсуждался этот вопрос, один из докладчиков — Зиновьев, вопреки стратегии, выработан-

ной центральными партийными и правительственными органами, явно нигилистически оценил роль середняка в переустройстве деревни, в завершение объявил, что, дескать, «среднего крестьянина, ни бедного, ни богатого, гнать не следует, однако ему не следует давать полноту власти...» и предложил записать в инструкции, что середняк не допускается к выборам в Советы.

Восков председательствовал и, сидя рядом с Луначарским, недоуменно шепнул ему:

— Я что-то не понял... Наверное, образования не хватает. Мы с вами сидели на одном и том же совещании, когда Ленин недвусмысленно дал указание о борьбе за середняка.

— Полагаю,— отозвался Луначарский,— что комиссар продовольствия, который обязан кормить восемь самых голодных губерний России, исправит сумятицу... Полагаю, середняку принадлежит в деревне не последняя роль...

В своем докладе, а затем и в резолюции, проект которой он лично готовил, Восков, вопреки позиции Зиновьева, настойчиво подчеркивал, что съезд выразит «волю всего трудового крестьянства Севера...».

— История этого года доказала нам,— заявил Семен 6 ноября с трибуны пленарного заседания,— что если бы мы пошли по пути бесконечных дискуссий, то хлеб остался бы у кулаков и государство погибло бы от голодной смерти... Мы становимся на путь правильной разверстки всех предметов первой необходимости и продовольствия. Мы видим в этом начало новой жизни на основании справедливости.

Закрывая съезд, Восков произнес заключительное слово, вложив в него теплоту и нежность к пахарям земли и напомнив о величайших заслугах перед крестьянством Ленина, которого крестьянский форум назвал своим почетным председателем.

— Да здравствует беднота,— провозгласил Семен,—

которая взяла власть в свои руки, которая борется со старым миром. Но через некоторое время... нам удастся сделать все, что возможно... И мы говорим не «Да здравствует беднота», а «Да здравствует единение рабочих и крестьян. Да здравствует революция!»

Выступая 8 ноября перед делегатами комбедов центральных губерний, Владимир Ильич Ленин отметил: «В Петрограде на днях состоялся съезд комбедов Северной области... Этот съезд показал, что гражданская война в деревне понята правильно...»

...Прошло несколько дней. Восков вернулся в Петроград с VI Всероссийского съезда Советов. Корреспонденты газет атаковали комиссара продовольствия вопросами о впечатлениях этих дней, о съездах бедняков деревни в Петрограде и Москве.

— А разве это мало,— сказал он шутя и всерьез,— что деревня наглоталась революционного городского воздуха!

ТАКТИКА — НАСТУПАТЕЛЬНАЯ

Восков распахнул дверь в комнату комиссариата.

— Пучков, решено. Проводим съезд охотников; пригласи товарищей из газет.

Ему позвонили, вызвали в Смольный.

В кабинете собрались несколько ответственных работников Северного губкома партии, командующий 7-й армией А. К. Ремезов, председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский. Беседу начал командующий:

— Обстановка ясна, товарищ Восков?

— На продовольственном фронте? — спросил осторожно, однако догадываясь, что речь идет о другом фронте: войска германских и австро-венгерских оккупантов откатываются с Украины, Белоруссии, и наступает черед Прибалтики...

Подвойский предложил напрямик:

— В Реввоенсовет Седьмой армии войдете, Восков?

— Если прикажет партия,— быстро ответил он.— Нашему комиссариату вместе с губернскими властями предстоит реорганизовать пятнадцать тысяч комбедов Союза коммун — согласитесь, не шуточное дело. Это же золотые кадры для Советов!

Председатель инспекции будто и не слышал его.

— Партия вас рекомендует. У вас трое детей, возьмите завтрашний день для устройства своих дел, с утра шестнадцатого ноября вас будут ждать в штабе Седьмой.

Когда действия интервентов в центральных районах и на Севере приняли особо активный характер, сообщается в Истории партии в главе «В кольце фронтов», Петроградская партийная организация отдала фронту «лучших коммунистов. Они составили основные кадры комиссаров. Среди них были: С. П. Восков, В. С. Шатов, ставшие членами Реввоенсовета 7-й армии...».

Семен вернулся в компрод немного встревоженный.

— Принимайте с Бадаевым дела, Саша, — говорил он с неизменной улыбкой, но помощник чувствовал, как больно Семену расставаться.

С детьми провел весь день, гулял, бегал взапуски.

Наутро уже был в Главном штабе. Разыскал в цокольном этаже свой политотдел. На ящиках, набитых патронами и плакатами, расположились машинистка и секретарь — смешная светловолосая девчоночка с косичками, умевшая удивительно легко и быстро вникать во все дела. И имя у нее было светлое, звонкое — Сальма Конвиллем. Мать ее была родом из Эстонии. Шта-

бисты вскоре оценят, что за юным видом и напускной строгостью Сальмы — неистовая влюбленность в дело революции.

Политотдельцам Восков поначалу показался человеком сугубо штатским и чересчур порывистым. «Несколько приподнятые плечи, — отметит секретарь первое появление Воскова в политотделе, — резкие и быстрые движения, бритая голова, желание успеть больше, чем позволяют двадцать четыре часа в сутки...»

Группа петроградских коммунистов взялась, по выражению Воскова, цементировать формирующуюся 7-ю армию. Начальника поарм-7 прислали не сразу, да и штат политотдела был невелик, поэтому назначенным членам армейского РВС Воскову, а позднее Шатову с небольшой группой молодых политотдельцев пришлось знакомиться с огромной массой добровольцев, помогать штабистам распределять их по частям, отбирая для политработы тех, кто, как говаривал Семен, от опасности в жизни не бегал и мог подсесть у костра к бойцам, принеся умное слово. А «ухватить» сразу эти способности было ох как не просто... «Он мало считался с молодостью товарища, лишь бы он был дельный и толковый, — писала С. Каляева. — Товарищи из молодых... как бы в благодарность за доверие действительно точно из кожи лезли, работали вовсю и ни разу на протяжении этих полутора последних лет его жизни не обманули его доверия».

В политотделе и в штабарме начали складываться свои «маленькие традиции». Все вновь прибывшие замечали под оконной нишей штабарма две походные кровати — для командующего и члена РВС-7. Тем самым руководители армии дали понять подчиненным, что отныне здесь их дом, что штабистам и политотдельцам надлежит проводить основное время суток в общении с защитниками Петрограда. А работники политотдела сразу почувствовали, что член РВС Восков может в любую

минуту проверить политический кругозор любого из них, что он требует чтения газет и ясного понимания обстановки.

Вспоминая об этих днях, один из агитаторов 7-й армии Мария Журавлева писала, что молодые работники проникались «той неутомимой революционностью, энергией, творческой живостью, что были у Воскова», хорошо запомнили и его удивительно сердечное отношение к людям, и его дар «увлеченно и просто говорить со всеми».

Товарищи по походам вспоминали, что он не делил работу на «чистую» и «черную». Комбриг Павел Смирнов подчеркивал, что Восков, бывая на позициях, никогда не забывал своих обещаний. Прибыв в его часть в районе станции Елизаветино и обнаружив, что у многих красноармейцев истрепалось белье, в бригаду не завезено мыло, Семен сказал, что «устроит бойцам знатную баньку». Передал через помощника своим давним друзьям — чекистам, что не худо бы на городских рынках конфисковать у спекулянтов белье и мыло. На просьбу члена РВС армии губчека откликнулась оперативно, и Восков получил истинное удовольствие, наблюдая, как моется бригада в бане. Подмигнул Смирнову: «А с буржуйским мыльцем оно веселее, комбриг!»

...В волнующие и тревожные дни ноября 1918 года телеграммы с Запада приносили известия о нарастании крупных революционных событий. В течение недели победила революция в Германии, монархия пала... Перед командованием Красной Армии встала задача освобождения Пскова и Псковщины — одной из ключевых позиций для обороны Северо-Запада республики. Именно в ноябре, как признавался впоследствии командующий западной армией белогвардейцев и германских оккупантов генерал П. Авадов, германские солдаты из района Псковщины «стали самостоятельно уезжать на родину», чем «не замедлили воспользоваться большевики, кото-

рые... начали усиленно сосредоточивать свои красные войска в район ст. Торошино, Карамышево и гор. Себежа». Несмотря на то что их армия на глазах таяла, объединенное командование оккупантов и белогвардейцев не собиралось оставлять занимаемых позиций.

Части 7-й армии готовились к решительному наступлению. Восков прибыл в Торошино, встретился с политическим комиссаром Псковского боевого участка Яном Фабрициусом, выслушал его план операции, представленный в РВС фронта, в свою очередь предложил:

— Может быть, вы сочтете целесообразным день наступления приурочить к выступлению псковских рабочих?

— Вы полагаете, такое выступление будет иметь место? — Фабрициус говорил сжато, точно, стремясь исчерпать своими вопросами все многообразие обстановки. — Вы полагаете, зверства Балаховича не подорвут решимости псковичей?

Воскову нравилось в этом человеке все: и его напористые вопросы, и его великолепное знание обстановки, и его спокойствие, и латышская обстоятельность...

— Да, о методах Булак-Балаховича — этого «визя-освободителя» — наслышаны. Наша разведка перехватила письмо Родзянки. Послушайте, Ян Фрицевич. — Перелистал свой блокнот, прочел: — «В самом Пскове, — это сам Родзянко пишет, — личная сотня батки грабила и насильничала; людей, обвиняемых в большевизме, вешали на улицах на фонарных столбах, в населении начался ропот». Словом, поддержку псковских товарищей мы получим и внезапно выступления снизим потери.

...Весь политотдел 7-й армии был разослан в полки, окружавшие Псков плотным полукольцом. Начиная с 21—22 ноября части Красной Армии навязали белогвардейским отрядам систематические бои, возникавшие и

днем и ночью. «Корпус полжительно висел в воздухе», — отметил белый главком Авалов.

26 ноября, пока северная группа 7-й армии успешно продвигалась на узловую станцию Тапс, ее южная группа, в которой находился Восков, получив подтверждение о восстании в городе, повела решительное наступление на Псков. Нарушив прежние обещания белогвардейскому штабу, неожиданно снялись с позиций левого фланга немецкие солдаты, оставив штабную группу и ее заслоны лицом к лицу с наступавшими частями Красной Армии. Штабисты и отряд Булак-Балаховича в панике искали переправы через реку Великую. Наступавшие части красных обошли белогвардейцев и ворвались в Псков по Кохановскому бульвару. С ближней колокольни били пулеметы.

— Ложись! — крикнул Восков, наступавший с ротой. — Десять человек вкруговую к колокольне! Снимите пулеметчиков! Остальные — со мной, на вокзал...

Короткими перебежками он двигался к зданию вокзала навстречу визжащим пулям, не зная, не видя, не слыша, кто за ним и сколько их, смельчаков, но веря, что они есть. А когда все было кончено и путь полку в город открылся, он услышал голос своего соседа: «Не поцарапали тебя, комиссар?» И, охрипший, еле ворочавший языком, но счастливый, приказал:

— На телеграф, ребята!

Разом ударили в дверь.

— Господа, вы от кого? — задребезжал старческий голосок.

— Мы от революционной власти, — властно заявил боец.

— Тогда рекомендую через окно, товарищи, — произнес старичок. — Имею несчастье быть связанным, а дверь, предупреждаю, заминирована.

...В Петроград полетела телеграмма: «26 ноября. Наши войска с боем вступили в Псков, на улицах из домов

кучка белогвардейцев пытается оказать сопротивление. Рабочие к моменту подступления красноармейцев восстали. Предатели... в панике бегут. Взято уже много пленных и ценного военного имущества. Старш. Воен. Ревсовет армии Восков».

По дороге в штаб Семен жарко говорил Фабрициусу:

— Тактика должна быть наступательной — и не иначе!

Да, он был создан для наступления; как верно отмечали друзья, был соткан из движений и импульсов. Вот и в заснеженный декабрьский вечер, когда штаб армии грузился на вокзале, переезжая из Питера в Новгород, а на соседний путь подали состав на Петрозаводск, Восков, по-видимому учтя полученный за день урок (штаб ждал эшелон с утра), моментально решил сесть на петрозаводский поезд и махнуть на Медвежью Гору, осмотреть находящиеся там финские части. Задумано — сделано. «Успею еще вернуться, прежде чем вы погрузитесь», — заявил он.

Он действительно успел вовремя. Восков появился на перроне за четверть часа до отхода эшелона и здесь встретил жену. Станислава подбежала, на секунду прижалась к нему:

— Здравствуй, Восков. Опять наши пути расходятся...

— Скажи ты, — засмеялся Семен, — где только мы с тобой не встречались. Помнишь, нас, компродовцев, послали кулацкий мятеж подавлять?

Она и тогда застала его на маленьком полустанке, где оказался также Вильямс. Журналист пометил для себя: «В моей памяти ярко запечатлелась сцена их прощания ранней весной 1918 года... Станислава не плакала, только тесно прижалась к нему напоследок, а он тихо сказал: «Если погибну, скажи детям, что отец завещал им продолжать борьбу».

Вот и теперь еще одно расставание...

— Послушай, Восков,— спохватилась Стася.— У меня особое задание.. Возможно, придется пожить некоторое время на Украине. Если хочешь — пошли под Полтаву детей. Я сумею присмотреть там за ними. В приюте есть нянька — Екатерина Васильева. Она согласна их повезти. Обдумай и сообщи мне. Желаю тебе военных удач,— вздохнула.— Наверное, есть лучшие жены, чем я, Семен.

— Не дури,— он сжал ее плечо.— Просто мы очень похожи.

Новгород встретил питерцев вьюгой. Полыхали красные флаги на старинных крепостных стенах. На улицах появилось много военных: штабарм-7 уже обживал новые квартиры. Командарм пригласил на беседу командиров частей, политработников, высказал сомнение в надежности линии фронта. Восков понимал, что командарм имеет в виду действия стран Антанты, империалистические правительства которых после поражения в войне австро-германского блока сосредоточили усилия на борьбе с Советами. Сформировав белогвардейские центры в Яссах и в Париже, они выработывали план вторжения в Россию с востока, севера и юга. 18 ноября в Омске объявил себя «верховным правителем России» Колчак; в конце этого же месяца интервенты высадились в Одессе; 12 декабря английские корабли вошли в Ревель; в Мурманск и Архангельск прибывали подкрепления для белогвардейского «правительства Северной области»; Юденич сколачивал в Гельсингфорсе Северный корпус для похода на Петроград.

Республика Советов оказалась перед лицом серьезнейшей угрозы, которую недвусмысленно и лаконично обрисовал Ленин: «...мы никогда не были в более опасном положении, как теперь».

В этих условиях на политических работников армии возлагалась задача неимоверной трудности — подгото-

вить бойцов и командиров к борьбе с превосходно вооруженным жестоким противником.

На очередном совещании в политотделе Восков напомнил политработникам, что они должны постоянно находиться среди красноармейцев и безукоризненно знать обстановку на всех участках 7-й армии, а она обороняла подступы к Петрограду от междуозерья Ладоги и Онеги до Псковского укрепрайона. В Новгородском губкоме партии Семен договорился, что местная газета «Звезда» станет также органом политотдела Седьмой армии и в каждом номере будет отводить две-три колонки «красноармейской хронике». В газете появились призывы со знакомыми восковскими интонациями: «Товарищи, на фронте, в окопах и в тылу. Пишите что думаете, о чем болит душа...» Он подготовил приказ поарма-7, требуя от всех политотделов дивизий «регулярно запрашивать... подробные сведения о товарищах, отличившихся в бою», и предавать эти факты гласности.

При всем обилии дел и задач, которые приходилось ему решать, Семен оставался милым и веселым товарищем, сам не курил, но невесть откуда добывал для армейцев папиросы, подметив усталость политотдельцев, приглашал их в кинематограф. Со всеми был ровен.

Правда, не всегда. Его спутник по поездке в Каргополь, олонецкий агитатор, ставший комиссаром 41-го полка, приехал в Новгород растерянный, деморализованный: в ходе изнурительных боев полк отступил. Встретились они в тридцатиградусный мороз, на мосту через Волхов. Завидев комиссара, Восков улыбнулся, но вдруг приветливость с его лица исчезла, он окликнул впереди идущих красноармейцев, велел арестовать приезжего. Вечером пришел в арестантскую комнату, хмуро сказал:

— Не понял? А жаль. Немедленно возвращайся в часть. Большевик и еще комиссар да чтобы в трудной боевой обстановке оставил своих?!

Горечь отступления была для него нестерпимой. Череповецкий коммунист Иван Хропов, направленный в январе 1919 года уполномоченным РВС на Нарвский фронт, беседовал перед этим с Восковым, который тяжело переживал временные неудачи под Нарвой. Прогуливаясь со спутником по каменным плитам вокруг Софийского собора, Восков анализировал причины отступления. Обсуждая формы политического воспитания, предложил уполномоченному больше опираться на гласность, на печать, придать большую остроту пропаганде: «...буржуазия каждый мелочный политический факт старается раздуть в газетах, афишах и тому подобных изданиях, наживая на этом огромный политический капитал в своих интересах, а мы величайшие события, моменты и факты оставляем при себе. Не делаем их достоянием масс, не воспитываем их на этом...»

В тяжелые дни неудач не меньше, чем в радостные дни побед, он рвался в передовые части.

...Шел бой за маленькую деревушку на подступах к Шенкурску. Красноармейцы ждали сигнала моряков, которые обходили деревушку с фланга, утопая в сугробах. Кто-то доложил комбригу Петру Солодухину, что член Реввоенсовета армии неслышно прибыл и залег в цепь красноармейцев. Солодухин примчался из штаба, беспокоясь за жизнь комиссара.

— Вы зачем здесь, товарищ член Реввоенсовета? — грузно опускаясь в снежное месиво, спросил Солодухин. — Как понять это появление? Ревизия моей стратегии или храбрости моих орлов?

Восков вздохнул:

— До чего же вы дотошный, товарищ комбриг. Ну, вообразите на минуту другое... Человек же я. Из той же плоти и крови, что и вы. Может, мне просто захотелось подзаняться у вас наступательного азарта, а у ваших орлов — их храбрости. В нашем политическом деле — знаете, как это важно!

начале 1918 года 7-я армия то одерживала победы в Прибалтике, то терпела поражения. Фабрициус в конце января пригласил к себе Воскова и напрямик спросил:

— Реввоенсовет уверен в боеспособности штабарма? — И потому, что Восков молчал, протянул ему текст донесения.— Собираюсь отправить это от своего имени и, если не возражаете, от поарма-7 окружному комиссару Позерну.

Семен бегло прочел: «...части, находящиеся в боях уже непрерывно три месяца, измотавшиеся... наполовину больные, не получившие за все это время подкреплений и не бывшие ни одного дня в резерве, не выдержали удара и отходят. Резервов нет и нет сил привести без них части в порядок». Досадливо махнул рукой:

— Я был у Солодухина... Та же картина. Приказы из штабарма разноречивы. В частях ползут слухи об измене.

Фабрициус и Восков, пригласив с собою Подвойско-го, явились в оперативный отдел штабарма, потребовали разъяснить им причины противоречивых приказов. Выслушав путаные речи начальника отдела, пускавшего, по словам Воскова, «мыльные пузыри», разбили его аргументы, составили докладные на имя командарма и в РВС фронта. Выяснив, что комплектование резерва в Петрограде задерживается, Фабрициус и Восков разыскали окружного комиссара Позерна, вместе с ним побывали в ПК партии, объехали несколько заводов, выступили на рабочих собраниях. Действуя согласованно с петроградскими коммунистами, комиссары сумели несколько ускорить пополнение частей.

Член РВС 7-й армии Восков настойчиво укрепляет комиссарский состав, требует от своих работников знания всех сторон жизни войск и населения. Он находит великолепную форму просвещения красноармейцев: основывает в местах расположения частей армии агитационные газеты, выпускаемые совместно уездными РКП(б), уездными Советами и поармом-7. Так появились одна за другой «Повенецкая звезда», «Олонецкая звезда», газеты-прокламации в Вытегре, Пудоже... И каждая газета дышит неистребимой верой в победу армии народа.

Ставший в юности одним из популярных авторов рабочей прессы, Восков и сейчас берется за перо, присылает в редакции свои статьи — одну за другой: «Главное оружие пролетариата», «Женщина и социальная революция», «Коммунизм среди детей»... Статьи — публицистические, они бушуют страстями.

Где берется время, когда он успевает все это? В один и тот же день публикуются размышления Воскова о революционном просвещении детей и его памфлет о мелкобуржуазных метаниях эсеров и меньшевиков. Несколько днями позже «Рабочий С. В.» выступает с очередным памфлетом «В водовороте революции», разоблачая крах американской буржуазии, тщетно пытавшейся изолировать от революционного влияния рабочий класс своего континента.

Он обращается к людям с трибун митингов, с газетных страниц, пишет им письма. Комиссар одного из полков заваливает РВС-7 жалобами и упреками. Восков подбадривает ослабевшего человека: «Нет оснований для уныния, отчаяния и пессимизма, побольше веры в себя, в товарищей и нашу революцию».

...На рубеже января и февраля газеты поместили сообщение о предстоящем созыве VIII съезда партии, а вскоре были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) по военному вопросу.

Владимир Ильич Ленин во многих своих работах, а в канун VIII съезда — в выступлениях перед трудящимися Петрограда четко излагал принципы, на которых должна зиждиться армия молодой Республики для того, чтобы разорвать кольцо врагов и обеспечить мирный труд рабочих и крестьян. Ленинские статьи, речи, выступления этого периода, предусматривая принцип классового комплектования вооруженных сил, решительно наметили «переход от армии партизанского типа к армии постоянной, регулярной, с единой, стабильной организацией войск, централизованной системой управления».

Армейские партийцы с громадным интересом встретили ленинские указания по вопросам построения армии социалистического отечества. На совещаниях политотдельцев, в частях Восков неустанно напоминал, что в армии, ведущей суровую схватку с силами Антанты и белогвардейщины, не может быть места партизанщине, анархии.

— Что предлагают нам «левые коммунисты»? — говорил он на одном из совещаний в поарм-7. — Выбросить в речку все наши уставы, махнуть на дисциплину? И это считается классовым подходом? А не разобьют ли нас вымуштрованные войска Антанты с таким подходом? Или предлагают нам выставить из армии всех прежних военспецев... Да где сразу других взять? Или товарищи оппоненты считают, что Псков и Нарву мы брали без военспецев? Одними криками «Ура!»?

Коллективно управлять войсками? Заманчиво! Мне и самому иногда приходилось брать бой в свои руки, когда командира пуля выводила из строя. Но это было в критической, особой обстановке. И то у меня поджилки тряслись — не подведу ли своих, не погрешу ли против военного искусства. Комиссар — высокая должность, но у него свои заботы. Пусть уж сапоги тачает сапожник.

В преддверии VIII съезда в Петрограде состоялась первая конференция коммунистов 7-й армии, ее делегаты, представлявшие почти четырехтысячный отряд членов РКП(б), единодушно избрали председателем Воскова.

В Петроградскую партийную организацию, для участия в обсуждении предсъездовских материалов, ЦК РКП(б) направил А. В. Луначарского и Б. П. Позерна, которые вместе с С. П. Восковым горячо отстаивали на партконференции фронтовиков ленинские принципы построения Красной Армии.

Сохранилась любопытная фотография. Зал в Смольном, заседание армейской конференции, на председательском месте Восков, он уронил голову на руки — минутная слабость, результат переутомления, бессонных ночей. Делегаты в шинелях, бушлатах, кожанках замерли как один, докладчик умолк: бойцы дали передышку своему комиссару, и несколько мгновений спустя, вспоминали делегаты, Восков поднял голову, улыбнулся и продолжал вести обсуждение.

Выступая 15 марта перед конференцией с сообщением о задачах 7-й армии на весенний период, Восков призвал коммунистов углубленнее решать свои боевые задачи, держать всегда порох сухим.

— Ежели комиссару не управлять боем,— спросил его кто-то из делегатов,— то чего же ему остается?

— Поменьше прав и побольше обязанностей,— полусмешливо ответил он строчкой из недавно изданного поармом-7 приказа.— Подальше от котлов, поближе к огню.

Еще одна архивная фотография... Кремль, Круглый зал здания бывшего департамента судебных установлений. В тесном полукружии, устремив взгляды к трибуне, сидят делегаты VIII съезда партии — рабочие, военные, посланцы деревень. На первом плане — Семен Восков, бритоголовый, крепкий, его лицо озарено мечтательной улыбкой, а глаза — печальны...

...Еще утром делегаты съезда проводили в последний путь председателя ВЦИК Свердлова. Восков на всю жизнь запомнил ленинское лицо, омраченное болью утраты, его слова, произнесенные над могилой «главнейшего организатора», выдающегося деятеля партии и государства, движение ленинской руки, которая на минуту застыла в воздухе, словно преграждая уход друга и соратника.

Свердлов был первым, кто встретил Воскова после эмиграции, кто доверился ему, кто выдвинул его, кто руководил им до последних дней жизни... Размышляя обо всем этом, Семен на открытии съезда понял, почему из всех качеств председателя ВЦИК Ленин выделил сейчас организаторские: минуту спустя Владимир Ильич высказал твердую уверенность, что «съезду придется целиком пройти под знаком... работы строительства и работы организационной». Руководивший всей работой съезда, Владимир Ильич неоднократно выступал с речами, которые стали достоянием и оружием народа.

Семен участвовал в работе военной секции съезда, а точнее — в остром, напряженном поединке с оппозицией. Военные работники В. Смирнов, Г. Сафаров, Г. Пятаков, В. Сорин один за другим твердили формулировки, уже прозвучавшие в докладе военной оппозиции на пленарном заседании: «...когда у нас есть уже политические комиссары... необходимо предоставить им... большее участие в управлении армией»; «...мы военных специалистов должны использовать не на командных должностях, а как консультантов».

А. Окулов, Б. Позерн, С. Восков, искусно и твердо поддерживавшие ленинские взгляды на строительство вооруженных сил, порой не могли сохранить внешнего спокойствия. Острая борьба пронизывала и секционные заседания, и встречи в перерывах.

— Врываясь в Псков, — повторял свой прежний довод Восков, окруженный группой военных работни-

ков,— мы могли, конечно, под пулеметным огнем провести коллегиальное совещание всех военкомов и штабистов и решить, брать ли вокзал с флангов или в лоб. Но боюсь, что пока бы мы совещались, некому уже было бы брать город. Давайте побережем авторитет военного комиссара, не будем делать из него пророка и петушиного поводыря на все случаи жизни. Дело от этого только выиграет.

Борьба была перенесена на закрытое пленарное заседание, где В. И. Ленин обосновал необходимость дальнейшего укрепления вооруженных сил Советов на основе строжайшей дисциплины, организованности, использования достижений военной науки и дал отповедь сторонникам партизанщины, которые ссылались на «среднего крестьянина», якобы не способного усвоить строгую воинскую дисциплину.

— Нам нужно все сделать, чтобы это среднее крестьянство привлечь, но думать, что, выставляя тезисы о самодержавно-крепостнической дисциплине потому что начальник прикладывает руку к головному убору, думать, вести таким образом дело создания этой армии из среднего крестьянства, это значит подрубать сук, на котором держится все. Иначе, как железной дисциплиной, здесь не сделаешь ничего.

«На съезде,— вспоминал комбриг П. Н. Александров,— Восков принял участие в подготовке проекта резолюции по военному вопросу, имевшей огромное значение в дальнейшем строительстве Красной Армии».

— Комиссары в армии являются,— цитировал он на память,— прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели.

Комиссары... Это к ним, ко всем красноармейцам-коммунистам от имени Реввоенсовета армии обращался Восков. Он писал: «Дело еще далеко не закончено, враг не побит, отдыху еще не пришла пора... политотдельцы

и комиссары должны служить примером». Отложил перо, провел рукой по бритой голове, засмеялся. Да, судьба у нас нелегкая, зато, как верно сказал на съезде Владимир Ильич, нам досталось высокое счастье присутствовать при победоносной революции.

КОГДА ПРИХОДЯТ ТРЕВОЖНЫЕ СВОДКИ...

политотделе появился совсем юный паренек, на лице его, будто рыжей пенкой по топленому молоку,плыли веснушки, глаза отчаянно светились. Вошел он, когда Восков сурово отчитывал угрюмого человека, по виду конторщика:

— Уклоняться от фронта в такое время могут либо враги, либо трусы.— Обернулся на скрип двери.— Тебя кто прислал, мальчик?

— Вместо этого зачислите,— выпалил паренек и заторопился повторить вычитанное из газет.— Буду биться до последнего за полную ликвидацию интервентов Колчака, Маннергейма и Юденича, а также раздую мировой пожар революции.

— Дети воюют,— Семен окинул конторщика презрительным взглядом,— а вы, гражданин...

...7-я армия на рубеже апреля и мая начала пополняться первыми резервами с заводов. Беседы, встречи с молодыми защитниками Республики всегда радовали Семена. Но однажды он вошел в политотдел беспокойный, в карих глазах застыла тоска, руки вцепились в планшет. Подсел к столу секретаря, попросил политсводку:

— Помнишь Афанасия? Ну, тот, что мечтал раздуть пожар революции? Послал его в тыл к белякам. Все он

отлично разведан, да не уберется от контрразведки...
Пытали мальчишечку...

Сальма постаралась его отвлечь, спросила о детях.

— Был я у них,— вяло сказал Семен.— Почти договорился. Приютская сестра Васильева едет на Украину и возьмет всех троих с собой. Там найдут Стасю.

Сальма почувствовала, как дрогнул его голос.

— Ее отъезд причиняет вам сильную боль? — спросила тихо.— Но стыдиться любви не нужно, она всегда благородна...

Семен с удивлением посмотрел на нее. Густо покраснев, Сальма торопливо добавила:

— Что поделаешь, если революции мы нужны со всеми потрохами! — Засмеялась.— Я всегда ваш помощник и друг. Если нужно помочь детям, скажите.

В политотделе его видели не так уж часто. Как вспоминал молодой пропагандист 7-й армии М. Левин на страницах «Красной летописи», «Семен Восков с винтовкой в руках все время странствовал по частям... Где только наши части начинали сдавать и в душу красноармейцев закрадывалось уныние,— из затасканной машины, в засаленной армейской форме, с маузером у пояса выскакивал коренастый жизнерадостный Восков,— подбодрял братву и ложился с ними в цепь. Еще через день, весь грязный, запыленный, усталый, Восков появлялся в политотделе, громя нас за медленную доставку в части газет, за какой-нибудь слишком интеллигентный,— как он выражался,— выверт в листовке. Требовательный и строгий, он был идеальным товарищем и лучшим нашим советником в сложной и трудной политотдельской работе».

Была и еще одна черточка у Семена: он безошибочно чувствовал настроение массы. Комбриг Павел Александров рассказывал автору со слов Воскова, как вместе с политотдельцами комиссар раздумывал над текстом листовки-обращения к воинам и трудящимся фронтово-

го района в канун 1 Мая и весело заметил: «Наш молодой товарищ предложил начать с пения пташек... Оно бы и неплохо, весна, да под романс «Очи черные» шаг походный не возьмешь... Не тот ритм. А что, если так начать?» И быстро записал: «...Нынче пролетариат, как гордый буреветник, побеждающий и победивший, празднует свой день мировой солидарности, мощной рукой уничтожает старое и строит новую жизнь». Листовка была популярной в частях.

А надвинувшиеся события требовали действительно особого ритма.

...В мае 1919 года, убедившись в провале планов Колчака на Восточном фронте, интервенты вместе с белой гвардией предприняли давно планируемое наступление на Петроград, намереваясь окружить его и захватить одновременными продвижениями с запада и северо-востока. Главным силам — Северному корпусу Родзянко и 1-й белоэстонской дивизии — предписывалось прорваться в Петроград по двум линиям: Ямбург — Красное Село и вдоль побережья Финского залива. Для отвлечения резервов защитников Петрограда войска интервентов начали маневренные действия на Петрозаводском, Олонецком и Карельском участках фронта, а белогвардейские части, включая банды Булак-Балаховича, совершали набеги на Гдовский и Псковский плацдармы. Войска 7-й армии, занимавшие участок фронта протяженностью 600 километров от Онежского до Чудского озера, оказались в тяжелом положении. Выступая в Реввоенсовете, Восков был предельно откровенен:

— Части не укомплектованы, между отдельными соединениями ничем не прикрытые бреши. Наконец, — помедлил, — есть несколько ненадежных полков, контрреволюция не дремлет...

В эти дни Совет Обороны, который возглавил Ленин, поручил Реввоенсовету Республики принять все меры к защите Петрограда, а Петросовету и окружному воен-

ному комиссариату — очистить тыл армии от контрреволюционных элементов.

13 мая, воспользовавшись слабой бдительностью форпостов 7-й армии на Нарвском участке, отряд белогвардейцев разгромил штаб одной из бригад, захватил переправу через Плюссу, а через несколько часов главные силы Родзянко — Юденича прорвали наш фронт. 17 мая белые заняли Ямбург, 25 мая — Псков. На подступах к Петрограду завязались кровопролитные бои.

«Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало,— говорилось в обращении ЦК РКП(б) ко всем партийным, советским и профсоюзным организациям.— Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу».

Центральный Комитет партии и Совет Оборона взяли под контроль меры по защите Петрограда, произвели некоторую реорганизацию управления 7-й армии. В частности, для связи РВС-7 с Комитетом обороны Петрограда и со Сводной Балтийской дивизией был выделен член Реввоенсовета Восков.

Семен был хорошо знаком и с начдивом Тарасовым-Родионовым, участником ареста царской семьи, и с комиссаром Карповым, испытанным большевиком, начальником политотдела учебных заведений округа. Восков тщательно ознакомился с дислокацией дивизии. Она держала фронт от побережья Финского залива через Копорье до линии Балтийской железной дороги Петроград — Ревель. Оперативно сформированная из моряков, рабочих петроградских заводов и курсантов командных курсов, дивизия остро нуждалась в резервах, вооружении, обмундировании. Карпов и Восков вместе объезжали предприятия Петрограда, отбирали добровольцев, просили завкомы вооружить их.

Семен обратился к друзьям из северных губерний, к продагитчикам, и из далеких уездов в Сводную

Балтийскую стали поступать «красные подарки» — рубахи, куртки, бушлаты, сапоги. Крестьяне помнили Воскова.

Двое суток Восков не появлялся в штабе Сводной Балтийской, связные доносили, что встречали члена Реввоенсовета на разных флангах, что бой у шоссе Копорье — Бегуницы идет отчаянный. На третий день, когда начдив и комиссар, только что вернувшиеся из частей, склонились над картой, дверь распахнулась, в штаб вошел Восков — почернел лицом, шинель в глине, но держался молодцом.

— Прорыв ликвидировали, — сказал отрывисто, хрипло. — Сами же курсанты. Вот не знаю, надолго ли... Очень жмут мерзавцы Юденича.

И как стоял — упал.

— Фельдшера навверх! — крикнул в окошко Карпов. Вбежала худенькая девчоночка, легко прошлась пальцами по голове Семена, расстегнула китель — осмотрела, приложила ухо к сердцу. Облегченно вздохнула: «Элементарный сон».

Через два часа он поднялся. Подошел к умывальнику, тщательно вымыл холодной водой лицо, бритую голову, шею, с удовольствием утерся шершавым полотенцем и тогда повернулся к столу, за которым сидели комиссар и начдив, бодро сказал:

— А дело было так...

Курсанты отступили в ложбину. Восков, попав на позиции, сразу понял, что они отдали белым выгодный холмистый участок.

— Нужно или вперед, или назад, — просто сказал он. — Позиция скверная, через час нас выбьют и отсюда. Сзади Петроград!

Они двинулись в атаку. Но впереди лежало маленькое болотце, яростно били пулеметы. Проползли шагов двести, не выдержали — стали пятиться. Семен оказал-

ся в болотце один. Вернулся к ним, в окопчики, не стал распекать. Попросил спеть свой курсантский марш. Те не поверили, думали, военком шутит, но он повторил просьбу, и несколько голосов затянули:

Сердце революции, красные курсанты,
Подступы к столице зорко стерегут,
Гордые сознанием, не страшась Антанты,
Смерть и поражение в стан врагов несут.

— А что, неплохая песня,— после долгого молчания сказал Восков.— И слова в ней правильные. Теперь давайте от слов — к делу.

...Белые не выдержали стремительной атаки красных курсантов, бросили позиции и отступили.

Восков в те дни изнурительных боев успевал бывать и на соседних участках фронта. Федор Грядинский лично наблюдал, как во время первого похода Юденича Семен Восков помогал удержать от белогвардейцев Гатчину и Красное Село, останавливал отступавшие части и вел их в контратаки.

Защитники Петрограда сражались отчаянно. На помощь городу революции уже двигались подкрепления с востока и юга, но положение оставалось критическим. С. П. Воскова вместе с командармом-7 А. К. Ремезовым и группой комиссаров вызвали в Смольный. Член Реввоенсовета Республики С. И. Аралов и член Комитета обороны Петрограда В. И. Зоф сообщили разведанные: противник в ближайшие дни усилит нажим на Питер с целью его захвата. Необходимо, подчеркнул Аралов, удерживать каждый рубеж, каждую пядь земли.

Прямо из Смольного Восков выехал в передовые части, а вернувшись на мызу Гостилицы, застал ожесточенный спор. Авангард Северного корпуса отчаянно штурмовал Копорье. Начдив Тарасов-Родионов неожиданно объявил Карпову, что решил Копорье сдать, а штаб перевести в Петергоф, мотивировал свое решение опасностью окружения...

— Твое мнение, комиссар? — жестко спросил Восков.

— Такой приказ я не завизирую, — сразу ответил Карпов.

— Ну и правильно сделаешь, — согласился с ним Восков. — Полагаю, что Реввоенсовет не поддержит начдива. За нами красный Питер.

Тарасов-Родионов вскипел, напомнил о правах командира в решении оперативных вопросов. Восков покачал головой:

— Не туда гнете, начдив. Решение решению рознь. Отступление, какое вы предлагаете, не может быть санкционировано одним военачальником. Копорье — ключ к Питеру. Питер — ключ к России. Я свяжусь с Реввоенсоветом фронта.

Штаб и РВС фронта отвергли предложение начдива и отозвали его с командования Балтийской дивизией.

Спустя несколько дней на фронте наступил перелом. Изменилось и положение Балтийской дивизии. 31 мая ее полки прорвались в район деревни Котлы, 3 июня вышли к реке Сумы. В то же время части правого фланга 6-й дивизии овладели деревней Бегуницы и рядом других стратегически важных пунктов. Восков лежал в цепи рядом с курсантами, отбивая отчаянные контратаки белых под Бегуницами, когда в окопчик пробрался связной штадива, быстро доложил:

— Товарищ комиссар, начдив-шесть вас спрашивает. Новый.

На холм, где стояла группа командиров и наблюдала в бинокли позиции, он выбрался уже к вечеру. Сжал руку начдиву:

— Здорово, Петро. Зачем явился? Стратегию мою ревизовать или храбрость моих орлов?

— Так они же, Семен, теперь мои орлы, — подмигнул Солодухин. — А стратегия у питерцев — что надо.

ГОРКА НАЗЫВАЕТСЯ КРАСНОЙ

двухэтажному дачному строению на Пароходной улице во второй половине дня 14 июня подошли посланцы матросских экспедиционных отрядов, стрелковых полков, подъезжали мотоциклисты и машины. Войдя в большую, просторную комнату, смотревшую окнами на залив, Восков увидел Подвойского и Позерна, подсел к ним, принял участие в беседе. Разговор шел о последних тревожных событиях на Красной Горке. Форт Красная Горка — своеобразный ключ к Кронштадту: его артиллерия способна держать под огнем водный простор в радиусе 24 километров, значительную часть финского побережья и сухопутные подходы к самому форту на большую глубину. Мятеж на Красной Горке являлся для врагов Советской Республики составной частью общего военного плана захвата Петрограда.

Подобно тому как молния на мгновение приоткрывает взору угрюмое таинство дремучего леса, так этот мятеж выхватил из тьмы подполья сплетенные в едином замысле удушения Советов силы интервентов, белогвардейского отребья и меньшевистско-эсеровской агентуры.

По свидетельству очевидцев, в ночь на 13 июня комендант форта Николай Неклюдов, в прошлом поручик царской армии, связанный с контрреволюционным «Национальным центром», вовлек в заговор своих приспешников-офицеров и обманутую им пулеметную команду. С их помощью разоружил спящих коммунистов гарнизона и курсантов из Ораниенбаума. Арестованных заключили в одном из казематов. Затем Неклюдов известил радиোগраммой о своей «победе» адмирала английской эскадры Коуэна, предложил соседним фортам присоединиться к нему. Поддержали его лишь форты

Серая Лошадь и Обручев. Несмотря на это, Неклюдов приказал начать обстрел Кронштадта.

Сколь ни частный характер имела измена на Красной Горке, но она ослабила оборону подступов к Кронштадту и Петрограду. Для укрепления тыла частей партийная организация города совместно с органами ВЧК решила внезапным ударом уничтожить гнезда заговорщиков в самом Петрограде.

В ночь на 14 июня были раскрыты очаги контрреволюции, изъято много боеприпасов и оружия, одних винтовок — шесть с половиной тысяч. Антисоветский заговор «Национального центра» опирался на представителей всех разгромленных контрреволюционных партий. По словам Владимира Ильича, в этом «заговоре рабовладельцев» о сдаче Питера «участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров...»

...Восков живо рассказывал о своих ночных наблюдениях. Подвойский хмуро отозвался:

— Ночная операция многое прояснила и облегчила. Пора кончать с мятежом на фортах. Звонил Владимир Ильич, он требует решительных и точных действий, хочет знать наш план во всех деталях.

План штурма Красной Горки обсуждался долго. Глубокой ночью было принято решение нанести по Красной Горке комбинированный удар всеми родами войск. Командиром Береговой группы войск был назначен бывший флотский офицер Алексей Стороженко.

Восков подошел к нему, поздоровался.

— Помнишь меня, Алексей Алексеевич?

— А как же, Семен Петрович. Ты нас с Солодухиным под Шенкурском навещал.

— Так вот, комбриг,— сказал Семен,— пойду-ка я на форт с одним из ваших отрядов.

— Семен Петрович,— Стороженко растерялся,— любой отряд сочтет за честь идти с тобой в бой. Однако члену Реввоенсовета положено... не рядовым...

— Если член РВС,— горько сказал Восков,— вместе с другими проморгал или не предупредил измену, он обязан пойти в бой рядовым в цепи бойцов. Понял, комбриг?

— Понял,— вздохнул Стороженко.— Андрея Алексева знаешь? Он с кронштадтским отрядом штурмовал Временное. Андрей поведет морской отряд на Ижоры, Лебяжье и Борки. Удачи тебе, Семен Петрович!

Большие Ижоры встретили отряд глубокой тишиной. Белые убралась в Лебяжье и Большие Борки, в блиндированные окопы. Совет командиров решил двигаться на эти пункты двумя отрядами и просить эсминцы, курсировавшие у берега, поддержать атаку огнем.

Уже три часа шел жестокий бой...

Алексеев и Восков держались рядом, все время в первой цепи, связные сновали от них к ротам и обратно.

— Товарищ,— наконец сказал Алексеев,— блиндажи нам этак не взять. Вы бывали в таких переделках? Чем брали?

Семен потер щеку, что-то прикинул.

— Прикажете корабельщикам и бронепоезду разом ударить по блиндажам белых, мы же в это время подползем к ним вплотную и...

— И ляжем костями под своими же снарядами?

— Это если полезть напролом. А я предлагаю половине отряда подобраться к ним вкруговую через лес и подползти с тыла. В лесу и осколки не так страшны, да и фактор внезапности...

С артиллеристами договорились, что они «расколошматят квадрат беляков до потери сознания», но ровно в десять сорок прекратят обстрел. Алексеев остался в авангарде с фронтальной стороны. Восков с группой командиров и матросов обходил лес. Пришлось пробираться по болотцу, а в том месте, где лес расступался, образуя «окошко», и вовсе ползти по-пластунски.

Орудия заговорили разом, беляки в смятении забились в блиндажи. Дрожала и трескалась земля, зарницами полыхало небо. Когда стихли раскаты, мощное «ура!» прозвучало над полем и лесом, и с трех сторон на окопы противника ринулись балтийцы. Град пуль уже не мог остановить их порыва.

Потеряв свои опорные пункты, белые в панике начали покидать форт. Бронелетучка еще продолжала бить по форту, кто-то из матросов, свалившийся без сил, рассказывал Федор Грядинский, попросил Воскова передать, чтоб огонь прекратили: «Слышь, товарищ комиссар, может, ты сходишь... а то я очень озяб». Восков сделал то, что просил матрос.

Рота за ротой вливались в форт. Разведчики «вдруг услышали из одного каземата стук. Сбив замок и вбежав внутрь, они увидели 30 человек. Белые в панике не вспомнили об этой группе смертников. Произошла трогательная встреча».

— Их было в заточении триста пятьдесят,— говорил Восков на митинге в форте перед бойцами Берегового отряда.— Их осталось тридцать... Остальные лежат в полях и травах, замученные предателями родины, и смотрят в небо, на солнце, которое никогда уже их не согреет и не поднимет. Горка называется Красной... Потоками крови защитников Революции это имя упрочено навечно. Когда прекрасной души человека,— продолжал он,— Михаила Ивановича Мартынова* уводили из каземата на пытки и смерть, он громко крикнул оставшимся товарищам для всех нас: «Прощайте, передайте от меня, если останетесь живы, привет... Да здравствует Коммуна!»

И, всматриваясь в строй кронштадтских моряков и рабочих Петрограда, Восков заключил:

* М. И. Мартынов (1882—1919) — мужественный большевик, вожак революционного Кронштадта.

— Мы пронесем эти слова сквозь грозы гражданской войны. Дети будут учить их, как стихи. Нам трудно, очень трудно. Но нужно усмотреть красоту и наслаждение в нашей великой борьбе.

А телеграф отстукивал донесение в штаб Северной группы: «В час 16 сего июня взят форт Красная Горка...»

А флотские радиостанции, когда уже над всеми фортами вновь развевались красные флаги, приняли запоздалую радиограмму адмирала Коуэна: «...жизни команд всех выходящих из Кронштадта судов, которые добровольно сдадутся моим силам, будут гарантированы».

Гарантии Антанты Советской Республике не понадобилось.

ПРОЩАНИЕ С ПЕТРОГРАДОМ

озерн после ораниенбаумского совещания задержал на минуту Воскова, торопливо спросил:

— Приказ о новом назначении получили?

Восков кивнул. Ввиду чрезвычайности положения, на всех участках Седьмой армии была введена должность начальника тыла, и РВС Западного фронта рекомендовал поручить этот пост на Междоузерном участке Воскову.

— Вы получили не тихий тыл, а беспокойный фронт,— заключил Позерн.— Просите у меня что хотите, только не людскую силу.

После штурма Красной Горки Восков съездил в Сестрорецк, собрал старых товарищей, попросил дать под его команду два десятка крепких коммунистов. И с этой горсткой бойцов вступил в новую должность.

Слова Позерна о «тихом тыле» и «беспокойном фронте» вспомнились Воскову в первой же олонецкой деревне, где, как стало ему известно, укрылись дезертиры. Его маленький отряд на опушке леса обстреляли кулаки. Но у сестроречан уже был опыт боев в Рауту, под Пулковом, Порховом, они не спасовали, обезоружили кулаков и привезли их в деревню. На крестьянской сходке Восков рассказал о событиях на фронтах, о продовольственной политике, чувствовал, что слова до людей доходят. Предоставил им решить судьбу задержанных. Крестьяне долго молчали, потом вперед вышел седой, как лунь, старик, тихо обронил:

— Кровушки нашей они попили вволю. Увези их в суд, товарищ красный командир, не то сами расправимся... А дезертиров поищем по сараям — с позинной к тебе явятся, вот тебе слово старого Урхо.

Отряд обрастал в деревнях добровольными помощниками, из дивизии в помощь начальнику тыла было выделено несколько групп красноармейцев, и с этой внезапно появившейся силой, сообщала секретарь политотдела, он творил чудеса, обеспечивал армию резервами, боеприпасами, продуктами. «Приходилось поражаться энергии и неутомимости тов. Воскова, когда он буквально из ничего сумел создать и получить все необходимое».

В конце июня красноармейские части начали разгром белогвардейцев и белофиннов на Междуозерном участке, отбросили их за финскую границу, а олонецкий фронт ликвидировали. В поарм-7 пришло письмо из-пол Пскова: «18.7-19. Сейчас вот, в третий раз, отправляюсь на фронт. Но уже не возвращусь в Порхов, не побывав как следует в Пскове... Пора взять этот город, не правда ли?» Оказывается, Восков получил новое назначение — стал военным комиссаром 10-й стрелковой дивизии, действовавшей на Псковском участке.

Вместе с 85-м полком комиссар участвовал 16 июля

в жарком бою с белогвардейцами близ деревни Саево, на берегу реки Кебь. В том бою погиб коммунист, член Петроградского Совета, всеобщий любимец Запевало. И бойцы увидели слезы на глазах своего комиссара.

Здесь, в дивизии, Семен свел дружбу еще с одним комиссаром 10-й стрелковой — Иваном Лепсе, которого помнил по жарким боям за фабзавкомы. Руководитель петроградских металлистов, Лепсе уже тогда порастил его своей удивительной выдержкой и умением опрокидывать соглашателей на обе лопатки. В дивизии они нашли друг в друге понимание и опору. Оба внимательно изучали донесения разведки о событиях в Пскове, на который был нацелен удар дивизии, старались, чтобы о зверствах банд Булак-Балаховича узнали красноармейцы, жители прифронтового района.

...Но до Пскова был Порхов, и немало людей потеряла здесь дивизия. В боях под Порховом Восков, по обыкновению, держался в цепи красноармейцев. Под деревней Щучья Гора в критическую минуту он вынужден был взять на себя командование и приказать бойцам быстро пересечь ржаное поле. Странные чувства охватили его в эти минуты: и горечь за растоптанные хлеба, и любованье природой, которая в эти предосенние дни являет торжество «всех трудов, вложенных в землю человеком».

Этот вихрь мыслей навеян всего лишь одним боем. А сколько таких боев, больших и малых, он провел на дорогах революционной войны!

«Ему не вскружило голову, — писал его однополчанин военком С. Ф. Степанов, — высокое положение, когда он был комиссаром армии, и не снизило его авторитет, когда он был назначен комиссаром дивизии».

Комиссары дивизии держали совет и решили лично участвовать в ночных десантах, которыми 10-я дивизия изматывала противника перед решительным наступлением.

— Семен Петрович,— мягко сказал Лепсе,— я знаю, что вы человек не робкого десятка. Прошу только помнить, что нам с вами еще брать Псков.

— Дорогой комиссар,— засмеялся Семен,— в политической работе всегда надо брать какие-то высоты.

Семен добился своего: он сумел увлечь десантников идеей смелого военного эксперимента и прошел с ними по всему болотистому маршруту, разжигая азарт разведчиков, поддерживая усталых, воодушевляя красноармейскую массу.

Никто бы не сказал в те дни, что его точит глухое беспокойство, страх за детей, увезенных в Полтаву, которую то и дело захватывали то белые, то «зеленые», то махновские банды. «Личные интересы пролетария совпадают с его классовыми — в общем и целом всегда», — писал он друзьям, а несколькими днями позднее: «Не могу себе простить, что дал себя уговорить... отослать детей на Украину. Чужало мое сердце, что будет неладно. Так и вышло...» И возвращался мыслями к дивизии: «Задержали противника у Порхова и даже перешли в наступление».

Ранним утром 26 августа части 10-й дивизии, сломив сопротивление врага, первыми ворвались в Псков, и с ними вновь вошел в древний русский город военком Семен Восков.

— Мы же, посланные вами на фронт,— с гордостью доложил он Петроградскому Совету,— стояли на своих постах, собирали силы, пропитывали их революционным духом, крепостью и могуществом...

В. И. Ленин от имени Совета Обороны объявил товарищескую благодарность 15-й армии за взятие Пскова, а все участники этого героического наступления были отмечены...

Еще на подступах к городу Семен писал: «После взятия Пскова думаю проситься на Южный фронт...»

Красная Армия готовилась к решительной схватке с Деникиным. Призвав трудящихся к мобилизации для отпора врагу, Центральный Комитет партии выразил твердую уверенность, что «Деникин должен быть разбит и будет разбит новым порывом революционной воли пролетариев-коммунистов». Поток писем, поступавших от коммунистов Петрограда, предоставлявших себя в распоряжение партии, был отмечен в ленинской статье «Пример петроградских рабочих». Среди первых заявлений, адресованных Реввоенсовету фронта и ЦК РКП(б), было заявление Воскова.

Он ждал решения партии. А пока выезжал в полки 10-й дивизии, наступавшей на Гдов, и в беседе с корреспондентом «Петроградской правды» заявил категорически, что отчаянные контратаки интервенционистско-белогвардейской Северо-западной армии — «последняя судорога издыхающего зверя», подчеркнул, что «дух наших войск великолепен».

Его просьба была удовлетворена.

...Тридцать месяцев, 900 дней своей жизни, посвятил «усыновленный сестроречанин», комиссар революционного Петрограда Семен Восков красной столице. По своей насыщенности событиями эти 900 дней могли бы составить человеческую жизнь.

Порыв В будущее

Комиссар - это кусок
цемента для сложения
всего достигнутого производства
СВСКов.

е разбудила тишина. Не топали в коридоре сапоги, не хлюпала дверь, тревожно молчал телефон. Сальма подбежала к окну: сквозь паутину дождя проступали силуэты метавшихся во тьме людей, контуры бесконечной вереницы всадников и повозок. Проверив оружие, она быстро рассовала по карманам печатку дивизии, шифры для телефонограмм, бланки приказов и рванулась к выходу. Тяжелая рука схватила ее за отворот шинели, подтащила к стоявшей рядом бричке:

— Садись! Фронт прорван. Беяки уже в южных кварталах.

...В Серпухов Сальма прибыла почти одновременно с Семеном. Питерских коммунистов встречали люди со стягами, на которых было начертано властно и коротко: «Смерть Деникину!»

В те тревожные дни октября 1919 года, говорится в «Истории гражданской войны в СССР», для укрепления Южного фронта «во главе войск и политического аппарата ставились опытные и закаленные в борьбе большевики». Рядом с именами Г. К. Орджоникидзе, Р. С. Землячки, М. П. Янышева и многих других испытанных коммунистов называется и имя С. П. Воскова, назначенного комиссаром 9-й стрелковой дивизии. Вызвавший его член Реввоенсовета фронта не был склонен к долгому инструктажу.

— Принимайте с Солодухиным дивизию. Штаб ее в Орле. План ближайших действий — вернуть Курск..»

...Но теперь предстояло возвращать Республике и Орел.

Восков и Сальма, получившая назначение в политотдел этой же дивизии, попали в Орел в ночь на

13 октября, за несколько часов до того, как деникинцы превосходящими силами совершили отчаянный рывок и буквально по трупам своих же офицеров и солдат ворвались в город. Вместе с комиссарами бригад и полков Восков в эти страшные часы пытался задержать на дорогах беспорядочно отступавшие части, наладить управление, организовать контратаки, но главные позиции уже были проиграны: войска откатывались. Тогда, собрав десяток политработников и командиров, весь в копоти, почерневший, осипший, он жестко распорядился:

— Выставляйте заслоны у Панькова, Оптухова, Отрады. На это остается два — два с половиной часа. Реквизируйте по дороге машины, повозки, лошадей. Если хоть одна часть отойдет севернее, худо нам будет, братья по классу.

Ценой невероятного мужества и решительности эти люди остановили отступавшие в беспорядке войска: остановили в двадцати километрах от Орла, в районе станции Отрада. Пройдет много лет, бежавшие из Орла в панике мальчишки-новобранцы станут полковниками и генералами, но в памяти их навечно останется облик этого крепкого, энергичного человека в плохонькой шинели, который закрывал им дорогу к отступлению.

Не теряя ни минуты в ожидании нового начдива, Восков вызывал людей из бригад, полков, распоряжался уверенно, но сдержанно, тихо. «У Воскова — интеллигентное лицо, мягкая манера обращения, — зафиксировал свои первые впечатления о диввоенкоме начальник штаба 78-го полка Иван Шевченко. — Так и казалось, что всю свою жизнь он провел в уютном кабинете». И этот мягкий «кабинетный» человек, как убедились политработники, с первой же минуты своего пребывания в дивизии «всех начальников, командиров и комиссаров, проявивших трусость и отступавших без приказа... беспощадно арестовывал и предавал суду».

Объезжая части, Семен задержался в партизанском кавалерийском отряде, передал командиру Федору Попову и комиссару Юрию Грузинскому, что по распоряжению штаба фронта отряд переходит в подчинение 9-й стрелковой дивизии. Сибиряк Грузинский прищурился.

— Так, так... А где же эта дивизия, позвольте узнать? И ее командование? В Серпухове или еще дальше?

Комиссар обиды не показал.

— Як кажуть на нашей неньке Украине, дороги мои земляки, кинь спиткнувся, але до дому вернувся. А насчет дивизии... Скоро встретитесь с ней, а заодно и командование побачите.

— Так вы, комиссар, тоже с Полтавщины? — удивился Попов, формировавший там отряд.

— Выходит, тоже.— Глаза комиссара смеялись.— По рождению глобинский, а крещен в полтавской тюрьме.

«После этого и наша сдержанность прошла,— вспоминал Попов в своих записках «Разгром деникинцев под Орлом»,— и беседа развернулась просто, непринужденно, откровенно. Даже короткое пребывание в отряде этого испытанного посланца партии ободрило нас...»

К вечеру 14 октября на станцию прибыл состав с рабочими Тулы, Питера, из вагона вышла группа командиров, среди них — Солодухин. Увидев на путях фигуру отсалиютовавшего ему военного, комбриг обрадованно воскликнул: «Семен!» Широко шагая, подошел к нему, обнял, представил спутников.

У эшелона приехавшие бойцы разминались, где-то заиграла гармошка, начинался перепляс, повара подкапывали к вагонам походные кухни. Солодухин скользнул взглядом по самодельным плакатам, которыми были оклеены стены домика и склада, обрадовался:

— Это по-нашенски, Семен, по-питерски. Ты придумал? — Громко и со значением прочел: — «Освободим

Орел 20 октября, а Курск — ко второй годовщине нашей Революции». Затверждаю!

Из частей съехались командиры и политработники. В крошечных станционных комнатах и яблоку негде было упасть, человек на человеке сидел. Начдив, понимая нетерпение комполитсостава, лукаво усмехался.

— Да, со штыками у нас не густо, не густо, а командовать есть кому. Товарищи, я вижу, обстрелянные.

Задумался на минуту, и вдруг — решительно:

— Я приехал с Петроградского фронта. И не один. Со мной боевые товарищи. Вместе с ними мне пришлось бить белогвардейцев Юденича под Ямбургом, американцев и англичан под Шенкурском. Здесь враг, пожалуй, посильнее, тут ведь почти одни офицеры... Ну что ж, нам не привыкать. Ну а теперь говори ты, комиссар.

Восков напомнил об авторитете коммунистов и комиссаров, которые должны быть с бойцами в бою, в походе, на отдыхе.

— Успеете сплотить вокруг себя группу надежных бойцов — считайте, бой выигран.

«...На первом же собрании комсостава, — вспоминал комбриг Павел Александров, — новые начдив и военком произвели неотразимое впечатление людей, приехавших победить или умереть, третьего решения не знающих».

Началась работа по реформированию дивизии, которая вместе с другими соединениями 13-й армии имела против себя сильного и опытного противника. Штаб-арм-13 и Реввоенсовет Южного фронта требовали быстрых, решительных действий. Начдива и военкома в шутку называли «бескочниками», в штабе их было не застать, дни и ночи разъезжали они по бригадам, полкам, знакомились с людьми, наводили железный порядок в войсках и в тылу.

— Сколько у тебя в отряде сабель? — спросил Солодухин при встрече у Федора Попова.

— Семьдесят, товарищ начдив,— вытянулся лихой кавалерист.

— Понимаешь,— заговорщицки сказал начдив,— мы с комиссаром тебе поможем довести их число до семисот. Рад?

— Еще бы! — Попов сверкнул улыбкой.— Что надо?

— Трохи гибкости, кавалерия,— подмигнул Солодухин.— Даю тебе «добро» конфисковать в штабах и обозах лишних коней, ну и седла, само собой. Бродят тут по нашей округе пока никуда не приписанные молодцы, собери их, конников к ним прикрепи...

Лицо у Попова вытянулось, Восков от души хохотал.

— Не кручинься, товарищ Попов,— уже серьезнее сказал начдив.— Я и приятное тебе сообщу. Часть твоя будет называться Красноказачья. Здорово военком придумал!

Больше всего новых руководителей дивизии занимало создание ударной штурмовой группировки. Комиссару 80-го стрелкового полка Григорию Тарану на всю жизнь запомнилась промозглая, дождливая ночь на второй декаде октября, когда он получил телефонограмму срочно явиться в штадив. Войдя в штабной вагон во втором часу ночи, он застал бодрствовавшего комиссара и укрытого шубой начдива, который спал на двух сдвинутых скамьях. Восков представился, предложил Тарану сесть, как бы извиняясь, сказал:

— Перетомился начдив... Не стоит будить.— Зябко повел плечами, расспросил о численности полка, настроениях.— Не буду ходить вокруг да около. Мы с начдивом решили поручить боевому командиру Павлу Александрову и боевому комиссару Григорию Тарану формирование ударного полка для взятия Орла. Справитесь? Срок—несколько дней. Александров уже вызван в штаб.

Таран не спеша погладил окладистую бороду, заше-

велил губами. Достал заготовленный листок, протянул Воскову.

— Заявочка на пулеметы, ружьишки, патроны.

Посмеялись, сели считать резервы.

Восков и Солодухин в один из пяти дней, оставшихся до штурма, приехали на северный берег реки Оптухи, в «хозяйство» Александра, и смотрели, как скрытые кустарником бойцы строятся, отрабатывают маневры боя, учатся стрелять.

В разгар подготовки дивизии к штурму Орла на станции Отрада появилась начпоарм-13 Землячка. Вместе с новым начальником политотдела дивизии Леонтьевым и группой коммунистов она пробралась по тылам белых. Землячка, которую Семен помнил по Екатеринославу, сообщила о резолюции Политбюро ЦК, решившего усилить отпор Деникину.

Известие вдохнуло новые силы. Восков, Леонтьев и группа политработников по образцу полевого штаба, который начдив и военком начали выдвигать в авангард наступления, создали полевой политотдел. Обычно вместе с первыми частями он входил потом в освобожденные населенные пункты, помогал созданию революционной власти, сельских Советов. Восков знал мятежный дух начдива, старался уберечь молодых работников от его вспышек. Случались курьезы. Просматривая как-то свежую почту, Солодухин с трудом разобрал подпись под телефонограммой.

— Приняла Кон... Кон... вил-лем,— прочитал он по слогам и запетушился: — Ты скажи своей помощнице, Семен, хватит с нас фамилий всех этих баронов Антанты. Пусть чего попроще себе подберет. Ну, Каляева, что ли?

Восков хохотал, а Сальма легко согласилась на армейский псевдоним. Так она стала Каляевой.

Перед самым штурмом Орла во все ударные части разослали телефонограммы: «...надеюсь, что они [бой-

цы] оправдают мое доверие и сегодня возьмут Орел. Начдив Солодухин, политком Восков. 19 октября, 12 ч. 45 м.».

Так за какую-нибудь неделю из полуразбитой, охваченной паникой, разбросанной, плохо вооруженной 9-й стрелковой дивизии был подготовлен сильный ударный кулак, занесенный над самыми вымуштрованными деникинскими частями.

Дивизия вступала в сражение, о котором Ленин в один из ближайших дней скажет: «Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом... Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте».

„ПЕТРОГРАДЦЫ, ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ...“

тот проклятый фиолетовый забор в темени было не разглядеть, и Восков с Леонтьевым нещадно ругали местного попака за выбранный им цвет и за то, что домик стоял где-то на околице. Последнее оперативное совещание командиров и комиссаров дивизии перед штурмом Орла открыл Солодухин:

— Стало быть, с севера ждем мы, с запада поддерживает Эстонская дивизия, с юго-запада наступает ударная группа, которой мы передали своих славных червонных казаков. Деникин приглашал заправил Антанты на обед в Москву — так мы ему такой обед в Орле закатим, что аппетит надолго отобьем.

Передал слово военкому.

— За битвой под Орлом,— напомнил Восков,— следят Владимир Ильич, вся наша партия, все трудящиеся. За битвой под Орлом следят враги и ждут нашего

поражения. Так дадим же клятву, что уже завтра мы разведем надежды врагов на их победу и гибель Советов. Завтра мы умрем или сокрушим врага!

За полночь продолжалась «генеральная репетиция» захвата Орла.

— Послушай, Марк Алексеевич,— обратился Семен к командиру 81-го стрелкового полка Кабанову. — Говорят, ты свой духовой оркестр завел?

— Подарок товарища Подвойского,— приосанился Кабанов.— За славные боевые деяния.

— Вот и отлично,— улыбнулся Восков.— Соверши еще одно славное деяние — придай свой оркестр штурмующей группе.

Командование фронта сосредоточило в районе Орловской операции свои самые надежные соединения. В ночь на 19 октября части 9-й дивизии, преодолевая отчаянное сопротивление белогвардейских заслонов, начали прорыв к Орлу с севера и северо-востока. Одновременно с трех сторон к городу, в котором деникинцы чувствовали себя хозяевами, протянулись, подобно разящим мечам, штурмующие группы 13-й армии.

Восков в первые часы наступления был со своими земляками—червонными конниками. «Воздух окопов был пропитан пороховым дымом,—описывал контратаку корниловцев Федор Попов.— Появился комиссар дивизии Восков. Он перебегал от одной бойницы к другой, показывал красноармейцам, как лучше целиться по врагу... отрывисто повторял: «Упор, упор, покрепче плечом, не будешь мазать. Мазать, браток, никак нельзя, просто грешно»,— и, улыбаясь, уходил дальше».

Начдив, зная, что военком отправился к кавалеристам, страшно удивился, когда на рассвете 20 октября уже на подходах к Орлу вдруг услышал из ближайшего овражка, где залегла одна из штурмовых рот 76-го полка, голос Воскова.

— Восков, мне снится? — крикнул Солодухин.

— Так ты же командовать призван,— схитрил Семен,— а я выполнять твою команду и политически вести бойцов...

— Шалишь, братец,— погрозил ему пальцем Солодухин,— на сей раз политически и физически орлов поведет начдив.

Утром под барабанный бой, поднявшись во весь рост, корниловские офицеры пошли в психическую атаку на позиции 76-го полка. Они уже на расстоянии двухсот метров, уже видны перекошенные от злобы лица, и тут Солодухин крикнул: «Огонь!» Отброшенные точной прицельной стрельбой, корниловцы вскоре перестроились и попытались повторить психическую атаку, теперь уже при поддержке артиллерии.

— Тактика прежняя,— передавал Восков бойцам по цепочке.— С двухсот метров двинемся в контратаку. Петро, дозвожь мне!

— Шалишь, Семен,— повторил Солодухин.— Обеспечь мне тыл, в контратаку пойду лично.

Устремившись вперед, вслед за начдивом, 76-й полк опрокинул корниловскую ударную группу, почти одновременно первый батальон 80-го полка, забросав противника гранатами, ворвался в его окопы. Началась штыковая схватка. Создав надежный заслон с тыла и фланга, сумев в какие-то мгновения оценить перелом в сопротивлении белых, Восков, получив «добро» начдива, перевел в решающее наступление части на более широком участке. Кавалеристы Федора Попова, опрокинув вражескую конницу, уже неслись по городу. С 80-м полком Семен ворвался в Орел и под ликующую музыку оркестра участвовал в преследовании беспорядочно отступавшего противника. 9-я стрелковая, по меткому сравнению одного из ее ветеранов, разматывалась словно гигантская стальная пружина и била по врагу с неудержимой силой. В город ворвались и другие части 13-й армии...

— Хорош! — закричал Солодухин, встретив Воскова, притулившегося к тумбе на одной из центральных площадей города.— Я тебя оставляю для заслона, а ты здесь? Что строчишь?

— Привет Петрограду.

— Ну молодец, ну сила! — обрадованно кричал Солодухин.— Ставь и мою подпись.

«Сообщаю, что частями дивизии взят город Орел, — говорилось в телеграмме.— Дивизия приносит глубокую благодарность Питерскому Совету и комитету партии за оказанную помощь мобилизованными коммунистами... Мы, красноармейцы, комиссары и командиры — петроградцы, затаив дыхание, следим за геройской защитой сердца русской революции... Наши революционные сердца бьются в унисон с вашими... Начдив Солодухин, военком Восков».

На площадь вливаются бойцы, штурмовавшие город, жители Орла, большевики-подпольщики. С руководителями дивизии обменивается крепкими рукопожатиями член РВС 14-й армии Серго Орджоникидзе.

— Только что порадовал Владимира Ильича телеграммой,— весело говорит Серго.— Передал привет из красного Орла. А денкинцы все еще морочат Антанте голову, кричат, что Орел белый...

Вспыхивает митинг. После речей Орджоникидзе, Солодухина, кавалериста Попова бросает в толпу свой «заряд» военкомдив:

— Этот истинно русский город, захваченный белыми, героически штурмовали славные сыны русского, украинского, латышского, эстонского и других народов нашей великой родины. На полях битв гражданской войны выковывается всепобеждающий Союз трудящихся.

Даже в такие минуты накала масс он стремился проникнуть в глубины события. «На красноармейских митингах,—воссоздавал образ Воскова-оратора комбриг

Павел Александров, — он буквально производил переворот в душах массы. Он обладал исключительным искусством говорить на простом и сильном языке народа. Он был всегда интересен и свеж: усталые и голодные красноармейцы после речи Воскова находили силу и радость для новых походов и побед».

В городе еще продолжались бои. А в гостинице «Метрополь» уже состоялся военный совет: руководители соединений и частей, бравших Орел, были ознакомлены с директивами РВС Южного фронта. 14-я армия нацеливалась против крымской группировки деникинцев, 13-я — против орловской.

Горячо обсуждалось дошедшее в этот день до полков письмо В. И. Ленина «К товарищам красноармейцам».

Солодухин собрался по случаю победы попить с комсоставом в «Метрополе», но, предупредив его намерение, Восков роздал комбригам и комиссарам оперативные задания, незаметно отпустил их. Начдив сидел нахохлившийся, готовый затеять ссору.

— Кто здесь начдив, а кто военкомдив? — высокомерно спросил он, когда они остались наедине.

— Начдив ты, и умелый начдив, — заверил его Восков. — Я правильно угадал твое намерение обезопасить дивизию от случайностей?

— Правильно, — с легкой запинкой ответил Солодухин и покачал головой. — Дипломат у меня комиссар!

Следующий же день показал, сколь продуманны были распоряжения военкома. Деникинцы бросили в бой свежие войска. 9-я стрелковая дивизия перегруппировала свои силы и вместе с другими частями 13-й армии отбросила противника от города. Однако 24 октября дивизию постигла неудача: нащупав слабое место в обороне 1-й бригады, белоказачьи части прорвались восточнее Орла к станции Золотарево. Пришлось затыкать брешь резервами из тыла, но бригада понесла серьезный урон в людях. Солодухин особенно тяжело переживал этот

случай еще и потому, что беспечность допустил его друг и сподвижник по Питеру Степной-Спижарный.

Восков отлично понимал начдива, понимал и щекотливость своего положения: ведь ему с Солодухиным предстояло вести дивизию дальше. Командиры частей знали, что «для комиссара не были секретом недостатки и слабости начдива. Солодухин бывал резок, грубоват с подчиненными... Комиссару удавалось ликвидировать инциденты». Но в случае с 1-й бригадой все было сложнее, запутаннее... В присутствии работников штаба и комбригов Восков предложил:

— Ничего, Петр Адрианович, не унывай. Отдельные неудачи, затруднения — разве они характеризуют общее наше положение? Думаю, что нет... А со Спижарным... Ведь он сугубый кавалерист. Вот и дай ему формирование кавполка.

Солодухин благодарно посмотрел на Воскова, облегченно вздохнул:

— А что же? Прав наш комиссар. Так и сделаю. А бригаду кому?

— Я бы доверил Павлу Александрову, — предложил Восков.

— Принимаю, — согласился начдив. — Прекрасный ты человек, комиссар, истинный пролетарий и отличный работник.

ФИЛОСОФСКИЕ УРОКИ

чительствовал я неподалеку, под Льговом, — рассказывал Александров, — и решил однажды помочь крестьянам, поехал к князю Бярятинскому просить его не взыскивать недоимки. «Только из уважения к

просвещению», — важно изрек князь и на другой же день от своих щедрот прислал в деревню возок хвороста. С той поры, — закончил свой рассказ комбриг, — я стал убежденным марксистом.

— Мы этот возок в крестьянском музее поместим, — озорно вставил Семен.

Сальма Каляева была счастлива, общаясь с этими людьми, еще молодыми, но столько повидавшими. Они сидели втроем в маленькой комнатушке, воспользовавшись короткой передышкой после взятия Орла, и Сальма разливала по оловянным кружкам чай, заваренный на мяте. Семен разоткровенничался, обратился к годам юности. «Вспоминаю беседы с Восковым, — писал комбриг в заметках «Девятая стрелковая», — Семен Петрович как-то просто и ясно осмысливал происходящие события, пути и судьбы людей...»

— Я вижу перед собой ребят, с которыми брал екатеринославскую тюрьму, — рассуждал Восков, — своего харьковского дружка Михаила — мы запрыгивали с ним в проходившие эшелоны с оружием, у меня из памяти не выходят молодые паркетчики Бруклина, отбивавшиеся и от скэбов, и от полиции, и мои сестрорецкие оружейники, молодые совсем, которые падали в Рауту... Им всем здорово хотелось жить просто и счастливо — наверное, хотелось. А вот шли под пули, под удары, гасили в себе инстинкт самосохранения. Во имя чего?

Что-то привлекло его внимание за окном, на улочке. Стремительно поднялся, в одной гимнастерке выскочил на мороз, подбежал к солдату, стоявшему подле рыдавшей старушки, вырвал из его рук сапоги, в неистовой ярости хлестнул ими по лицу бойца.

— Мародер! — тяжело выдохнул он. — Вон из Красной Армии! Под трибунал пойдешь. Тебе у Деникина или Врангеля служить!

— Орел босый брал... — растерялся солдат. — Черт попутал...

Старушка взяла сапоги, поклонилась, быстро засеменяла к дому.

— А если бы твою мать грабили? — тихо спросил военком.

Солдат дернулся, поднял голову, простонал:

— Махновцы ее зарубили, комиссар. Шкура я... Веди в трибунал. Сплоховал я, товарищ.

— Ну, иди,— сказал Восков после раздумья.— Да наперед соображай лучше, что делаешь.

Он вернулся в комнату, явно недовольный собой:

— Не сдержался,— смущенно улыбнулся Восков.— А он не махновец, нет.

И, вспомнив, на чем оборвал разговор с друзьями, заключил его:

— Во имя чего же мои братья по классу подставляют себя пулям, ударам, страданиям? Да они не могут и просто не желают жить только для себя! Да они же думают о том обществе, в котором не будет места ни распрям, ни пулям! Они же отлично чувствуют,— ввел он в обиход свою излюбленную энергичную формулу: — личные интересы пролетария совпадают с его классовыми — в общем и целом всегда...

«В этой душевной беседе,— писал его собеседник,— нравственный облик Воскова поднялся для меня еще выше. Его безукоризненная честность, скромность, пренебрежение к личному благополучию было яркой чертой его жизни, его философии».

В эти дни Орловско-Кромовской операции военком энергично помогал создавать местную власть в освобождаемых населенных пунктах, и плохо пришлось одному политотдельцу, который доложил комиссару, что «он решил трохи погодить с Советом в поселке по причине возможности налета мамонтовской конницы».

— У вас со зрением неважно, как говорят врачи, аномалия,— разделявал Восков инструктора под

орех,— вы смотрите на жизнь с высоты болотной лягушки. Поднимитесь выше.

Восков понимал, что Советская власть в освобожденных районах — это, ко всему прочему, еще и надежный тыл.

— Конец октября и начало ноября выдались слякотными, непогожими, переходы становились все труднее и труднее,— рассказывал командир 81-го полка Марк Кабанов.— Когда на подступах к Малоархангельску к нам в часть прибыл военкомдив, настроение у людей было унылое. И вот, побеседовав с красноармейцами на привалах, у костров, проведя серьезный инструктаж командного и комиссарского состава, он сумел вернуть усталым красноармейцам былую энергию, и мы сами не заметили, как лозунг, выдвинутый С. П. Восковым: «Преподнесем Советской власти к годовщине Октября подарок — Малоархангельск!» — стал лозунгом каждого из нас». Бой за Малоархангельск был тяжелый. Корниловцы сопротивлялись ожесточенно, но пятичасовые решительные атаки красных полков выдержать не смогли. Восков с большим душевным волнением и гордостью вспоминал о героизме коммунистов дивизии, ее политических работников:

— Многие коммунисты помнят, как настойчиво Ленин и его соратники боролись на Восьмом съезде РКП(б) за точную оценку роли комиссара в армии. В бою под Щиграми двое суток в мороз и метель рядом с комбатом Агеенко водил бойцов на засевших в городе корниловцев комиссар Прибылов. Он погиб. В кровопролитных боях за станцию Охочевку, в самый критический момент, в атаку красноармейцев увлек тяжело раненный комиссар 81-го полка Борщевский. Поистине эти люди — носители духа нашей партии.

И сам военкомдив 9-й стрелковой подтвердил это высокое звание в дни штурма Курска. Порой можно растеряться: не один полк утверждал, что он шел на

штурм Курска именно с военкомдивом. И здесь нет ошибки.

Если посмотреть на схему расположения войск Красной Армии в канун этого крупного сражения, то нетрудно вообразить, что 10-я стрелковая напоминала мощный трезубец, охватывающий своими тремя бригадами Курск с севера и с северо-востока. Правее Курска наступала вторая бригада, в центре — третья, слева — первая, а молодой кавалерийский полк дивизии из района Винниково готовился к преследованию противника.

Вторая декада ноября принесла метели и снежные заносы. Зима выдалась ранняя, морозная. Особенно больно ударила она по второй бригаде, бойцы которой залегли цепями в снег, хотя должны были уже несколько часов продвигаться вдоль ветки Куркино — Курск. Комбриг-2 не смог поднять людей в атаку и был немедленно отозван. Принять бригаду и сразу же поднять цепи в атаку было предложено комбригу-1 Павлу Александрову. Солодухин присовокупил при этом: «И лично повести». Восков успел добавить по телефону: «С сохранением людей и себя, комбриг!» В штадив сообщили, что ударная группа, захватывающая станцию Отрешково в пяти верстах восточнее города, попала под огонь двух деникинских бронепоездов, и Солодухин поспешил на выручку. Молодцевато запрыгнув в седло, крикнул Семену:

— Как только возьму Отрешково, давай команду Николаю Куйбышеву, Павлу Александрову и кавполку врываться в Курск. Завтра город должен быть мой.

— Наш, советский, — мягко поправил Семен.

— Правильно, комиссар. — Солодухин вздохнул. — Пришлю к тебе ординарца с известием о моем успехе.

...Ординарец нашел военкома у Горелого Леса, вручил записку начдива, от себя добавил:

— Знатный бой был. Петр Адрианыч лично с артиллеристами орудия выкатывал, команду подавал по белой

сволочи прямой наводкой...— И зашпешил: — Товарищ военкомдив, Семен Петрович, на словах велено вам передать, чтобы вы в пекло не того...

Но Восков уже отъехал и издали крикнул:

— Скажи начдиву: что он передал на словах — ветер отнес, остальное выполним.

Крутила поземка, снег залеплял глаза, лошади поминутно спотыкались. Стыли руки, ноги. Поплутав с полчаса, они добрались до кавалерийского лагеря. Люди сидели прямо на снегу, прислонившись к мшистым стволам, кони бродили между деревьями, пытаясь копытами раскопать под снегом пожухшую траву. К военкому подбежали комполка Попов, комиссар Грузинский, помогли спешиться.

— Здорово, червонна кавалерия,— бодро поздоровался Семен.

— Хлебните-ка горяченького чайку.— Федор подал комиссару фляжку.— Вы с чем к нам?

Восков сделал несколько глотков, хотел улыбнуться, но вышла гримаса: скулы прихватило морозцем.

— Сейчас все узнаете. Связь действует?

Долго натужно кричал в трубку. Удалось через штаб третьей бригады передать для второй: «Александров, политическая обстановка требует взять Курск сегодня же. Тряхни бригаду. Курск должен быть взят».

Восков повернулся к Попову, Грузинскому:

— Обстановка сложилась такая, что нужно к утру завтрашнего дня взять Курск. В состоянии ли кавполк сегодня, с наступлением темноты, пройти сорок верст и ночью ворваться с юга в Курск? Стрелковые полки войдут одновременно с севера...

Видел, что оба растерялись.

— Бойцы засыпают в седлах,— обронил Грузинский.

— Не торопитесь с ответом,— предложил Восков.— Соберите комсостав, коммунистов, а я подожду...

Прислонился к дереву, задремал.

Полчаса спустя его окружили командиры. Попов доложил:

— Если будет приказ — червонные казаки его выполнят!

Восков вручил ему приказ, обнял:

— Завтра увидимся в Курске. — И с седла: — Но можешь, и пораньше.

Пораньше и вышло. Побывав у Александрова и переговорив с командирами, готовившими бойцов к броску на Курск, Восков вновь разыскал кавалеристов и присоединился к их колонне. Снег забивал глаза, уши, рот, ветер сбивал с ног. Лошадей вели под уздцы. «А успеете?» — кричал Восков. «Должны успеть!» — кричал в ответ Попов. — Иначе крышка!» Люди падали, соседи их подымали. Грузинский вдруг заявил: «Эту опушку уже проходили, компас врет!» О Курской магнитной аномалии тогда еще не знали, но Восков сверил несколько компасов, сообразил, что дело неладное, спокойно предложил:

— Давайте-ка по чутью, братва. В конце концов находят же дорогу и охотники, и грибники. Ну-ка, перехитрим аномалию!

Добрались до какого-то хутора, немного передохнули. И тут на дороге показался корниловский полк.

— Окружай, — предложил Семен Попову. — Они не ожидают удара. Не то врежайся стремглав, как это делают буденновцы.

Едва в строй вонзились с трех сторон всадники, панический страх охватил полк беляков, раздались крики: «Буденный!», офицеры начали отстреливаться. Грузинский подлетел, схватил за узду Семенова коня, взмолился:

— Мотай отсюда, комиссар! За аномалию — спасибо, но мотай. Без тебя управимся, неровен час... А тебя комбриг третьей ждет.

Его и впрямь ждал Куйбышев, и он не мог оставаться до развязки боя. Николай Владимирович Куйбышев встретил Воскова на позициях, о приказе он уже знал, предложил:

— Поскольку вы в расположении моей бригады, Семен Петрович, то разрешите начать с приказа: фельдшер сейчас проверит, царапнуло вас или ранило, велите ординарцу заштопать вам шинель и отведайте похлебки.

Чуток передохнув, Семен сел с комбригом за стол, согласился с его предложениями, сказал, что на Курск пойдет с 80-м полком.

Полк двигался, уверенно преодолевая сопротивление белых. Заминка вышла у деревни Долгая Клюква, где неоднократные атаки позиций противника успеха не принесли. Нервничал комбат, волновались штабисты: не задержать бы соседей. Комиссар полка Таран, Восков и комбат Иванов держали совет. Иванов предложил обойти противника, Таран стоял за новые атаки, ссылался на нехватку времени. Восков миролюбиво сказал:

— Я твой авторитет, комиссар, обязан беречь, но комбат прав, в ступе воду толочь негоже.

Обойдя фланг деникинцев, Иванов с частью сил полка дерзко ударил по врагу с тыла, Восков, увидев в бинокль, как резервная рота противника пытается помешать атакующим, пробился с отрядом на помощь к комбату и не позволил сорвать темп атаки.

И еще один бой предстоял полку — перед самым Курском. У полотна железной дороги Курск — Белгород полк наткнулся на отряд дроздовцев. Позиции у белых офицеров были удобные, насыпь скрывала их от прицельного огня наступавших. Трижды поднимались в атаку бойцы, трижды шли в авангарде штурмующих комполка Михайлов, комиссар Таран, военкомдив Восков. После третьей попытки военком собрал командиров, политработников.

— Бойцов посылать на смерть не имеем больше права, — глухо сказал он. — Но и терять золотые минуты позволить не могу. Весь командный и политический состав полка приглашаю добровольно. Всех не убьют, — пытался он смягчить напряжение шуткой, — будет кому что порассказать потомкам.

И они пошли еще в одну, может быть самую страшную, атаку.

— За революцию — вперед! — слышался возглас военкомдива.

Восков карабкался на насыпь, расстреливая в упор появляющиеся фигуры, катился вниз, едва не попав на пулеметный расчет, дрался врукопашную, бил, стрелял, кричал «ура!». И люди бежали за ним и рядом с ним, скатывались с комиссаром с насыпи и обгоняли его, а он знал, что нет сейчас дела более важного для комиссара, чем вести батальон на штурм, а может быть, на смерть. Он почувствовал на руке шершавую ладонь Тарана, услышал его негромкий голос:

— Отдохни малость. Оседлали мы дорогу.

Через час полк с боем ворвался в Стрелецкую слободу Курска и пробился на городскую площадь. Здесь Семен встретился с начдивом — оба в пороховой копоти, со следами крови.

— Все знаю! — крикнул ему Солодухин. — Золото ты, а не комиссар.

Федор Попов подошел к военкому.

— Комиссара моего... Две пули навывлет. Просит тебя, Семен Петрович.

Юрий Грузинский лежал на скамье. Увидев над собой склонившееся лицо Воскова, быстро зашептал:

— Я тебя плохо встретил... Партизаны мы... Ты скажи, дети нас вспомнят, комиссаров?

Восков поцеловал его, постарался ободрить:

— А как же! Комиссары — кто? Цемент...

— Только, видишь, и цемент разрушается...

Восков вошел в штаб дивизии, разместившийся в доме предводителя дворянства на Сергиевской, молчаливый, глаза смотрели отчужденно.

— Прошу для полков знамена.— Солодухин говорил громко, как трубил, глаза были шальные.— И вот — читай!

Семен скользнул взглядом по бумаге. «Ходатайствую о непременном награждении комиссара дивизии Воскова за его выдающуюся храбрость... несмотря на ураганную бурю и мороз, вел части в наступление. Проведя целую ночь в лесах, он сумел личным примером поддержать дух пехоты и конницы и 17 ноября в 10 часов, несмотря на продолжающуюся вьюгу, повести части в атаку на Долгую, преодолеть ожесточенное сопротивление противника, разбить последнего, забрать в плен 200 человек, пулеметы, винтовки, снаряды, инженерное имущество... При всей дальнейшей операции, при двух атаках на Курск товарищ Восков всегда был вдохновителем бойцов и первым вступил в город. Начдив-9 Солодухин».

— Орден Красного Знамени, не иначе! — бушевал Солодухин.

— Не подпишу,— сказал Восков.— Представление отправлять не разрешу. Не заслужил пока. Есть более достойные. Представляй комиссаров Грузинского, Прибылова, Борщевского. Могу назвать много других имен — вместе шли на Курск.

С ПЕРВОЙ КОННОЙ

вободных вечеров у командиров и политработников дивизии не было. Восков сутками пропадал или в частях, или в штабе. Иногда, заканчивая работу

к полуночи, все штабисты и политотдельцы задерживались, чтобы «в дружеской беседе на темы дня и на темы жизни,— вспоминал начальник полевого штаба Вениамин Попов,— скрасить тяготы изнурительного похода. Восков был интереснейшим рассказчиком, необыкновенно начитанным в области политэкономии, философии. Он умел сложную научную истину изложить изящно и просто. Я помню, как вспыхивал интерес в глазах таких разных людей, слушавших Воскова, как комбриги Павел Александров, Николай Куйбышев, начдив Петр Солодухин...»

Очередной темой этих «ночных советов», как их окрестили штабисты, была партийная неделя, которая совпала со взятием Курска. РВС фронта прислал в дивизию статью Ленина «Государство рабочих и партийная неделя», и Восков в этот ночной час с удовольствием зачитывал ее вслух.

...Беседа затянулась далеко за полночь. Только комдив и военком заснули на своих походных кроватях, как их разбудили, пришла директива фронта: 9-й стрелковой вместе с другими соединениями предписывалось стремительно продвигаться к Донбассу и изгнать оттуда белых, пресечь пути отхода деникинцев в Донскую область.

— Чудный сон снился,— вздыхал Солодухин,— теща блины печет...

— Блины на деникинской панихиде доешь,— смеясь, заверил его Семен.— Скажи-ка лучше, как будем переходить на новую тактику с Конной Буденного?

«С трибуны брошены в массу дивизии слова ЦК партии: «Пролетарий, на коня!»,— вспоминал комиссар Григорий Таран,— было это в Старом Осколе 30 ноября на митинге комсостава, политсостава и местных жителей. Выступил начдив Солодухин... Страстная речь Воскова призвала к совместным действиям с 1-й Конной...»

— Маневренная тактика Первой Конной,— убеждал

Восков,— да в соединении с нашим опытом внезапных налетов на белые банды — это же какая сила будет, товарищи? Неистребимая! И ты, Балакин, не бойся пересесть на коня,— обращался он к знакомому красноармейцу, высмотрев его среди слушателей.— Я сам, когда первый раз сел на коня, по лицам товарищей догадался, что похож на мешок с сеном.— И, выждав, когда стихнет смех, закончил: — А сейчас ничего. Так что берем коня в пролетарские союзники, товарищи командиры и бойцы!

День за днем дивизия все теснее смыкалась с Первой Конной, в состав которой ей предстояло войти по решению фронта, перенимала ее тактику. Назначенный вместо заболевшего Павла Смирнова комбригом-1 веселый и находчивый серб Андрей Агатонович высвободил обозных лошадей и пересаживал на них бойцов, а обозы поручал составлять местным крестьянам, что они охотно и делали. Уже не раз вместе с конниками преследовали противника бойцы, посаженные на подводы.

Восков все время был в передовых частях, и вдруг начдив получил от него записку: «Приглашаю славного начдива-9 с полевым штабом дивизии утром девятого ноября в город Валуйки». Солодухин потребовал карту.

— Перегнул наш военкомдив. Полки еще даже не на подходе...

Валуйки — важный стратегический пункт и крупный железнодорожный узел на пути к Донбассу. Может быть, поэтому, а еще и потому, что наступление на станцию и город по существу было первой операцией дивизии в составе Конармии, Восков и весь политотдел дивизии вместе с членами будущего ревкома города двигались в авангарде наступавших полков второй бригады. Удар по северной окраине Валуек по согласованному плану наносился совместно пехотинцами 9-й и кавалеристами 11-й дивизии Буденного, которую вел начдив

Матузенко. Не ожидавшая столь стремительного появления авангардов Конармии и 9-й стрелковой, которые, по сведениям штаба белых, находились еще на дальних подступах к Валуйкам, мамонтовская конница в первые минуты смешалась, но быстро перестроилась и начала контратаковать. На эскадрон буденновцев, которых вел Матузенко, неожиданно налетела белоказачья сотня. Конармейцы отбивались отчаянно, но силы были неравны. В этот момент в казачью сотню врезался военкомдив Восков с отрядом своих кавалеристов и внес замешательство в ее ряды. Семен рубил, стрелял, даже погнался за выскочившим из боя есаулом.

— Стой ты, чертяка! — громовым голосом крикнул ему Матузенко. — Мои конники их за рощей поджидают.

Буденновские эскадроны завершили бой за Валуйки.

В Валуйки прибыл Солодухин, горячо поздравил на митинге всех участников взятия станции и городка. Начдив Матузенко попросил внеочередное слово.

— По ко-ням! — скомандовал он.

И кавалеристы вскочили на коней, держа строй. Лишь один конь — самого Матузенко, особой стати, серый в яблоках, легкий на ходу, — остался без всадника, печально заржал и двинулся к хозяину.

— По поручению буденновцев... Дарю лучшего нашего коня храброму комиссару и, несомненно, будущему лихому буденновскому коннику — товарищу Семену Воскову.

И началась совместная боевая биография Конармии и 9-й стрелковой дивизии. Вместе они брали Купянск. Вместе громили белоказачков, обеспечивая переправу войскам через Северный Донец...

9-я стрелковая дивизия стала приобретать славу одного из лучших соединений Южного фронта. В двадцатых числах декабря 1919 года дивизия начала взламывать оборону белых в Донбассе и успешно овладевала

одним городом за другим. Принятый ЦК партии и командованием фронта генеральный план разгрома Деникина учитывал прочные симпатии шахтеров Донбасса к Красной Армии. Солодухин и Восков с радостью сообщали в штаб и РВС фронта о немедленном возобновлении добычи угля при вступлении в район шахт красноармейских частей.

«Удачливые у нас начдив и военком» — эту фразу можно было услышать во многих полках дивизии. Восков как-то признался Каляевой, что от слов этих попадает «неправильным пониманием роли масс и личности». Политическая работа в армии, любил он повторять, это прежде всего умение научить полуграмотного бойца заменять инстинкт самосохранения жаждой победы, а подвигом одного человека заражать массы. Он требовал от полевого политотдела оперативно сообщать о героях и о трусах, он находил тысячи тем и поводов для листовок, обращений, бесед.

А все же были они и впрямь удачливыми, начдив и военком, в этом молниеносном походе по земле Донбасса. В последние дни года вторая бригада вела тяжелые бои за поселок Дружковка под Краматорском, который оборонял белоказачий кубанский полк. «В этот момент,— описывал бой комиссар Таран в письме к комбригу Александрову,— и подъехал к нам (Агатоновичу и ко мне) на компункт т. Восков; поздоровавшись и видя, как казаки бегут, немедленно поскакал на левый фланг к Попову. Цель его была бросить полк на фланг в тыл белогвардейщине...»

Семен разыскал Федора Попова:

— Слушай, червонный конник, с какой стати нам миловать белое офицерье? Ударим твоим полком по флангу, а с фронта Андриуша Агатонович их накроет.

...Рубка шла грозная. Группа офицеров окружила себя подводами обоза, создав противоконный барьер, расстреливала кавалеристов из пулеметов.

— Оттесняй беляков дальше! — крикнул Семен. — А этими я займусь.

Он приказал спешиться эскадрону конников. Красноармейцы залегли в неглубоком яру и начали перестрелку с «обозниками». Неожиданно телеги разъехались, и эскадрон оказался лицом к лицу с кубанцами — мастерами рукопашного боя. На Воскова налетели двое; прапорщика он успел уложить из пистолета, но тучный, грузный штабс-капитан с неожиданной ловкостью опрокинул Семена, навалился на него... На помощь комиссару пришел молоденький конник, потом комиссар помог ему... Когда офицеры бросились обратно к телегам, красноармейцы забросали их гранатами... Кубанский полк вырвался из кольца с большими потерями.

После боя Воскова в штабе не оказалось.

— Найти мне военкома в пять минут! — каким-то чужим голосом приказал Попов.

А Семен обходил жителей поселка и подбирал людей в состав волостного Совета.

...Тарану и Агатоновичу показалось, что комиссару не по себе, он часто подходил к окну и к чему-то прислушивался.

— Могу чем-нибудь помочь? — тихо спросил Агатонович.

— Дорогой Андрей, — вздохнул Восков, — мы на юг двинем. И ближе к Полтаве, где сидят трое моих малышей, я уже не окажусь.

— Если сказать нашим людям, — улыбнулся Агатонович, — они глубокий рейд сделают, чтобы отбить маленьких Восковых.

...В эту же ночь военком перебрался в ударную группу, которой Реввоенсовет поручил освобождение Дебальцева — последнего укрепленного пункта деникинцев в центре Донбасса. Начштаба 78-го полка Иван Шевченко, один из самых юных воинов дивизии, говорил дипломатично:

— Передали от начдива... Вам — в штаб! Товарищ Солодухин намекал, что вы не комиссаровым делом в Дружковке занимались. А у нас — порядок. Значение Дебальцева понимаем.

Подошел встревоженный командир полка: нет пока сообщений о выступлении шахтеров и железнодорожников в Дебальцеве. Восков задумался.

— Пришлите ко мне разведгруппу, передайте начдиву, что остаюсь в полку... на политработе.

Он разъяснял разведчикам, как важно для изгнания белых объединить усилия красноармейцев и местного населения. Он выпустил обращение к участникам наступления. Он успел выступить в нескольких ротах, рассказал о бесчинствах деникинцев...

И Восков врывался в Дебальцево с 78-м полком как раз в тот час, когда машинисты потушили топки паровозов. Деникинцы бежали, а десяток эшелонов с грузами остался на путях.

Когда Восков уезжал из полка, к нему подошел Иван Шевченко:

— Так что разрешите, товарищ военкомдив, доложить товарищу начдиву, что вы у нас занимались, можно сказать, комиссаровым делом.

Семен засмеялся.

В канун Нового года Донбасс был полностью очищен от белогвардейских войск.

Один из вдохновителей антисоветской интервенции Уинстон Черчилль впоследствии выразит крайнее удивление в связи с тем, что в течение всего одного месяца «деникинская армия растаяла и весь фронт быстро исчез, как будто пантомима в цирке».

Если бы Черчилль знал людей, которые ускоряли исчезновение деникинского фронта: землепашцев Таранов, гидротехников Солодухиных, учителей Александровых, столяров Восковых... возможно, и недоумение его растаяло бы вслед за пантомимой.

тупике на станции Иловайская, захваченной дивизией 1 января 1920 года, был обнаружен состав, забитый чиновниками, церковными служками, мелкими торгашами, которых деникинцы схватили в Ростове и отправили сюда для обороны станции. Восков застал Солодухина, ораторствовавшего перед строем этих вояк.

— Значит, сочувствующие новой власти? Тогда вот что... Кто мне спое революционную песню, того возьму к себе.

Комиссар с трудом удерживал смех. Над толпой нестройно пронеслось: «На бой кровавый, святой и правый...» Но остальных слов не знали, лишь какие-то басы из задних рядов надрывались: «Долго в цепях нас держали...»

Подбежал ординарец: прибыли члены Реввоенсовета Первой Конной. Солодухин заспешил, оставил военкома решить судьбу ростовчан. Восков предложил:

— Желающих служить новой власти примем в дивизию, остальные — по домам. Политработникам разобраться с каждым, кто останется. — Улыбнулся. — С учетом спетых песен...

Когда он вошел в штабной вагон, член РВС Первой Конной Щаденко показывал на карте комбригам позиции кавалерии, а Буденный что-то горячо говорил Солодухину. Завидев Воскова, сжал его руку и продолжал:

— Посадил ты, начдив, свои бригады на повозки — так разве они теперь та же пехота? Они у тебя подвижность получили, они будто братья родные с конницей взаимодействовали!

Командирам Первой Конной предложил план взятия Таганрога, с тем чтобы завершить рассечение деникин-

ской армии и лишить ее удобного порта приемки грузов Антанты.

Всего около недели понадобилось 9-й стрелковой, чтобы вместе с дивизиями Первой Конной изгнать деникинские части со всей территории Донбасса, и немногим меньше, чтобы пробиться на коротком участке от Иловайской до Таганрога. Четверо суток упорных маневренных боев...

— Баста! — не выдержал Солодухин. — Один стремительный налет моих конников — и пируем!

Вырвал из рук ординарца блокнот, размашисто написал несколько слов, велел немедленно доставить в кавбригаду.

Ординарец ускакал. Происходило это на Матвеевом Кургане, в двух десятках километров от Таганрога, и собравшая здесь группа штабников, политработников дивизии могла наблюдать в бинокли дымки разрывов на северных окраинах города. Вениамин Попов подъехал к Солодухину, запинаясь спросил, какое именно распоряжение отдал начдив и нельзя ли с ним повременить. Возбужденный, непреклонный в своем упорстве, Солодухин грубовато ответил:

— Не ясно, что ли? В атаку велел готовиться.

Восков усмехнулся, подъехал поближе, сказал:

— Должны вскоре вернуться наши разведчики. Мы ведь хотели атаку согласовать с выступлением таганрогцев...

— Хотели, да, видать, не шибко хотели, — отрезал Солодухин.

Восков понимал, что беспокоит начштаба Попова: рейд кавалерии без поддержки пехоты может обернуться трагедией. С другой стороны, обговаривая планы с Буденным, штадив обещал своей конницей отсечь таганрогской группе Добрармии отходы к Ростову.

Теперь штабисты и командиры напряженно ожидали решения начдива. Восков обронил:

— И ты готов нарушить слово, которое дал Буденному?

— Не нарушу. Как тряханут они гадов, переведу кавбригаду на фланг...— Что-то сообразил, косо глянул.— Думаешь, беляки в щель нырнут, к Ростову? — Помолчал.— Все одно — орлы мои знают: Солодухин приказ не отменяет.

— А ты велел им, в какую сторону наступать? — задумчиво спросил Восков.

Вопрос застал начдива врасплох.

— Стороны я не указывал... Сами знают. А ты к чему это?

— А к тому, что если ты собирался послать их к востоку от Таганрога, чтобы отсечь отступление белых полков на Ростов, тогда и я подписываюсь под твоим приказом!

Опять напряженное молчание. Солодухин сорвал с себя папаху, пригладил волосы, снова надел ее, с минуту думал и выпалил:

— Дело говоришь! Конкретно надо мыслить, Попов. А не вообще. Однако желаю я взглянуть на того смельчака, который доставит моей кавалерии, что рвется в город, уточнение к приказу: вам, орлы, повернуть от Таганрога...

— Ехать мне, — сказал Попов. — Я встрял, мне и ехать.

Попов вернулся через час, бросил коротко:

— Едва сладил. Двинулись они в степь.

Стремительно овладев Покровским и Бессергеновской, бригады дивизии в ночь с 6 на 7 января, поддержанные восставшими рабочими, буквально на плечах белых ворвались в Таганрог. Неплохую «буденновскую рубку» провела и кавбригада. Деникинская армия была рассечена.

Два с половиной месяца дивизия не выходила из боев. На ослабевших людей налетел сыпняк. Въезжая в

город, Семен почувствовал недомогание. Вызвали врача, тот нашел воспаление легких. Приехала из бригады Сальма, захлопотала с банками. Почти весь следующий день Восков беспробудно спал. А в семь вечера ввалился Таран.

— В городе плохо, Семен Петрович.— Таран беспокойно двигал кулаками.— Кавалеристы с винных подвалов замки сбивают... Бандюги из нор повылазили...

Восков приподнялся с дивана, надсадно заскрипели пружины.

— Где начдив, комбриги? Кто ревком возглавил?

...С моря бил ветер, хлестал по лицу, впивался жесткими колючками в тело. Чтобы не упасть, Семен держался за заборчик, за стены домов. Увидел, как люди в шинелях выкатывали из ворот винную бочку. Прохрипел: «Застрелю, гады!» Маузер дрожал в руке.

Поднялся по узкой лестнице в квартиру, которую занимал начдив, безразлично скользнул взглядом по столу, на котором стояла кастрюля, издававшая острый запах солянки, и были расставлены четыре миски («Комбригов ждет», — прикинул про себя), перехватил оживление на лице Солодухина, хотел что-то сказать, но тот уже взял инициативу:

— Ну спасибо, комиссар, что зашел на товарищеский ужин. Теперь послушай частушку — сам сочинил, не все же нам с тобой в седлах за беляками гоняться...

На столе стоит тарелка,
На тарелке пирог.
Николай пропил Россию,
А Деникин — Таганрог.

Пропел лихо, ждал одобрения. Семен ухватился за край стола, чувствуя, что пол уходит у него из-под ног. Солодухин подскочил, поддержал комиссара, сердито выговорил ему:

— Зачем встал, Семен? Сейчас медицину призову...

— Не медицину, а ревком призови,— резко предложил Восков.— В городе беспорядки, много пьяных.

— Брось,— пытался остановить его Солодухин.— Ревком уже действует. А что выпили ребята по лишней чарочке — так надо же им победу над Деникиным отметить...

— Военные патрули не выделены,— продолжал Семен.— Кавалеристы взламывают винные подвалы...

Кавалерия была слабостью Солодухина, он побагровел.

— А кавалеристы что — не люди? Солодухин приказал сегодня отпраздновать взятие Таганрога, и не будем строить из себя монахов, комиссар!

— Революционный порядок,— не уступил Семен,— должен быть в местах расположения войск всегда.

Начдив прошелся по комнате, подергал ус, искоса посмотрел на Семена, почувствовал, что комиссар готов хоть ночь так простоять, пока не заставит сделать всех все как положено. В раздражении, а может и с нарочитым вызовом, выхватил шашку, бросил ее на пол:

— Может, комбригам и начдиву тоже возбраняется отметить успех дивизии?

Подошел к окну, стал, вглядываясь в темень. Семен с трудом сделал несколько шагов, положил руку на плечо начдиву.

— Обиду не держи, Петро. Мы же друзья, петроградцы, столько провоевали вместе... Честь нашу хочу уберечь, честь Красной Армии нашей. Что дороже ее, Петро? Скажи мне, что у нас еще с тобой есть?

Начдив стремительно обернулся, и Семен увидел, что взгляд его, еще минуту назад свинцово-тяжелый, просветлел, а губы раздвинуты в мягкой, слегка сконфуженной улыбке.

— Твоя правда, Семен,— как-то просто признал начдив.— Нет у нас ничего более святого, чем Красная Армия и власть наша Советская. Нет и не будет. А что

распустился на часок пролетарский начдив, не бери все-ръем. Все распоряжения мною уже отданы до твоего прихода, патрули велю сейчас усилить, а пока хочу выпить с тобой за нашу дружбу, дорогой ты мой комиссар. Эге, да ты валишься...

Подхватил Воскова, усадил, крикнул ординарца, велел за доктором сбегать.

— Не паникуй,— попросил Семен.— Уже получше мне. Лихорадка привязалась...

— А вот ты скажи мне, Семен,— вдруг встрепенулся Петро,— по-мужски скажи, напрямик. Когда бы не принял я прошлой ночью твою сторону и не отменил бы первый приказ кавалеристам,— что бы ты стал делать?

Восков молчал, но Солодухин был настырен.

— Начистоту, военком. Разговор у нас мужской.

— А если мужской разговор,— наконец ответил Семен,— то я воспользовался бы правом комиссара действовать в чрезвычайных обстоятельствах по своему усмотрению и обратился бы за поддержкой в Реввоенсовет фронта.

— Знаю, знаю тебя,— покрутил головой Солодухин.— Наверно, и я такой же настырный и упрямый чертяка. А теперь скажи, комиссар, скажи, пока мы одни. Увидим мы когда-нибудь с тобой царство социализма или так и будем мыкаться всю жизнь от боя к бою? От сердца выложи.

Семен испытующе посмотрел на начдива.

— Слушай, Петро, да неужели люди нашего с тобой толка могут без боя жить — даже и в социализме? Может, другие бои будут — но будут, Петро. Обязательно будут! А ты как мыслишь?

— Я мыслю, как мой боевой соратник, истинный пролетарий и душа-человек Семен Восков,— засмеялся начдив и, заведя в дверях комбригов, громко приказал: — Александров, Куйбышев, где наши глаза и уши? В городе беспорядки, кавалеристы взламывают винные

подвалы, бандиты на улицах замечены... В такой момент не пировать надо, а действовать. И круто! Возвращайтесь к бригадам, выделите усиленные патрули, прочешите все таганрогские улицы. Отпускаю вас. И помните: где войско — там должен быть революционный порядок.— Приосанился.— Наш комиссар говорит: без хорошего революционного боя и в светлом царстве социализма дело не обойдется.

...Двери в маленький домик, где лежал комиссар, не закрывались ни днем ни ночью. Приходили связные комбригов с вестями о боях на фронте, забегали политотдельцы. Однажды появился Солодухин при полной парадной форме, сел у постели Семена:

— Отпускает тебя хвороба?

— Отпускает.— Семен вздохнул.— Через день-два встану. В неудачное время свалился. А ты что — как на свадьбу собрался...

— Тебя разве не известили? — Солодухин заерзал на стуле.— На Кавказский фронт назначение получил.

Семен присел. Обычно он не курил, а тут взял у Петра пачку папирос, достал одну, зажег, затянулся.

— Почему так внезапно, бисова твоя душа? — Восков говорил с горечью.— Обсудить не мог?

— А ты, военкомдив,— сощурился Солодухин,— отпустил бы меня по-мирному? Небось, рапорты в Реввоенсовет отсылал бы...— Наклонился к уху Семена: — Секрета не выдам, если скажу, что здесь главные бои уже кончены, осталась подчистка. А мне масштабы подавай.— Хитро добавил: — Да и тебе.

Вспоминали они все свои встречи, походы. Под конец разговора начдив сообщил:

— Штаб фронта и Реввоенсовет приказали передать командование Куйбышеву. Вы с ним натуры разные, но сработаетесь.

Крепко обнял Семена, ушел, и стало как-то пусто.

Появилась незаметно Сальма, пришла с книгой. Семен хрипло сказал:

— Внеси в политсводку: «Боеспособность частей удовлетворительная. Политработа партийными организациями и политотделом ведется в частях усиленная...» Эх, надо бы записать, что ретивые замашки боевого начдива сократили, а солодухинский наступательный дух дивизия понесет с собой...

„НАС БЫЛО МНОГО“

... ты четвертый комиссар в семье, говоришь? Да это же просто замечательно, Четвериков! Это же наглядное доказательство того, что народ готов отстаивать революцию до самого победного конца.

Разговор шел в плавнях, где закрепилась перед боями за станицу Гниловскую вся третья рота бригады. Ждали разведчиков.

Вот уже полтора месяца две бригады 9-й стрелковой несли сторожевую службу на побережье, готовясь к овладению рубежом Батайск — Койсуг — Азов. 78-й полк сосредоточился на юго-западной окраине Гниловской, обеспечивая частям дивизии наступление на железнодорожный мост по линии Ростов — Батайск. Станица не раз переходила из рук в руки и стала ключевой позицией в Приазовской операции.

Восков ходил с полком в рейды, привязался к озорным, находчивым полтавчанам. Многими своими мыслями делился у ночных костров с первым командиром полка Антоном Борисенко, его преемником Михайленко — человеком редкой военной интуиции, с начальником штаба Иваном Шевченко. И эти ночные беседы, присутствие комиссара в полку обогревали не на час, не на

день, а на всю человеческую жизнь. «Всего себя отдавал ленинский комиссар С. П. Восков людям, за которых шел на смерть.— Это слова уже не начальника штаба 78-го полка Вани Шевченко, а генерал-майора танковых войск И. Н. Шевченко.— Многие из нас, участников гражданской войны, обязаны ему тем, что нашли свое место в бою и в жизни».

...Вот и сейчас, разговорившись с политкомиссаром третьей роты, Семен неожиданно узнал, что все четверо братьев Четвериковых — внуки крепостного крестьянина из села Бакеевка Волчанского уезда, все воюют в 9-й стрелковой и все — комиссары подразделений. «Семен Петрович радовался, как дитя, узнав о нашем семейном содружестве, — рассказывал много лет спустя генерал-майор юстиции М. Е. Четвериков, — и немедленно сделал мой рассказ достоянием нашей армейской газеты и боевых листовок».

...Вернулась разведка. Донесла, что белые устроили в Гниловской несколько пулеметных засад. В станицу пришло подкрепление — конники и остатки корниловской дивизии. Восков поскакал в станицу Сенявскую, разыскал Михайленко, предложил провести операцию, усилив полк за счет резерва дивизии, составил донесение начдиву Куйбышеву — свое последнее военное донесение. «Начдиву-9 1920 г., 20 февр. 13 час. Предлагаю для операции сегодня, под Гниловской, при участии одного полка... объединить командование над 2/9 бриг[адой] и кавбригадой 40 див[изии], не имеющей связи со своей дивизией... в руках тов. Агатоновича, который, в свою очередь, подчинен на эту операцию в оперативном отношении военкомдиву-9. С. Восков».

Получив согласие, Семен предупредил командиров: «Главное — скрытый подход. Я иду с третьей ротой». Агатонович осторожно сказал:

— Товарищ военкомдив, вы после болезни... Может, вам лучше со мной или на КП?

— Полагаю, что комиссары идут впереди, дорогой Андрей.

Мерзлая корка земли. Леденящий ветер. Голодные, полузастывшие люди ползут по скользкому грунту, ползут, мечтая не о тепле, не о хлебной горбушке, а о том, чтобы проскочить полосу обстрела и выбить из станицы грабителей, вешателей, палачей. Колеса тачанок смазаны, чтобы не скрипели, морды лошадей обернуты в тряпки, чтоб не заржали. Добраться, только добраться до Гниловской живыми. А воздух сотрясают орудийные залпы, свист шрапнели — противник бьет наугад.

Ворвались в Гниловскую все разом. Рубка шла по всей станице, пулеметы с крыш изб и с колокольни нещадно поливали огнем красноармейские цепи. Семен взял Четверикова и десяток бойцов, окружил колокольню, начал бой за лестницу, за каждую ступень. На площадке прислонился к балюстраде, расстрелял всю обойму, крикнул:

— Четвериков, а ведь замолчал пулемет... Или плохо слышу я?

— Замолчал,— подтвердил ротный комиссар.

— Тогда будет кому рассказать о братьях Четвериковых.

Возвращаясь в Таганрог, Восков был возбужден боем, победой, знакомством с новыми людьми.

— Какие ребята, Леонтьев, какие ребята! — повторял, будто припев песни подхватывал.— Обо всех — в листовки!

По дороге отдал несколько приказаний. Григория Тарана распорядился послать за резервами в Курскую губернию. Выбрал опытного коммуниста для отправки на Дон — пусть сколачивает хлебный эшелон для Питера.

В штадиве Восков появился непохожий на себя, шумливый, растерянный. Леонтьев тихо попросил инструктора проводить комиссара на квартиру. Каляева застала Семена сидевшим на кровати: с пылающим лицом

он доказывал политотдельцам, что обязан весь личный состав дивизии представить к награждению боевыми орденами.

— Готовьте списки... Не пропустите четырех братьев...

Увидев Сальму, радостно сказал:

— Гниловскую-то взяли! Успела вставить в сводку? — И вдруг вскрикнул: — Не подходи ко мне, пока не явится доктор!

Врач определил сыпняк.

Таганрогская больничка выходила окнами в сторону моря. Семен все время порывался выглянуть в окно, но сестра со странной фамилией Фесвиточнинова решительно заявила, что медицина — против. Несмотря на страшные боли в ушах — тиф сопровождался гнойным воспалением желез, — Восков пытался шутить:

— Сестра. — Из его горла вырывались хрипы, в которых иногда тонул его голос. — Наш начдив страсть как любил упрощать фамилии, товарища Сальму Конвиллем он назвал для удобства Каляевой, вас бы перекрестил на Ветчинову. — Всмотривался в ее лицо: — Что говорит медицина: встанет комиссар или оркестр пригласят?

Иногда метался в бреду, охваченный жаром. Потом вдруг открыл глаза.

— Шаги доктора. А еще чьи? Голос начдива слышу... И Федя Попова — наша кавалерия. Ты здесь зачем, Леонтьев? Где комиссарово место?

Николай Владимирович Куйбышев мягко объяснил свой приход:

— Едем на позиции, Семен Петрович. Хотели вас порадовать. Прорвали укрепления белых по линии Батаяск — Койсуг — Азов.

Восков откинулся на подушки.

— Спасибо, начдив, хорошую новость привез. — Тяжело задышал. — Впереди Кубань, Кавказ. Проверьте весь комполитсостав. Многих скопил тиф. Не бойтесь

выдвигать молодежь. Начдив, жду правды — что сказал доктор?

Куйбышев, как мог спокойно, ответил:

— Положение у вас тяжелое, Семен Петрович, но врачи не теряют надежды на выздоровление.

— В чудо верят? — Усмехнулся. — Спасибо за правду, Николай Владимирович. Решим, пока нет посторонних, главный вопрос — нужен новый комиссар дивизии... — Встретил напряженный взгляд Леонтьева, решил пощадить его: — На время моей болезни...

— Коммунистов много, — хотел успокоить его Леонтьев. — Подскажем Реввоенсовету... если понадобится. Он опрокинул графин, чертыхнулся.

— Ты не в гостиных рос, Евсей, — усмехнулся Восков. — Так вот, уже понадобилось. Как тебе Таран?

— А что? Двадцать восемь лет, башковит, боевит.

— Значит, представляй, — устало сказал Восков. — И про хлебный эшелон для Питера не забудь. Мандат найдешь у меня в столе. Ну, всяких вам удач под Ростовом и за Ростовом.

Сестра их проводила, сменила повязки, подала Семenu сладкий настой на травах.

Как-то вечером его навестил Павел Александров. Восков засыпал его вопросами о настроении бойцов, о снабжении дивизии. Александров начал отвечать точно, с военным педантизмом. Потом по просьбе Семена приоткрыл окно, и теплые лучи мартовского солнца нежно обежали комнату.

— Весной в таинстве и красоте все зачинается, — тихо, но отчетливо сказал Восков. — Жалко, что детям трудящихся пока недоступно... полное наслаждение прелестями природы... — Улыбнулся. — Но день наступит неизбежно.

— Давно хотел вам сказать, Семен Петрович, — обратился к нему комбриг. — Я многому у вас научился. Вы умеете усмотреть за обычными картинами войны по-

рыв народа в будущее. Кто вам дал такое острое зрение? Годы подполья? Скитаний? Выдающиеся умы?

Каждое слово давалось Семену с болью. Он прошептал:

— Сколько Ленин работал в жизни!.. Он счастлив внутренне... Его лицо всегда дышит радостью и бодростью...

«Уходя от Семена Петровича,— записал в этот день комбриг,— я знал, что конец его близок, и думал: какая сила жизни, какая страстная жажда человеческого счастья в этом человеке!»

Каляева ворвалась неожиданно, принесла полевые цветы, пересказала сводки.

— Без вопросов, Семен Петрович. Все сообщу сама.

— Дети? — почти беззвучно прошептал он.

— Выясняем. Товарищи обещали сразу же, как возьмут Полтаву, разыскать их. Можете написать им, если в силах. — Подала ему карандаш, тетрадочку. — Но я постараюсь и сама... Дети Воскова будут знать, что он и Революция — это одно целое.

Вдруг она прочла укоризну в его взгляде.

— Нас было много.— Каждое слово было для него сейчас подвигом.— Мы не музейные... экспонаты. Мы рядовые партии. Помни... и научи этому... детей.

Попытался сделать росчерк, но пальцы не слушались.

В ночь, когда батальоны дивизии врываются в кубанскую станицу Брюховецкую, Семена Воскова не стало.

А у дверей больницы застыла в тревожном предчувствии колонна бойцов его 9-й стрелковой, и в воздухе печально и медленно звучала песня, сложенная на Южном фронте:

Заметает пурга все пути-перепутья,
Но гремит наша песня в краю,
Береги комиссара, заслони его грудью,
Береги комиссара в бою...

Комиссары революционной армии не погибают.

Они могут упасть с пульей в сердце, но идеи, заложенные ими в душах бойцов, открывают им путь в бессмертие.

Их может свалить усталость, голод, сыпняк, но они продолжают шагать в строю солдат Революции.

И он, военком 9-й стрелковой, продолжал с ее бойцами и командирами, гордо называвшими себя восковцами, победное движение по военным дорогам Кубани и Кавказа.

Он был с полком деревенской бедноты имени товарища Воскова и в сражениях с Юденичем, и на польском фронте, и в радостный час вручения полку трех Красных знамен ВЦИК.

И может быть, в каждом подвиге комиссаров, свершенном на полях гражданской или Великой Отечественной войны, жила «искра» человека, о котором так образно и точно сказал комбриг Павел Александров: «У Воскова было острое политическое восприятие событий, умение видеть за ужасами войны исторический порыв народа в коммунистическое будущее, ради которого надо идти на любые жертвы. И когда говорят: «Ленинский военный комиссар», то это определение напоминает мне прежде всего Семена Петровича Воскова».

«Усыновленный сестроречанин», он прокладывал со своими оружейниками новые пути заводу, носящему ныне имя Семена Воскова.

И современники, проходящие по зеленой сестрорецкой аллее или по мягко изогнутой улице Воскова на Петроградской стороне Ленинграда, чувствуют себя приобщенными к историческим событиям века.

В день, когда останки военного комиссара Петроград опускал в священное ложе героев на Марсовом поле, к перрону Московского вокзала подошел эшелон, груженный хлебом: это был еще один дар военкома 9-й дивизии городу Революции, и начальник эшелона предъявил властям мандат, подписанный Семеном Восковым.

Он мечтал, чтобы все дети земли познали подлинные радости детства. И его собственные дети переняли у отца его неугасимую страсть к борьбе и творчеству: штурман бомбардировочной авиации, автор оригинального проекта дирижабля с крыльями, радист-разведчик — юные Восковы несли в себе жизнелюбие и гражданственность отца.

И, снова вчитываясь в строки писем и статей Семена Воскова, вспоминая его речи, задумываясь над его любимыми фразами, мы обнаруживаем удивительное, доброе и пронзительное обращение комиссара к современникам:

«Братва... В личной жизни я пережил много тяжело-го... Но переставал ли я когда-нибудь работать на социализм, в самые худшие, в самые тяжкие дни?.. Нет...

Ни на секунду не потеряю присутствия духа, боеспособности, веры в свои идеалы.

Нужно усмотреть красоту и наслаждение в нашей великой борьбе, в нашем гигантском, можно сказать, титаническом творчестве находить счастье и удовлетворение.

Я всегда слышу стоны крепостных, строивших Питер...

Личные интересы пролетария совпадают с его классовыми...

Те, которые... не мыслят себя частью коллектива... смеются над нашими порывами... не в счет у истории. Это щепки в великом океане жизни.

Мы говорим сейчас: да здравствует беднота, потому что... беднота перестраивает жизнь на новый лад... но мы вовсе не хотим всегда быть бедняками.

Люди полюбят тебя, если будешь говорить простую правду.

Нужно писать так, чтобы рабочий нас понимал.

Война наша... она тяжела... но она неизбежна, и победа наша неизбежна.

Пора, пора пролетариату жить жизнью не только своего села, города, страны, жить нужно нынче жизнью Мировой...

Пусть в теперешние тяжелые дни рабочие, солдаты, крестьяне всех стран научатся у нас, как вести дело борьбы за свое освобождение.

Комиссар — это кусок цемента для сплочения всего борющегося пролетариата.

Все, и себя, надо рассматривать не со статической, а с динамической точки зрения.

Долой, долой лирику, настроение, да здравствует борьба, беспощадная, суровая, безграничная и многогранная, классовая революционная борьба.

Мы не должны остаться для наших потомков только музейными экспонатами...

А ведь у меня, кроме всего прочего, и сердце имеется.

Семен Восков».

ОГЛАВЛЕНИЕ

«НО ДЕНЬ НАСТАНЕТ!..»	5	Пять дней перед 25 октября	148
Глобинский мужичонка прерывает бал	6	Да здравствует революция!	155
Тайны юного книжника	11	Эшелоны поворачивают	161
Корзина на кременчугском вокзале	17	Агитаторы требуются по обе стороны фронта	167
Осада Тюремного замка	25	Право командовать	171
Бездействие — не для него	35	«В собственность прямых наследников»	177
Поединок с карателями	41	Именем Республики	185
Дорога в свой дом перекрыта	44	Цена доверия	195
В списке «особо опасных»	51	Приглашение в Зимний дворец	205
Сквозь паутину еля и лжи	56	Тактика — наступательная	213
Полпред столярного братства	68	Дискуссия ради жизни	223
Корреспондент рабочей газеты	79	Когда приходят тревожные сводки...	299
На бой вызываются «оборонцы»	87	Горка называется Красной	236
Бруклинская стружка	95	Прощание с Петроградом	240
Любовь моя, Россия!	104	ПОРЫВ В БУДУЩЕЕ	245
КОМИССАР РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТРОГРАДА	111	Третьего не дано	246
Красота нашей борьбы	112	«Петроградцы, затаив дыхание...»	252
Ключ у товарища председателя	120	Философские уроки	257
Усыновлен Сестрорецком	128	С Первой Конной	266
Неразгаданный маневр	131	Мужской разговор	273
Баржа с гранатами	137	«Нас было много»	280
Арсенал великого штурма	143	Вместо эпилога. Мы слушаем Семена Воскова...	286

50 коп.

